Г. КОЛЬ

ГИЛЬДЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Ф. РОТШТЕЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО
МОСКВА—1925 Г.

Г. КОЛЬ

ГИЛЬДЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Л. И. РАЕВСКОГО
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Ф. А. РОТШТЕЙНА

Издательство „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО"
ГОСПЛАН СССР МОСКВА 1925

ПРЕДИСЛОВИЕ

В порядке исторической преемственности социалистических идей английской интеллигенции гильдейский (по русски, пожалуй, вернее было бы сказать: Цеховой) социализм явился на смену обанкротившегося фабианства в такой же мере, в какой фабианский социализм явился в свое время на смену обанкротившегося либерализма. Подобно тому, как оказавшееся несостоятельным учение о самодовлеющей и самодостаточной личности должно было в передовых кругах интеллигентной молодежи уступить место учению о всеблагой и все регулирующей роли государства, так выявление в эпоху империализма и милитаризма истинной природы государственной власти в буржуазном обществе должно было разочарованную английскую интеллигенцию толкнуть на путь отрицания „этатизма" и восстановления автономной личности—правда, не единичной, а коллективной, массовой, в виде общественных организаций. В этом историко-социологическом смысле гильдейский социализм является в полной и исключительной мере продуктом английской почвы.

Но он является таким и в других своих составных частях. Английская интеллигенция, детище состоятельной буржуазии и воспитанница оксфордского и кэмбриджского университетов, этих очагов „гуманитарной", художественно-литературной культуры, питает вообще недоверие и отчасти боязнь перед политическим массовым движением пролетариата, и когда в начале тукущего столетия на арену внезапно выступила массовая рабочая партия, предводимая „социалистами" из фабианской школы, то ее естественной реакцией на это явление было восприятие анархо-социалистических и синдикалистских идей, еще более углубившееся по мере выявления новой партией в парламенте оппортунистических и фило-либеральных тенденций. Борьбе за политическую власть парламентским путем начала противополагаться синдикалистская идея „прямого действия", а концепции государственного социализма—система управления производством автономными профессиональными союзами. Если в данный момент синдикалистская идея и была французского происхождения, то она тем легче нашла себе приют в английских интеллигентских кругах, что исторически она примыкала к оуэнизму, этому типичному

продукту английского гения. Правда, французский синди-
кализм принимал революционные аллюры, но эта революцион-
ность не была организованной, даже отрицала организацию,
и поэтому он вполне укладывался в те рамки „эстето-либертар-
ного" бунтарства (весьма легкого), которое позволяли себе,
по крайней мере, на словах, оксфордские молодые люди.

Но гильдейский социализм тем отличался и еще отличается
от синдикализма, что он включает в свою систему еще и
потребительский „социализм". Этот „социализм" уже исклю-
чительно английский продукт. С тех пор, как теоретически
Ричардом Кобденом и практически всем последующим опытом
было доказано, что дешевый продукт потребления является
безусловным благом, ибо капиталисту он удешевляет рабочую
силу, рабочему облегчает существование, а обоим вместе
создает возможность мирного сожительства,—с этих пор по-
требление, как экономическая категория, вошло у англичан
в большой почет. Специально в рабочем классе вопросы по-
требления, т.-е. вопросы дешевого продукта стали основными
вопросами существования, так как прогрессивное падение
цен, особенно ярко выступившее приблизительно с середины
семидесятых годов, неудержно увеличивало реальную стои-
мость заработной платы, избавляя рабочих от необходимости
воевать с предпринимателями за повышение ее. Потребитель-
ские интересы, обычно заостренные у мелкой буржуазии,
стали, таким образом, преобладающими и в английском ра-
бочем классе и вызвали к жизни специфически-английский
социализм потребительства.

Если таково английское происхождение гильдейского со-
циализма, то достигнутая им одно время довольно значитель-
ная популярность в среде буржуазной и даже, до известной
степени, рабочей интеллигенции (рабочие массы им никогда
не интересовались, и поэтому он никогда не стал движе-
нием), лишь отчасти объясняется специфической обстанов-
кой Англии. Незадолго до войны, а еще более после войны
произошел ряд огромных массовых выступлений организован-
ных рабочих, в одном или двух случаях принявших непосред-
ственно форму прямого действия, так как сопровождались
или даже определялись лозунгами политического или социаль-
реформистского характера. Учение гильдейского социализма
о роли профсоюзов получило, таким образом, оправдание и
подтверждение на опыте реальной борьбы. Но с другой сто-
роны, на судьбы его оказал сильнейшее влияние другой
фактор, на этот раз международного характера: наша Октябрь-
ская революция, поставившая не только у нас, но и во всем
мире проблему власти и государственной организации. Совет-
ская система, после небольшого периода увлечения, была
вскоре оставлена западно-европейской социал-демократией,
но вопросы социализации формально остались в порядке дня,

а вместе с ними продолжали обсуждаться планы альтернатив-
ных советскому строю государственных форм. Как раз
в 1920 году, когда впервые вышла книжка Коля, Между-
народное Социалистическое Бюро II Интернационала обрати-
лось к с.-д. партиям с предложением составить проекты на
эти темы, и, по крайней мере, супруги Уеббы прислали целый
том под заглавием: „Конституция для социалистического госу-
дарства Великобритании". В такой обстановке гильдейский
социализм, выступавший с новым и оригинальным проектом
государственной организации, местами похожей на советский
строй, но все же сохранившей типичные английские черты,
приобрел значительную известность и не остался без влияния
не только на фабианский социализм, как это видно из упо-
мянутой книги Уеббов, но и на „социализм" континенталь-
ный, например, австрийский.

Коль является (или, скорее, являлся) самым талантливым
теоретиком этой новой школы английского социализма. Долго
успех школы не продолжался. Некоторые из ее руководителей—
правда, весьма немногие—вскоре примкнули к начавшемуся
как раз в это время коммунистическому движению. Другие
тоже примкнули было к нему, но вскоре ушли, найдя лозунги
и методы компартии и Коминтерна для себя неподходящими.
Иные вернулись к фабианству, иные, в том числе сам Коль,
вошли в рабочую партию, и только немногие остались в ря-
дах воинствующих гильдейцев. Но если практическое значе-
ние этой школы в настоящее время весьма незначительно, то
теории ее, изложенные в настоящей книжке, все же предста-
вляют научно-теоретический и политический интерес. Как из-
вестно, ими заинтересовался было и Владимир Ильич, для
которого были ценны все теории, исходившие из отрицания со-
временного общественного и государственного строя буржуаз-
ной, так называемой, демократии. Быть может, автор „Государ-
ства и Революции" даже не знал точно, до какой степени
его собственная критика этой демократии и ее учреждений
способствовала оформлению взглядов гильдейцев, отразившихся
в книжке Коля. По этой причине он, вероятно, и немного
преувеличивал достоинства ее. Фактически, кто знаком с исто-
рией английской политической мысли последних десятилетий,
тот не усумнится, что содержащееся у Коля изображение
иллюзорности буржуазного парламентаризма и демократии
классового государства вообще целиком навеяно книжкой
Ленина в той же мере, в какой некоторые детали его проекта
в положительной части подсказаны нашим советским опы-
том. Но и с этими оговорками настоящая книжка будет
читаться с интересом и пользой, так как во многом она, не-
сомненно, предваряет будущее развитие общества. В бесклас-
совом обществе, например, и мы не находим места для госу-
дарства и для принуждения, а что касается управления про-

изводства организациями производителей, то поскольку в коммунистическом обществе каждый член будет участвовать в производстве, тезис Коля оправдается в той или иной форме и тут.

Из нашего практического опыта мы уже знаем, до какой степени Коль упрощал себе механизм и функционирование будущей государственной (или общественной) организации. Он не знает, какая это сложная вещь устанавливать нормы заработной платы по отраслям и районам, производить распределение живых и мертвых средств между различными отраслями промышленности, вести внутреннюю торговлю или снабжение, а еще больше—торговлю внешнюю, измерять и развивать емкость рынка для того или другого продукта, ставить новое производство и т. д. Он думает, что все это можно регулировать „согласованием" тех или иных производственных организаций без общего планового руководства из какого-нибудь облеченного особым авторитетом, а, может быть, и властью центра. Любой из наших работников высших экономических органов сумеет указать на тысячу и один пробел, на тысячу и одну наивность и ошибку в плане Коля. Но по существу не это важно; важно скорее то, что Коль, на подобие старинных утопистов, сразу перескакивает в царство свободы, минуя то царство необходимости, каковым является переходный период от капитализма к коммунизму хотя бы в гильдейской форме. Сам Коль настаивает на том, что его проект вырастает, так сказать, из намечающейся практики и делает из себя как бы продолжение и осуществление действующих уже ныне тенденций. Другими словами, вслед за капиталистическим строем он мыслит себе непосредственно наступающим период гильдейского социализма, где не будет уже ни классов, ни государства. Это—абсолютно неверное представление о ходе исторического развития; оно подрывает всю его аргументацию. Если бы он знал ту, ныне уже непреложную, теоретически и практически обоснованную истину, что царство коммунизма (или гильдейского социализма) отделяется от царства капитализма не каким-нибудь одним событием или актом, а целым историческим периодом, содержанием которого является борьба за новый строй, то он вынужден был бы внести целый ряд основных коррективов в свою концепцию как будущего строя, так и способов подхода к нему и осуществления его. Он бы тогда понял, что нельзя строить план организации будущего бесклассового общества на основании тенденций настоящего времени, ибо между будущим и настоящим строем вдвигается некий еще новый строй, который будет иметь свои тенденции развития, что этот промежуточный строй, подготовляя строй бесклассовый, не сможет обойтись без государственного аппарата принуждения, направленного к охране и утверж-

нию его, и что поэтому совершенно ошибочна та предлагаемая Колем тактика, которая, отказываясь от революционной агитации, т.-е. от подготовки к захвату и удержанию власти классом, непосредственно заинтересованным в перевороте, переносит центр тяжести на постепенное завоевание им известных позиций уже при капиталистическом строе. Его красивая теория, будто „максимальное развитие эволюционной тактики, в особенности, со стороны экономической и индустриальной, не только неизмеримо увеличит шансы успеха тех или других революционных действий, но и сведет требуемые размеры этих революционных действий до минимума"—эта теория, базирующаяся на ложном предположении о смежности капиталистической и коммунистической фаз общественного развития, представляет собой лишь парафразу пресловутой теории реформистов всех родов и мастей о „врастании" социалистического общества в буржуазное. На деле преемственность фаз исторического развития общества обусловливается и определяется не врастанием установлений институтов и учреждений, а ходом развития производительных сил, и сколько бы „позиций" не было завоевано пролетариатом при капиталистическом строе, они не избавят его от необходимости делать революцию, т.-е. захватить власть, раздавить буржуазию, разрушить старый государственный аппарат и создать на его место новый. Только проделав все это, пролетариат сможет создать и новый строй коммунизма.

Коль, признавая неизбежность не только революции, но и насильственных революционных действий, все же отрекается не только от политической борьбы вообще (сводя ее к парламентской), но и от той агитационной и организационной подготовки их, которая могла бы прямиком привести его к коммунистической партии. Он уверен, что мыслимая им революция разрешится на улице; он даже убежден, что это будет не один бой, а целый ряд боев, из которых пролетариат, в конце концов, выйдет победителем; но когда он вплотную доходит до вопроса о том, как же и при какой обстановке и какими средствами эта физическая борьба будет пролетариатом проведена, он высказывает убеждение, что дисциплину армии нельзя будет подорвать революционной пропагандой, и затем уклоняется от всякого другого ответа на вопрос. Это—акт не только политического, но и логического дезертирства, весьма характерный для английского интеллигента. Меж тем нам гораздо важнее решить вопрос, как делать революцию, чем рисовать картину будущего строя. Это знали уже и старые чартисты, которые неустанно говорили Оуэну и другим изготовителям социальных рецептов будущего „оставьте свои планы в покое, а проповедуйте лучше о законных правах рабочего класса и о политическом освобождении его, ибо если это будет достигнуто, то народ

ные массы в состоянии будут осуществить оуэнизм или сенсимонизм или любой другой изм, а без этого, без обладания властью, народ никогда ничего провести не сможет" (Бронтерр О'Брайен). Если „народ", даже при полном обладании властью, не так уже свободен в своем социальном творчестве, как думал О'Брайен, то все же остается аксиомой, что завоевание политической власти является предпосылкой ко всякому творчеству, и что, стало быть, проблема революции первее проблемы строя, подлежащего созданию на другой день после нее.

Мы ограничиваемся указанием на этот существенный недостаток, порочащий теорию гильдейского социализма, и выражаем уверенность, что изучение в свете нашего советского опыта положительной его программы общественной организации окажется для читателя не бесполезным.

Ф. Ротштейн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не претендует на то, чтобы дать авторитетное изложение гильдейского социализма, под которым подписались бы все сторонники этого направления или большинство из них. Я с удовлетворением констатирую, что строгой гильдейской ортодоксии не существует. В большей своей части настоящая книга является лишь изложением личных воззрений автора. Полагаю, однако, что поскольку в этой книге разбираются многие из вопросов, подвергшихся обсуждению на конференции Лиги Национальных Гильдий, постольку окажется, что развиваемые в ней воззрения существенно совпадают с взглядами, высказанными Лигой. В этом можно убедиться из отчетов, опубликованных Лигою, в которых помещены наиболее важные из резолюций, принятых на конференции.

Я должен отчасти извиниться за сжатость изложения. В пределах небольшой книги оказалось очень трудным дать хотя бы приблизительно исчерпывающее изложение позиции гильдейского социализма и во многих отношениях оно осталось неполным. В особенности это касается краткой главы, посвященной „переходному периоду". Ряд важных проблем совершенно опущен. Для более полного ознакомления со многими из обсуждаемых в этой книге вопросов отсылаю читателей к литературе по гильдейскому социализму, приведенной в прилагаемом библиографическом указателе.

Я должен упомянуть, что этот труд мог принять настоящую свою форму лишь благодаря дискуссиям, происходившим в кружке гильдейских деятелей, членом которого я состоял и в котором многие из рассматриваемых здесь вопросов были предметом долгих прений. И я пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность членам этого кружка, давшим мне возможность привести в этой книге их лучшие мысли. Я сделал, конечно, широкие позаимствования также и у других гильдейских писателей.

Сентябрь, 1920 г.

Г. Д. Х. Коль

ТРЕБОВАНИЕ СВОБОДЫ

Для того, чтобы правильно оценить социальные силы, действующие в настоящее время на земном шаре, необходимо, прежде всего, постичь значение лозунга „контроля над промышленностью" — лозунга, глубоко внедряющегося в сознание организованных рабочих и захватывающего все более широкие их массы. Это требование выдвигается не в одной лишь стране, а также и не в одинаковой форме повсюду, — оно выставляется почти во всех странах, в которых упрочился промышленный строй, и притом во многих различных видах, соответствующих разнообразию национальных темпераментов и традиций. Это не новое требование. Оно возникало, быть может, случайно в течение всей истории рабочего движения: в „овенитском" трэд-юнионизме 30-х годов в Великобритании, в среде анархистов и коммунистов на европейском континенте и в рядах революционеров и реформистов раннего периода в Соединенных Штатах. Но характер этого требования не тот, что в прежние времена, оно не только более всестороннее и пустило более глубокие корни, — оно, кроме того, в настоящее время прочно базируется на положительных завоеваниях классовой рабочей организации и уже не носит характера абстрактной утопии, а, наоборот, приобретает реалистическую и практическую форму.

Настоящая книга о гильдейском социализме представляет собой попытку объяснить реальный характер этого требования, в особенности поскольку оно проявляется среди говорящих по-английски народов; в то же время автор, излагая главные идеи гильдейского социализма, рассматривает их прежде всего как попытку дать теоретическое и практическое обоснование стремлений, на которых это требование базируется. При написании этой книги автором руководила уверенность, что пока мы не изобретем и не создадим таких форм социальной организации, в рамках которой эти стремления могут получить разумное удовлетворение, до тех пор не приходится надеяться на какое бы то ни было „переустройство", позволяющее наладить наш промышленный строй и оздоровить социальный организм в целом. Поэтому-

та хотя книга и посвящена, главным образом, вопросам, связанным с промышленностью, и подходит к другим социальным проблемам с индустриальной точки зрения, ее выводы и заключения не ограничиваются одной только промышленностью, но затрагивают значительно более широкую область. Она фактически заключает в себе теорию представительного демократического правления в виде законченной и реальной программы, намечающей общие линии как политического, так и социального переустройства.

Несмотря на то, что теория гильдейского социализма, подобно всем другим социальным теориям, содержит некоторые основные предпосылки относительно целей общественного объединения и жизни людей в обществе, она по существу вырастает из реальной исторической ситуации, в которой мы находимся в настоящее время. Гильдейский социалист верит в то, во что он верит, не столько благодаря выводам абстрактного мышления, сколько потому, что решение социальной проблемы, данное гильдейским социализмом, кажется ему просто и естественно вытекающим из той формы, в какой эта проблема ставится в настоящее время. Он претендует не на измышление заоблачных утопий, а на оформление и выяснение некоторых совершенно определенных тенденций, действующих ныне в обществе; он уверен, что он лишь предугадывает естественное развитие уже существующих учреждений и социальных сил. Он не боится клички „мечтателя", ибо он глубоко убежден, что его мечты в высшей степени практичны.

Поэтому лучшим путем для понимания позиции гильдейских социалистов является, во-первых, ознакомление с основными воззрениями их на общество, во-вторых, с их взглядами на положение, в котором очутились теперь индустриализованные страны Европы, Америки и Австралии, и, в-третьих, с теми социальными силами и учреждениями, в развитие которых верят гильдейские социалисты и от которых они, главным образом, ждут разрешения поставленной проблемы. Правильная оценка этих пунктов облегчит ясное понимание программы гильдейских социалистов.

Гильдейцы считают, что главной социальной ценностью является человек и что общество следует рассматривать как совокупность ассоциаций, сочетаемых вместе волею их членов, благосостояние которых и является целью объединения. Они считают даже, что одного только пассивного и „подразумеваемого" согласия управляемого на форму правления недостаточно, но что общественный организм может правильно функционировать лишь в том случае, если он в полном смысле слова проникнут началами демократии и самоуправления. Это предполагает, однако, не только „право" всех граждан оказывать влияние на политику, если они этого пожелают, но и предоставление каждому [illegible]

вости фактически осуществлять это право. Другими словами, понятие настоящей демократии, как ее представляет себе гильдейский социалист, подразумевает активное, а не только пассивное гражданство ее членов. Более того, и это, пожалуй, наиболее жизненный и самый важный из всех выводов гильдейских социалистов,—они считают, что этот демократический принцип должен применяться не только к специальной сфере социальной деятельности, известной под именем „политики", но и ко всем решительно формам общественной деятельности (главным образом, к промышленной и экономической) в такой же полной мере, как и к политической области.

Называя вышеприведенные взгляды основными предпосылками гильдейского социализма, я этим не хочу вовсе сказать, что их совершенно невозможно подкрепить доказательствами. Наоборот, их можно подкрепить весьма ясными аргументами, ибо вполне очевидно, что только общество в полном смысле слова и во всех отраслях своей жизни самоуправляющееся может надеяться вызвать наружу то, что есть лучшего у входящих в его состав членов, а также предоставить последним тот максимум возможностей для проявления личных и коллективных стремлений, который необходим для осуществления настоящей свободы. Но подобные аргументы, посредством которых можно подтвердить и подкрепить вышеприведенные основные предпосылки, в действительности являются результатом тех же самых логических рассуждений и, в конце концов, представляют собою лишь различные способы изложения все той же принципиальной позиции. Сущность воззрений гильдейского социализма сводится к тому, что общество должно быть организовано таким образом, чтобы предоставить всем членам его широчайшую возможность выражения индивидуальных и коллективных стремлений и что это предполагает проведение принципа самоуправления во всех частях социального целого.

Никто не станет серьезно утверждать, что общество в настоящее время организовано на таком принципе. Правда, в теории мы обладаем весьма широким демократизмом, но имеются по меньшей мере три достаточно сильных фактора, которые на практике в значительной степени аннулируют эту теоретическую демократию. Прежде всего даже теория современной демократии сводится, главным образом, к типу демократии, основанной на „сознательном согласии". Она предоставляет рядовому гражданину лишь право, оказывающееся на практике большей частью иллюзорным, избирать своих правителей и вовсе не приглашает его и не предоставляет ему возможности самоуправляться. Впрочем, практика последнего времени толкала даже теорию представительного правления к почти полной замене избирателя его представителем. В этом состоит сущность учения о „суверенитете парламента". Во-

вторых, признаваемая ныне демократия понимается в узко „политическом“ смысле, как нечто применяемое лишь к совершенно определенной сфере, известной под именем политики, а не в более широком и всестороннем смысле, в применении ко всей организованной коллективной деятельности человечества. Поэтому „демократы“-теоретики совершенно игнорируют то влияние, какое недемократические организации и объединения оказывают в неполитических областях общественной жизни не только в смысле воздействия на частную жизнь людей, но и в смысле искажения и практического уничтожения демократизма в области политики. Они игнорируют тот факт, что огромное имущественное неравенство, порождающее столь же огромное неравенство в образовании и сознательном отношении к окружающему, неизбежно становится фатальным для всякой действительной демократии, как в политической, так и во всякой другой сфере. В-третьих, теория представительного правления извращается не только подменой избирателя его представителем, но также и энергичной деятельностью политического правительства, искажающего самую представительную систему. Пока круг деятельности политического правительства сравнительно невелик и ограничен и огромная область общественной жизни вовсе не регулируется или регулируется иными органами, какими были, например, средневековые гильдии, до тех пор, быть может, представляется возможным для группы людей избирать одного человека, который должен представлять их во всех тех вопросах, с которыми приходится иметь дело представительному политическому учреждению.[1] Но по мере того, как круг деятельности политического правительства расширяется и начинает охватывать все большую область общественной жизни, представительство, бывшее прежде в узких пределах реальным, становится псевдо-представительством, и лицо, избранное для выполнения бесконечного количества несвязанных друг с другом задач теряет всякую живую связь со своими избирателями.

Гильдейские социалисты, как и все настоящие социалисты, считают, что истинная демократия никоим образом не может быть осуществлена в обществе, допускающем чрезвычайное неравенство его членов в отношении имущества, общественного положения и власти. Совершенно ясно, что если в экономической области один человек является хозяином, а другой наемным рабом, один владеет богатствами и отдает распоряжения, а другой располагает лишь ненадежными источниками существования и исполняет приказы, то никакое чисто

[1] Так, например, правительство Великобритании в течение некоторого времени после 1680 г. [illegible]

политическое равенство, хотя бы на основе принципа „один человек — один голос“, не может сделать этих двух людей действительно равными как в социальном, так и в политическом смысле. Экономическое могущество богатого предпринимателя или еще более богатого финансиста, господствующего даже над предпринимателем, должно на каждом шагу одерживать победу над избирательными правами наемного раба. Пресса, которая может вестись только при поддержке капиталистов и за счет крупных объявлений, дорого стоющий избирательный механизм, школьная система, различная для богатых и бедных и подготовляющая первых к господству, а последних к подчинению, экономический строй, довершающий эти различия школьного воспитания — эти и сотни других факторов дают богачу в политическом отношении бесконечно большую силу, чем бедняку. И мы логически приходим к тому выводу, что если мы действительно стремимся к демократии, т.-е. если мы хотим, чтобы голос каждого человека засчитывался по его истинной ценности, независимо от всяких посторонних соображений, то мы должны уничтожить классовые различия, устранив то огромное неравенство состояний и экономического могущества, на котором они покоятся.

Мы стоим лицом к лицу с тем фактом, что вследствие преобладающего влияния экономических факторов, нынешний социальный механизм выражает точку зрения класса, все еще продолжающего управлять хозяйственной жизнью общества. Но в то же самое время ясно, что могущество этого класса все более оспаривается его соперником — рабочим классом, ведущим с ним борьбу посредством своих организаций, все полнее представляющих все группы и профессии. Наиболее значительным социальным явлением нашего времени является развитие организации рабочего класса, прежде всего в форме профессиональных союзов, но также и в форме кооперативного движения и в других менее важных формах. Организация рабочего класса уже и теперь представляет собой великую социальную силу, но эта сила не признана конституцией. Нам могут возразить, что конституция в точно такой же степени не признает и обладающих еще большим могуществом колоссальных трестов и синдикатов, возглавляемых федерацией Британской Промышленности. Но эта „внеконституционность“ капиталистических организаций не имеет практического значения, так как они представляют тот класс, который обладает теперь социальной и экономической властью в обществе и политической — в государстве. С другой стороны, рабочие в качестве класса, обездоленного как в экономическом, так и в политическом отношении, должны пользоваться своей экономической организацией, как почти единственным имеющимся у них средством, для того, чтобы заставить считаться со своими требованиями, к какой бы области социальной

жизни последние не относились. По мере растущего сознания своей экономической силы, рабочие все больше пытаются использовать ее в качестве орудия для управления обществом. Таков по существу смысл „прямого действия".

Та форма хозяйственной организации, с которой рабочие ведут борьбу посредством „прямого действия", называется, если смотреть на нее с верхнего конца, „капитализмом". Если смотреть на нее с нижнего конца, эта система вполне заслуженно называется „наемным рабством". Оно так называется потому, что вверг ает тех, кто работает при ней, в почти рабское состояние и притом достигает этого путем применения системы заработной платы. Институт заработной платы дает возможность предпринимателю или компании покупать рабочую силу в таком количестве, в каком оно им нужно, в качестве сырья, дающего им прибыль, по рыночной цене, существенно не отличающейся от рыночных цен на обыкновенные товары. Рабочая сила может быть куплена по дорогой или дешевой цене, в зависимости от условий рынка; если же нет возможности извлечь из нее прибыль, то ее вовсе не покупают. Если рабочая сила куплена, то рабочий получает заработную плату, если она не куплена, то он заработной платы не получает. В последнем случае „честные" капиталисты имели обыкновение предоставлять рабочему умирать с голоду или принуждали его итти в рабочие дома под угрозой применения к нему „нового закона о бедных". Но в виду того, что это оказалось не только бесчеловечным, но и невыгодным, к небольшим сбережениям, которые рабочие лучше оплачиваемых профессий делали для себя через посредство своих тред-юнионов, стали в последние годы добавляться взносы государства и предпринимателей в некоторых отраслях промышленности, а затем у рабочего стали делать принудительные отчисления из его заработной платы, чтобы обеспечить его на время безработицы. Эти подачки не устраняют, однако, того основного факта, что по капиталистической теории рабочий не пользуется в промышленности никакими правами. Он продает капиталисту за ту цену, какую может получить, такое количество рабочей энергии, сколько имеется в его распоряжении, при чем предполагается, что все его претензии на продукт его труда погашаются получаемой им заработной платой. Вся стоимость его продукта, превышающая полученную им заработную плату, присваивается другими в форме ренты, процентов и прибыли.

Это, конечно, очень краткий анализ, но он вполне достаточен для нашей задачи, заключающейся лишь в том, чтобы обнаружить те бреши, которые уже пробиты в современной системе атаками быстро растущих рабочих классовых организаций. Эти организации достигают своих целей тем, что вырывают рабочего из изолированного состояния и заменяют

индивидуальную продажу рабочим его рабочей силы в условиях взаимной конкуренции зачаточными формами коллективных договоров, посредством которых тред-юнионы предписывают всем своим членам минимальные условия оплаты. По мере роста могущества профессиональных союзов увеличивается количество этих условий, и они становятся все более строгими, и таким образом рабочие все активнее начинают вмешиваться в способы управления промышленностью.

Но при установлении всех тех правил, которые издает профессиональный союз, он всегда остается учреждением, стоящим особняком от действительного управления промышленностью. Профессиональный союз не может отдавать распоряжений относительно способа управления фабрикой, он может, вообще говоря, только налагать запреты. Это неизбежно ведет к тому, что действия профессионального союза в значительной степени имеют лишь отрицательный и ограничительный характер, и таким образом он применяет тот же метод, что и извне навязываемый государством закон, регулирующий промышленность, при чем метод этот имеет те же дефекты, как и этот последний. Чем большее применение находит себе эта система извне получаемых запрещений, тем большие затруднения она создает для современного экономического строя. Предприниматель жалуется, — и часто небезосновательно, — что он лишен возможности вести свою фабрику так, как он находит нужным; со своей стороны; профессиональный союз может только защищать интересы своих членов, стесняя предпринимателя, но он не имеет власти управлять фабрикой вместо ее хозяина. Иногда на практике работа налаживается благодаря взаимным уступкам, но вся система находится в состоянии неустойчивого равновесия, и представляется несомненным, — по крайней мере, для гильдейских социалистов, — что имеются налицо только два возможных выхода для этого положения. Либо должно быть уничтожено право профессиональных союзов налагать ограничения на деятельность предпринимателей, либо эта их власть должна быть преобразована из негативной в позитивную и вместо того, чтобы манипулировать только тормозом, они должны взять в свои руки контроль над рулем.[1]

В этом отражении того, — исключительно с точки зрения борющихся экономических сил, — тупика, в который зашел современный хозяйственный строй, опущен один существенный фактор: за этими борющимися силами находятся людские стремления, управляющие ими. Застой этот существует не только потому и даже не главным образом потому, что достигнуто устойчивое равновесие сил, но потому что психоло-

[1] Здесь мы не касаемся предположений о возможности „объединенного контроля", о котором говорится ниже.

гическая позиция общественных классов, отчасти вследствие изменившегося соотношения сил, подвергается ныне коренному изменению. Капиталистический строй или строй заработной платы, как мы его грубо назвали выше, мог так или иначе функционировать лишь до тех пор, пока различные классы соглашались—добровольно или вынужденно—на отведенное им положение. Правда, в раннюю эпоху фабричной системы производства и в особенности в период „оуэнского" тред-юнионизма и чартиского движения, в широких кругах рабочих масс проявлялось возмущение против капиталистического строя и невыносимых условий жизни, бывших для многих еще вновь. Но те силы и организации, которыми они располагали, были недостаточны для того, чтобы сбросить с себя гнет эксплоататоров, и они были вынуждены примириться с хозяйственной системой несмотря на то, что не хотели покориться ей добровольно. Неудача восстания рабочих, за которой, с другой стороны, последовало хотя и небольшое, но реальное улучшение условий их существования, вызвала в широких массах подавленное настроение и в течение второй половины девятнадцатого века фабричная система продолжала развиваться при покорном и даже отчасти сочувственном отношении рабочих, все еще стремившихся улучшить свое положение в рамках существующего строя, и редко пытавшихся покончить с ним совершенно, как это делалось раньше. К концу столетия, когда современное социалистическое движение достигло значительного развития и в организацию были втянуты новые массы рабочих, революционное настроение начало опять расти. Но вплоть до самого начала войны оно, несмотря на тревожную ситуацию, создавшуюся в предшествовавшие войне годы, не достигало таких размеров, чтобы серьезно обеспокоить господствующие классы или угрожать близким свержением капиталистического строя.

Война совершенно изменила положение вещей не столько порождением новых факторов, сколько обострением влияния уже ранее действовавших факторов. В целом ряде стран война довела революционное движение до высшей точки развития, причем в некоторых случаях дело дошло до настоящей революции, а в большинстве стран до крайне большого напряжения, которое, хотя и не вызвало немедленной революции, все же вывело капиталистической строй из равновесия. Это случилось потому, что в рядах организованного рабочего класса война всюду породила огромный рост сознания своей силы и надежду превратить эту силу в признанный фактор социального творчества. Война, кроме того, в значительной мере дискредитировала капитализм, как форму производства и заставило государство — этот политический механизм общества—более откровенно и неприкрыто выступить в качестве орудия классового господства. К тому же и русская

революция, независимо от того или иного отношения к политике большевизма, оказала очень сильное влияние на умы рабочих и ознакомление с ней в связи с другими факторами, породило в их сознании гораздо более сочувственное отношение к перевороту. Прибавьте сюда еще и тот факт, что война вообще приучает равнодушно относиться к мелочам, предрасполагает к героическим мерам и вносит значительное расстройство в повседневную работу общественного механизма и больше всего в ход производства, и вам будут понятны все основные причины той глубокой перемены, которая произошла в психологии рабочего класса во всех индустриализированных странах.

Это изменившееся отношение вскоре вызвало изменение всей современной экономической ситуации. Оно не только увеличило готовность рабочих принимать участие во всех конфликтах с государством и предпринимателями, но сверх того сильно отразилось и на их повседневной производственной работе. Рабочие не только стали охотнее бастовать,— они обнаруживали растущее стремление не работать для хозяев-капиталистов. Это выражалось не только в учащении фабричных конфликтов, но еще в гораздо большей степени в быстром падении индивидуальной производительности, которое не в состоянии были приостановить ни поощрительные меры, в роде премиального вознаграждения, ни брошюры и воззвания, призывающие производить возможно больше во имя экономического благосостояния страны и „национального возрождения". Таким образом, как раз в тот момент, когда извне капиталистам и капиталистическому государству начала угрожать опасность со стороны могучих рабочих классовых организаций, капиталистической строй стал подрываться и изнутри, вследствие нежелания рабочих служить ему так хорошо и добросовестно, как они это делали в прошлом. С этим нежеланием было невозможно успешно бороться путем принуждения, ибо голод и страх, посредством которых удавалось во времена прежних буянов загнать рабочих обратно на фабрики и принудить их работать, ныне, благодаря усилению могущества рабочих организаций, утеряли почти все свое устрашающее влияние. Рабочие во всех странах стали систематически подводить мины под здание капитализма.

Гильдейские социалисты, поэтому не только утверждают, что нынешнее положение вещей может продлиться только в течение ограниченного периода времени и то лишь ценой все усиливающейся разрухи, они не только верят в правильность своих идей на счет наилучшей формы социального устройства в ближайшую стадию исторического развития,— но и сосредоточивают все свои упования на количественном и качественном росте тех организаций, которые были созданы рабочими в целях самозащиты. По их мнению в нынешних тенденциях рабочей классовой политики можно повсюду заметить

признаки этого роста. Они рассматривают столкновения между старым порядком и новым, с одной стороны, как борьбу за власть между двумя соперничающими общественными классами, имущим и обездоленным и, с другой стороны, как борьбу организованных рабочих за взятие в свои руки социальных функций, к удачному выполнению которых в интересах всего общества они все более считают себя способными. Кроме того, в падении производительности капиталистической промышленности и в ослаблении у рабочих желания производить, гильдейцы видят неизбежное следствие такого положения вещей, при котором социальный вес и влияние отдельных классов совершенно не соответствуют их экономической дееспособности. Такое положение неизбежно должно привести к революционному перевороту—все равно насильственному или мирному. Задача гильдейских социалистов состоит, во всяком случае, в том, чтобы влить в эту грядущую революцию дух творчества и выработать необходимую для ее успешного развития положительную политику, гармонирующую как со стремлениями народных масс, так и с возможностями той организации, которую эти массы создали для защиты своих интересов при капиталистическом строе.

Гильдейский социализм является, следовательно, прежде всего теорией учреждений, его программа имеет целью преобразование социальной структуры. Но это не значит, что гильдейский социализм всецело сводит человеческую жизнь к функциям социального механизма; это лишь означает, что он видит в социальном механизме, в зависимости от того, хорош он или плох, соответствует ли он человеческим стремлениям и инстинктам или нет,—средство, благоприятствующее или, наоборот, препятствующее всестороннему выявлению человеческой личности. Если среда и не создает всецело характера, как это думал Роберт Овен, то она, во всяком случае, направляет его развитие в ту или иную сторону. Среда, по крайней мере, в современном обществе является, в значительной мере, продуктом социального механизма. Поэтому правильное функционирование этого механизма и наивозможное приспособление его к выявлению социальных устремлений человечества, является наиболее верным путем не только к нормальному функционированию политических учреждений, но и к той удовлетворенности, к тому сознанию достигнутого успеха, которые являются главными элементами индивидуального благополучия. Гильдейские социалисты тратят столько времени на выработку теории и создание плана хозяйственной жизни и социальных институтов вовсе не потому, что они их идеализируют. Они это делают потому, что по их убеждению отведение этим сторонам человеческой жизни строго соответствующего им места является лучшим путем для обеспечения счастья человечества.

ГЛАВА II

ОСНОВЫ ДЕМОКРАТИИ

В предыдущей главе было подчеркнуто, что для выполнения творческой задачи социальной реорганизации недостаточно разработать план захвата власти социальным классом, хотя бы даже и хорошо для этого подготовленным. Тут необходим также и план положительной деятельности, которого этот класс должен придерживаться как во время, так и после захвата им власти. Гильдейский социализм стремится дать основные абрисы такого плана, базирующегося непосредственно из организации самих рабочих и предоставляющего им руководящую роль в процессе преобразования.

Прежде чем развить подробно этот план, мы должны посмотреть, сможет ли удовлетворить социальная структура современного общества тем условиям разумного человеческого общежития, которые были установлены в наших предыдущих тезисах, при предположении, что эта социальная структура будет лишена своего нынешнего классового характера. Я, само собой разумеется, не отрицаю, что многие формы нынешней социальной структуры, к рассмотрению которых мы должны теперь перейти, косвенно вытекают из их классового базиса; но они могут,—по крайней мере, теоретически,—продолжаться и после уничтожения социально-экономических классов, и сохранение их считается до сих пор желательным многими из тех, кто называют себя социалистами.

Современный строй теоретически предполагает, что высшая законодательная власть осуществляется парламентом, а высшая исполнительная власть кабинетом министров, являющегося своего рода, комиссией парламентского большинства в палате общин. В теории компетенция парламента неограничена и он может издавать законы, касающиеся всего решительно. Более того, так как политический организм приходит все в большее расстройство, то количество и многообразие законов, издаваемых парламентом, и предметов, которых он касается, постоянно возрастает. Правда, в то же самое время действительная власть парламента уменьшается и его функции в значительной степени узурпируются кабинетом мини-

строя, действующим в качестве поверенного имущих классов. Это однако, нас не касается, ибо мы изображаем парламент и кабинет министров в том виде, в каком они проявляются в современном государстве, подобно другим инструментам, вроде, например, постоянной армии и полиции.

Теория всемогущества государства сложилась постепенно. Локк,—значительный политик-философ более раннего периода,—не рассматривал, конечно, государство как „суверена" в современном смысле этого слова; он считал, что государство должно быть ограничено в своих функциях и правах. Было время (в средние века), когда государство являлось лишь одним из целого ряда общественных институтов и объединений, которые все пользовались—в более или менее ясно очерченных сферах действия—признанной властью и авторитетом. В течение периода, последовавшего за средними веками, эти другие учреждения были большей частью или вовсе сметены, или обессилены. Но их исчезновение привело за некоторым исключением, имевшим место в течение XVI и XVII столетий—не к переходу их власти к государству, а к совершенному изъятию выполняемых ими социальных функций из сферы общественного регулирования. Таким образом, была подготовлена почва для проведения никем не руководимой индустриальной революции в XVIII и XIX столетиях; огромное здание современного индустриализма вырастало без всякой попытки со стороны общества, как организованного целого, приспособить его к общественным интересам. Этот неурегулированный рост промышленности в свою очередь породил настоятельную необходимость вмешательства и так как все другие формы общественной структуры были к тому времени уничтожены, то эта задача была возложена на государство. Так началось огромное расширение сферы действия государства, которое, хотя первоначально отчасти и создалось в целях защиты индивидуума, поставило затем карлика-человека перед лицом колоссального Левиафана, и создало положение, в высшей степени неблагоприятное для свободы личности. В полной мере мы только теперь начинаем отдавать себе отчет, насколько велико было его вмешательство в личную свободу. Выражаясь словами мистера Беллока, в современном обществе оно создало условия, подготовляющие возникновение рабского государства.

События самых последних лет открыли глаза многим на действительный характер развития и, в частности, они произвели революцию во взглядах социалистов на государство. Правда, по этому вопросу в среде социалистов всегда существовало резкое различие взглядов. Но школы парламентских социалистов, все равно марксистов или не марксистов—в противоположность взглядам индустриальных социалистов, и „катастрофических" революционеров—всегда склонялись

к тому мнению, что социализм осуществится посредством взятия народом или рабочими контроля над государственным аппаратом, т.-е., посредством завоевания парламентской и политической власти. Они полагали, что действительное достижение социализма возможно, главным образом, путем использования этой власти для экспроприации богачей, социализации средств производства и реорганизации промышленности, которая должна стать государственной собственностью и подпасть под полный контроль парламента, находящегося в руках социалистов. И действительно, единственным существенным изменением, которое они считали необходимым произвести впоследствии в социальной структуре, не говоря о социальном и экономическом перевороте, заключающемся в экспроприации, является еще большее усиление внешней тенденции к суверенитету государства, поскольку на „великого Левиафана" взваливается еще целый ряд новых полномочий и обязанностей.

Если наши основные предпосылки верны, то эта идея, конечно, совершенно неправильна. Ибо мы исходили из той точки зрения, что демократизм не только должен полностью применяться во всех сферах организованного социального действия, но что он лишь в том случае действителен, если он связывается с определенными функциями и определенной целью. Во всяком крупном общественном объединении демократия неизбежно подразумевает представительное правление. Правительство, однако, не является демократическим, если оно, как в большинстве тех форм, которые считаются теперь представительным правлением, стремления многих избирателей подменяет взглядом одного человека — их представителя. Современная форма парламентского представительства в том виде, в каком она существует теперь во всех „демократических" государствах, в двух отношениях нарушает основные принципы демократии. Во первых, избиратель фактически не пользуется правом контроля над своим представителем и имеет лишь право заменить его другим в весьма нечастые промежутки времени, а на практике ему предоставляется очень ограниченный выбор.[1] Во вторых, избиратель должен избрать одного человека, представляющего его по всевозможным вопросам, могущим возникнуть в парламенте. Между тем, если он разумное существо, он, несомненно, постоянно будет согласен с одним человеком в одном вопросе и с другим в другом; во всяком случае это было бы так, если бы экономическая основа современных классовых делений была устранена.

---

[1] В девяти случаях из десяти он имеет только возможность выбора между голосованием за менее болтливого или сомнительного кандидата или воздержанием от голосования.

Всезнающее государство, со своим всезнающим парламентом, таким образом совершенно не соответствует действительно демократическому обществу и оно должно быть разрушено или безболезненно уничтожено подобно тому, как некогда оно разрушило и уничтожило своих соперников в области общественной организации. Какова бы ни была структура нового общества, гильдейские социалисты уверены, что в нем не будет места для пережитков нынешнего государства—фактотума.

Главные принципы демократического представительства, если определять их положительно, следующие: во-первых, избиратель должен иметь право свободного выбора своего представителя, возможность контроля над ним и должен пребывать с ним в постоянном контакте.[1] Во вторых, он должен не избирать лицо, представляющее его как человека или гражданина во всех проявлениях гражданской жизни, но избирать кого-либо для защиты его точки зрения по какому-либо отдельному вопросу или группе вопросов, другими словами по отдельной функции. Всякое истинное демократическое представительство есть, следовательно, функциональное представительство.

Структура каждого демократического общества должна находиться в соответствии с этими главными принципами. Когда она пользуется методом представительства, то это должно всегда находиться в связи с какой-либо определенной функцией. Из этого следует, что в обществе должно быть столько отдельно избранных групп представителей, сколько имеется различных главных функций, подлежащих выполнению. Смит не может представлять Броуна, Джонса и Робинсона как человеческие существа; ибо человеческое существо, как личность, по существу дела вообще не может быть представлено. Он может лишь представлять общую точку зрения, которой Броун, Джонс и Робинсон придерживаются в отношении какого-либо определенно социальной задачи или группы взаимно связанных задач. Броун, Джонс и Робинсон должны, следовательно, иметь не по одному голосу каждый, но столько различных функциональных голосов, сколько имеется различных вопросов, в которых они заинтересованы и которые требуют для своего разрешения согласованного выступления.

Следует отметить, что в этой аргументации, от начала и до того пункта, до которого мы дошли теперь, не имеется в виду и не рекомендуется никакого специального типа избирательной коллегии или системы привилегий. В ней не предлагается, чтобы люди голосовали по географическим или

[1] Я не думаю этим сказать, что роль представителя должна быть сведена к роли делегата.

профессиональным избирательным коллегиям, или по тем и другим вместе. Все сказанное нами до сих пор сводится к тому, что человек должен иметь столько различных и отдельно используемых голосов, сколько он имеет различных социальных задач и интересов. Но демократический принцип применяется не только ко всему объединению граждан в отношении каждой группы общих им задач. Он в такой же степени применяется к каждой группе граждан, совместно выполняющей какую либо социальную функцию или заинтересованной в разрешении общей социальной задачи. Имеются в действительности два различных вида связи, которая может объединить в ассоциацию членов одного и того же общества, и каждая из этих связей может существовать или между всеми членами, или между некоторыми из них. Первая связь, это—связь общего призвания, выполнение сообща одинакового вида общественных услуг, имеющих экономический или какой-либо иной характер; вторая связь, это—общая заинтересованность в получении и использовании такого рода услуг. В рядах рабочего класса профессиональный союз является наиболее ярким примером первого типа связи, а кооперация—второго.

Представляется важным, чтобы в демократическом обществе принцип самоуправления применялся в делах каждой из ассоциаций, возникающих из этих форм общей деятельности. С этой точки зрения не важно, включает ли специальная асоциация всех или только некоторых, из входящих в объединение граждан; необходимо лишь, чтобы ассоциация верно представляла тех, кто заинтересован в общей задаче, для выполнения которой она существует. Таким образом, для каждой специальной отрасли производства или потребления требуется такая форма представительного правления, которая наиболее верно представляет заинтересованных в ней людей.

Но, скажут нам, ведь ясно, что все люди в значительной мере заинтересованы во всех отраслях производства и потребления. На самом деле, не одних ведь углекопов или рабочих какой-либо другой специальной отрасли промышленности интересует вопрос о том, как ведется их производство, ибо каждый человек, равно как и каждая отрасль индустрии, заинтересованы в производстве угля в качестве его потребителей; точно так же не одних только учителей интересует вопрос о задачах воспитательной системы и способах ее проведения в жизнь, ибо весь народ в целом заинтересован в воспитании, являющемся одной из наиболее значительных гражданских служб.

С другой стороны, ясно, что заинтересованность углекопа в угольной промышленности и учителя в вопросах воспитания отличается от интереса, проявляемого к тому и другому остальными людьми. В то время как для последних уголь

является лишь одним из множества товаров, а воспитание лишь одной из многих общественных услуг, в глазах угольщика или учителя его собственное ремесло представляется наиболее важным фактом общественной жизни.

Это различие фактически вводит нас в самый центр нашей проблемы, показывает суть практических разногласий, существующих между гильдейским социализмом и другими социалистическими школами, ибо гильдеец утверждает, что правильное понимание этого различия и выработка такой социальной конституции, которая признавала бы его и приспособлялась к нему, дают ключ к разрешению всего поставленного нами вопроса. Было бы абсурдным отрицать общую заинтересованность всех членов общества, как потребителей и пользователей, в правильном развитии жизненно необходимых отраслей промышленности и в системе воспитания, поскольку они принадлежат к общей культуре; но столь же бессмысленно было бы отрицать тот особый и притом более обостренный интерес, который угольщик проявляет к организации их отрасли промышленности или учитель к вопросам воспитания.

Тем не менее имеются социалистические или квази-социалистические школы, которые не считаются с этими неопровержимыми фактами. Коллективист или социалист государственник, видящий в государстве представителя потребителей, и кооператор-идеалист, считающий кооперацию гораздо лучшим борцом за интересы потребителей, одинаково энергично отказываются признать стремление производителя к самоуправлению в пределах его профессии. С другой стороны, чистый „синдикалист" или чистый „индустриальный юнионист" отрицает или, по крайней мере, раньше отрицал, необходимость какого либо специального представительства интересов потребителей и настаивает на том, что общество должно быть организовано исключительно на базисе производства.

Правда, в их крайних формах оба эти антагонистические взгляда вымирают, так как влияние их друг на друга, и гильдейского социализма на них обоих заставило как социалистов, так и синдикалистов ввести поправки в свои воззрения. Но социалист-государственник или кооператор-идеалист до сих пор защищает главным образом требования потребителя и представляет лишь весьма ограниченную и строго урегулированную „свободу" производителю; в то же самое время имеются многие, которые все свое внимание уделяют производителю и весьма неохотно уступают требованию самоопределения со стороны потребителя.

Роль гильдейского социализма состояла в поддержании равновесия между этими двумя школами; гильдейцы не игнорировали их разногласия, а подчеркивали то обстоятельство, что решение вопроса лежит в ясном разграничении функций и сфер деятельности. И действительно, выражение „контроль

над промышленностью" иногда употребляется в качестве общего лозунга, который должен удовлетворять как производителей, так и потребителей; на самом деле в обоих этих случаях он употребляется в различном значении и вызывает различные ассоциации идей. Когда „синдикалист" или „гильдейский социалист" говорит о необходимости контроля, осуществляемого производителями, или когда профессиональный союз сам требует предоставления ему права контроля, то речь идет здесь, главным образом, о внутренних условиях промышленности, о способе управления фабрикой, о назначении администрации и, прежде всего, о той степени свободы, которой пользуются во время своей работы работники физического и умственного труда.

Напротив, когда социалист-государственник или кооператор говорит о необходимости „контроля потребителей", они имеют в виду главным образом количество и качество доставляемых товаров, способы распределения, проявляемую цену—короче говоря, целый ряд соображений, которые хотя и тесно связаны с интересами производителя, по существу все же отличаются от них и касаются в гораздо меньшей степени внутренних распорядков предприятия, чем ее отношений к внешнему миру. Это, так сказать, область ее „внешней политики" под углом зрения иностранцев.

Естественно, что если эти основные различия не принимаются в расчет, то каждая сторона, претендующая на „контроль над промышленностью", будет стремиться получить его полностью в свои руки или в лучшем случае предоставить другой стороне совершенно подчиненное положение. Более того, даже в том случае, когда различие ясно осознано, каждая сторона очень не прочь потребовать для себя слишком большую долю. Гильдейский социалист стремится поддерживать чашки весов в равновесии и выяснить, поскольку вопрос этот может быть выяснен теоретически, какие требования каждой стороны справедливы и подлежат удовлетворению.

Поступая таким образом, гильдеец не выступает в роли третейского судьи, разбирающегося в противоречивых интересах. На практике в демократическом обществе вся корпорация потребителей и вся корпорация производителей—это одни и те же люди, лишь входящие в данных двух случаях в различные организации. Это не проблема экономического благосостояния, как в современном обществе, а проблема рационально демократической организации на функциональной основе.

Гильдейский социалист утверждает поэтому, что внутреннее управление и контроль над каждой отраслью промышленности или общественной службой должны быть переданы в руки занятых в них рабочих, которым доверяется выпол-

пение этих функций в целях общественной пользы; но при этом он усиленно подчеркивает, что необходимо всестороннее обеспечить представительство и защиту точки зрения потребителей в отношении каждой отрасли производства. Он также утверждает, что общие вопросы управления промышленностью, касающиеся всех ее отраслей, поскольку они интересуют всех участвующих в производстве лиц, должны быть доверены организации, представляющей всех производителей; но вместе с тем он придерживается того мнения, что общая точка зрения потребителей всех видов должна быть всесторонне представлена и обеспечена в отношении всей промышленности, как целого. Более детальная разработка этого принципа займет значительную часть этой книги, и в данный момент я ограничиваюсь изложением его в общей форме. Я утверждаю, однако, что гильдеец удовлетворяет требованиям демократии в такой степени, какой до сих пор не удавалось достигнуть ни социалистам-государственникам, ни кооператорам, ни синдикалистам.

Вышеприведенное утверждение может быть отклонено „практически мыслящими" людьми, как чисто теоретическое рассуждение, и поэтому уместно будет изложить этот вопрос в более практическом виде, проведя его в связь с тем, что было сказано в предыдущей главе относительно изменяющейся психологии рабочих. Спросим себя, что было бы, если бы вся промышленность перешла в управление государства, хотя бы демократического, или кооперативного движения, хотя бы самого передового.

Почувствовали ли бы себя тогда рабочие, занятые в различных ее отраслях, свободными и самоуправляющимися в отношении своей работы? Они, правда, были бы избирателями в демократическом государстве или членами кооперативного общества и, следовательно, в известном смысле отчасти контролировали бы условия своей работы; но считали ли бы они себя свободными,—принимая в расчет гораздо большую заинтересованность их во внутренних распорядках тех областей промышленности, где они работают,—если бы они пользовались в большинстве случаев равным голосом с другими в установлении этих распорядков? Ясно, что они не сядут и не захотят встать на такую точку зрения, ибо когда их право на определение условий труда, подвергшись соответственным изменениям в потребительской организации, приняло бы, наконец, окончательную форму, в ней не осталось бы даже и внешних признаков свободы. Никогда и ни в какой организации не будут считать самоуправлением такую систему, которая не дает людям непосредственно, как группе, права устанавливать общих порядков внутреннего управления и права самостоятельного выбора тех, кто должен руководить ими в их собственной среде.

Поэтому всякое решение проблемы управления промышленностью будет неправильным, если оно не даст права внутреннего руководства промышленностью непосредственно организации производителей, возложив на них и связанную с этим ответственность. Ни при каких других условиях люди, осознавшие свою роль и влияние в общественном организме, не согласятся дать в своей работе максимум того, что они могут дать. Всякая другая попытка разрешения этой проблемы потерпит поэтому неудачу, вследствие нежелания рабочих производить, и не откроет для нас выхода из того тупика, в который мы уже попали вследствие отрицания капитализмом человеческих прав труда. Наша задача, следовательно, состоит в том, чтобы безоговорочно признать права производителя и в то же самое время согласовать их с стремлениями потребителя, требующего, чтобы с его голосом также считались. Мы увидим ниже, что в этом согласовании нет ничего невозможного или даже трудного.

Примечание. В этой главе я не критиковал утверждения социалистов-государственников, будто государство „представляет потребителей". Я могу однако сказать здесь, что я не разделяю этого положения и, следовательно, не приравниваю государственного управления к промышленному и кооперативному. Но так как социалисты-государственники и кооператоры пользуются одними и теми же аргументами для оправдания передачи управления в руки потребителей, то выяснение различий между ними не входит в содержание настоящей главы.
Ниже вопрос рассматривается более подробно.

ГЛАВА III

ОБРАЗОВАНИЕ И СТРУКТУРА ГИЛЬДИИ

„Гильдия" взята из средних веков. В течение средневекового периода, поскольку мы будем брать христианскую культуру, преобладающей формой промышленной организации была гильдия, т. е. ассоциация независимых производителей или торговцев, имеющая целью регулирование производства или торговли. Средневековая гильдия не была впрочем ограничена промышленностью—это была обычная форма народного объединения в средневековом городе. Имелись гильдии, посвященные общественным, благотворительным и воспитательным целям, равно как и предназначенные для промышленных целей; и каждая гильдия, независимо от ее специальной функции, имела строго религиозную основу и облекалась в религиозную форму. Здесь не место обсуждать зарождение, развитие и падение средневекового строя; тем не менее необходимо показать в чем состоит основное различие между средневековыми и современными гильдиями и что их главным образом идейно объединяет.

Средневековая гильдия имела преимущественно местный характер, и гильдии каждого отдельного города представляли из себя самодовлеющую систему. Эта характеристика менее применима к торговым, чем к ремесленным организациям, но в общем она правильна, особенно в отношении британских гильдий. Это обстоятельство, стоящее в связи с локализацией рынков, вызывавшейся крайней скудностью транспортных средств, несомненно в значительной степени объясняет исчезновение гильдии к концу средневековья. Далее, средневековая гильдия была ассоциацией независимых производителей, каждый из которых работал за свой собственный счет с небольшим количеством подмастерьев и учеников. Организация эта базировалась на мелком ремесленном производстве и потерпела крушение вследствие накопления богатства, сделавшего возможным основание крупных предприятий. Гильдия была скорее регулирующей, чем непосредственно контролирующей или управляющей организацией. Она сама не управляла промышленностью, хотя и выполняла иногда роль агента, закупающего необходимые материалы; она оставляла

действительное руководство в руках своих членов, мастеров-ремесленников, но она устанавливала детальные правила, которыми руководились члены ее в своих действиях и которые составляли их профессиональный кодекс. Эти правила, составляющие сущность средневековой гильдии, имели в своей основе двойную цель—сохранение свободы и прав ремесла, с одной стороны, и традиций доброкачественной работы и верного служения общине (выраженных, например, в „справедливой цене")—с другой. Гильдии вели борьбу с небрежной работой, вымогательством и ростовщичеством, а также и с нерегулированностью производства. Они в значительной степени обеспечивали безопасность и гарантировали общественные права своих членов. Они занимали в средневековом обществе признанное положение и качестве хозяйственных органов, обладающих традицией свободной службы, и благодаря этой традиции занимали почетное место в социальной жизни средневекового города.

Я далек от того, чтобы утверждать, что гильдии были совершенством или что они, даже в лучшие свои времена, действовали в полном согласии со своими принципами. Несомненно, что на закате своих дней, когда они вели заранее проигранную борьбу во враждебном им окружении, они очень далеко отступали от своих традиций. Но нас интересуют не столько их действительные достижения—которые были впрочем для этого исторического периода очень велики—сколько тот дух, которым они были проникнуты, и принципы, на которых основывалось их могущество. Мы хотим выяснить, что в этих принципах ценно для нас, применительно к проблемам нашего времени, и, если вдохновлявшая их идея окажется для нас приемлемой, мы извлечем указания на счет той основы, на которой эта идея покоилась. Ибо основным различием между средневековой и современной промышленностью является то, что первая была насквозь пропитана идеей свободного общинного служения, в то время, как в современном индустриализме этот мотив почти совершенно отсутствует, а попытка заменить его побуждениями жадности, с одной стороны, и страха, с другой, явно терпит крушение. Не подлежит сомнению, что если в средние века и практиковалось гешефтмахерство и спекуляция, то гильдеец или гильдия, совершившие или санкционировавшие это, поступали вопреки моральным принципам, сознательно положенным в основу экономических отношений; между тем теперь на этические принципы смотрят по большей части как на чуждый элемент, вторгающийся в экономическую область, и многие виды гешефтмахерства и спекуляции расцениваются как высшие проявления коммерческой мудрости. В средние века существовали грешники в экономической области, но они сознавали свои грехи, ибо коммерческая этика и общинная мораль

совпадали. В настоящее время коммерческая этика создала свой собственный кодекс, и многие из его параграфов представляют собой категорическое отрицание принципов общинной морали. В средние века мотивы, на которые ссылалась экономическая система, были мотивами свободного служения—ныне это мотивы алчности и страха.

Ясно что мы не можем стремиться к возрождению средневекового—т. е. общинного духа в промышленности путем восстановления материальных условий средневековья. Мы не можем возвратиться к экономике „городского периода", к строю художественного ручного ремесла и мелкого производства. Мы не можем разрушить наши железные дороги, затопить шахты и закрыть наши фабрики, мы не можем вести наши крупные предприятия по системе, приспособленной к потребностям местного рынка и узкоограниченного производства. Если мы можем извлечь кое какие уроки из средневекового строя, то уроки эти сводятся не к рабскому повторению прошлого, а к постижению того духа, с помощью которого мы можем научиться строить—на этот раз на базисе крупного производства и мирового рынка—систему экономической организации, гармонирующей с лучшими человеческими побуждениями и способной развить далее традицию свободного общественного служения. Я глубоко уверен, что если мы установим эти свободные условия, то как производитель, так и потребитель потребуют товаров лучшего качества, чем то дрянно, которое мы производим в таких количествах теперь и, что это приведет к возрождению художественного ремесла и к восстановлению мелкого производства в довольно значительной области промышленности. Но если это случится, то это произойдет лишь в результате свободного выбора, осуществляемого свободным человеком в свободном обществе. Наша настоящая задача состоит в том, чтобы, исходя из современных условий производства, снова ввести в промышленность общественный дух, перестраивая индустриализм на таких основах, которые дали бы свободу проявления общественным мотивам.

Таким образом выясняется, что сходство между средневековыми гильдиями и „национальными гильдиями", организацию которых предлагают ныне гильдейские социалисты, в гораздо большей степени является тожеством идеи, чем тожеством организации. Национальная гильдия стремится быть ассоциацией всех физических и умственных работников, заинтересованных в ведении специальной отрасли промышленности или службы, и ее функция будет состоять в том, чтобы управлять эту отрасль промышленности или службу в целях общественной пользы. Так, например, железнодорожная гильдия включала бы в себя работников всех видов,—начиная с главноуправляющих и техников и кончая носильщиками

и чистильщиками локомотивов, необходимых для функционирования железных дорог, как общеполезного предприятия. На эту всеобщую общество возложило бы обязанность управления под ее ответственностью железными дорогами в интересах общественной пользы и ей было бы предоставлено как выработка правил внутреннего распорядка, так и право выбора своих собственных администраторов и установления организационных методов.

Я не беру на себя смелость знать или точно предсказать, сколько именно гильдий будет создано или где пройдут разграничительные линии между ними. Так, например, железнодорожный, гужевой и автомобильный транспорт могут быть организованы отдельными гильдиями или одной единственной гильдией, подразделенной на внутренние секции. Тоже самое можно сказать о строительном деле, судостроении и о множестве других, связанных с ними отраслях промышленности. Это не вопрос принципа, а вопрос удобства, ибо нет никаких оснований строить различные гильдии на совершенно одинаковых началах. Общий базис предлагаемой гильдейской организации достаточно ясен: это—промышленный базис и каждая национальная гильдия будет представлять отдельную службу или группу служб.

Не следует, однако, думать, что гильдейцы выступают в защиту высоко централизованной системы, где каждая отрасль промышленности в ее целом будет поставлена под строгий центральный контроль. Степень централизации будет в значительной мере зависеть от характера службы. Так например, железнодорожная промышленность требует несомненно гораздо более высокой степени централизации, чем строительная промышленность, обслуживающая, главным образом, местный рынок. Но, помимо этого, гильдейцы являются решительными сторонниками возможно большего расширения местной инициативы и автономии небольших групп; это, по их мнению, создаст наилучшие условия, чтобы обеспечить всей организации активность, дееспособность и приспособляемость, и предотвратить тенденцию к консерватизму и неповоротливости, столь характерную для крупных организаций и в особенности для трестов и комбинатов современного капитализма. Национальные гильдии должны быть, впрочем, скорее координирующими, чем непосредственно контролирующими учреждениями, и они больше будут заняты урегулированием спроса и предложения, чем непосредственным управлением определенными отраслями промышленности и непосредственным контролем над ними. Пункт этот еще больше уяснится, когда мы рассмотрим внутреннюю организацию гильдии.

Члены гильдии будут рассеяны по всей стране, работая на различных фабриках, шахтах и в других производствен-

вых единицах, связанных со специальными выполняемыми ими социальными функциями. Фабрика, или другое место работы, явится естественным центром гильдейской жизни. Этот центр в значительной мере будет пользоваться внутренним самоуправлением и в свою очередь явится основной единицей более широкой местной и национальной гильдейской правительственной организации. Свобода отдельной фабрики, как особой производственной единицы, имеет принципиальное значение, ибо цель всей гильдейской системы состоит в том, чтобы вызвать дух вольного служения обществу путем установления в промышленности действительно демократических порядков.

Для того, чтобы демократия существовала на деле, необходимо, чтобы каждый отдельный член гильдии отчетливо понимал ее и проводил ее в жизнь. Он должен чувствовать, что он пользуется действительным самоуправлением и свободой, во время своей работы, ибо в противном случае он не проникнется влиянием общественного духа и не будет хорошо работать. Кроме того, так как главной основой гильдии является принцип ассоциации, дух ассоциации должен получить возможность свободного проявления именно в той области, где он наиболее ясно выражается. Областью этой является фабрика, ибо совместная работа вошла там в привычку и в традицию. Фабрика является естественной основной ячейкой промышленной демократии. Из этого следует не только то, что фабрика должна, по возможности, самостоятельно вести свои дела, но и то, что она в качестве ячейки демократии должна стать базисом широкой гильдейской демократической организации и что более значительные органы гильдейского управления должны в большей степени основываться на принципе представительства фабрики.[1] Это несомненно вызывает значительные финансовые затруднения, о которых мы будем говорить при обсуждении финансовой основы гильдейско-социалистического общества.

Но прежде чем перейти к детальному рассмотрению вопроса о том, как должна быть организована гильдейская фабрика или более широкий административный аппарат гильдии, необходимо обсудить некоторые общие вопросы, касающиеся всего характера организации. Я говорил о гильдиях как о примерной „промышленной демократии" и „демократической ассоциации"; но мы должны получить ясное представление о том, в чем состоит эта гильдейская демократия и в частности о том, как она регулирует отношения между

[1] Следует иметь в виду, что, говоря о „фабрике", я включаю в это понятие также и шахту, верфь, док, станцию и другие соответствующие места, являющиеся естественным центром производства или службы. Каждая отрасль промышленности имеет производственную единицу, более или менее близко соответствующую фабрике.

различными группами рабочих, входящих в единую гильдию. Ибо ясно, что если гильдия включает в себя всех работников физического и умственного труда, занятых в общей отрасли промышленности, то между ее членами будут существовать очень широкие различия в выполняемых ими функциях, в технической квалификации и в степени административной власти. Ни гильдия в целом, ни гильдейская фабрика не могут разрешить все вопросы путем массового голосования; да и вообще гильдейский демократизм не значит, что по всем вопросам мнение каждого члена гильдии должно быть равноценным. Общее голосование по техническому вопросу, доступному пониманию лишь немногих экспертов, было бы явным абсурдом; но если даже опустить технические вопросы, то ясно, что фабрика, управляемая по методу перманентных массовых голосований, не могла бы успешно работать и не являлась бы приятным местом для работы. В состав гильдии будут входить техники, занимающие особое положение благодаря своим знаниям, а также администраторы, пользующиеся особым авторитетом благодаря своей подготовленности и личным достоинствам. Каковы же должны быть методы выбора этих техников и администраторов внутри гильдии и каковы должны быть их полномочия и взаимоотношения с другими членами гильдии после их избрания?

Вопрос о „вождях", дисциплине, власти в связи с демократическим принципом несомненно так же стар, как самые древние дискуссии о демократии вообще. Различие между демократией и автократией состоит не в том, что последняя признает необходимость вождей, а первая не признает, но в том, что в демократическом обществе вождь находится в существенно отличных отношениях с теми, которыми он управляет, и вместо того, чтобы подменять своею волею их волю, стремится выполнять не их „подлинную волю" в своем истолковании,[1] а их действительную волю, как она понимается ими самими. Коротко говоря, демократический вождь управляет посредством влияния и сотрудничества, а не путем насильственного навязывания своей воли. Осуществляя таким образом свое руководство, он может и должен пользоваться не меньшей, но гораздо большей „властью", чем автократ, потому что в нем воплощается воля тех, которыми он управляет. Демократическая гильдия будет иметь вождей, дисциплину и авторитет в более полном и действительном смысле, чем они возможны при индустриальном самодержавии капитализма.

Как же будут избираться эти руководители гильдий? Само собой разумеется, что самой гильдией, ибо навязывание извне немедленно уничтожило бы демократический характер

[1] Как в бонапартистских псевдо-демократиях.

гильдии. Но это не означает, что все решительно руководители должны избираться массовым голосованием всей гильдии.

Начнем с того, что мы временно устраним из нашего обсуждения тех, которые избираются, главным образом, или исключительно потому, что обладают специально технической квалификацией, для выполнения функции преимущественно технического характера. Фактически это не руководители, а лишь консультанты, и выбор их есть в сущности вопрос о приискании экспертов, не затрагивающий демократической проблемы. У нас речь идет об определении верного принципа избрания руководителей в действительном смысле этого слова, т.-е. людей, которые, если и обладают специальными техническими познаниями и талантами, то избираются не только лишь из-за них, но, главным образом, благодаря личным свойствам и способностям; людей, работа которых, главным образом, состоит в руководстве трудом других, в направлении объединенной энергии группы людей к заранее предназначенной цели, в выявлении корпоративной солидарности группы и проникающего ее духа сотрудничества. Мне кажется ясным, что единственным правильным принципом для избрания лиц, которое должно выполнять какую-либо функцию, опирающуюся на добровольное сотрудничество человеческих воль, является тот принцип, что это лицо должно быть избрано людьми, в сотрудничестве с которыми выполняется данная функция. Иными словами, основным принципом избрания руководителей гильдии будут выборы „снизу", произведенные теми, кем выбранные должны будут руководить.

Этот принцип, однако, вполне совместим с некоторыми необходимыми предосторожностями. Если какой-либо пост требует помимо личной пригодности к роли руководителя, о которой лучше всего могут судить те, которым предстоит быть руководимыми,—определенных технических талантов или познаний, то обладание этими качествами может явиться непременным условием для выставления данной кандидатуры. Так, в настоящее время судовладелец может назначить капитаном судна только лицо, обладающее соответствующим аттестатом. Моряки будущей гильдии также смогут избрать на пост капитана лишь того, кто имеет на это аттестат. И подобные удостоверения о полученной технической подготовке будут выдаваться,—что происходит в некоторых случаях и теперь—учреждениями, преимущественно представляющими тех, кто уже получил такие удостоверения, но при этом будут приняты меры предосторожности против возможной излишней придирчивости этих учреждений.

Нет необходимости выставлять в качестве непременного принципа требование, чтобы руководитель во всех случаях выбирался именно той группой рабочих, которой он должен руководить, и чтобы никакой рабочий другой группы, входящий в ту же самую профессию, не мог принимать участия в выборах. Я полагаю, однако, что по крайней мере в девяти случаях из десяти, наиболее правильный путь для группы, нуждающейся в руководителе, это—избирать его, и что, при полном проведении и экономической демократии этот метод фактически станет всеобщим. Но нет необходимости вменять это в непременное правило, при условии, что в каждом отдельном случае выборы будут производиться людьми, нуждающимися в одинаковом руководстве внутри той же самой профессии и в границах относительно небольшого пространства. Так например, выборы управляющих целого ряда строительных предприятий одного округа могут быть более успешно проведены строительными рабочими всего округа, чем рабочими каждого отдельного предприятия. Но это исключительный случай, объясняемый непостоянным характером строительной промышленности. Как общее правило, люди, работающие в определенном предприятии, должны избирать руководителей этого же предприятия.

Этот принцип должен особенно строго применяться к наиболее мелким производственным единицам, подчиненным индустриальному руководству. Интересы промышленной демократии настоятельно требуют, чтобы мастера—промышленные инспектора низшей градации—выбирались непосредственно той специальной группой людей, с которой они работают; ибо только в том случае, если они будут избраны таким путем, дух сотрудничества не будет уничтожен в самом своем источнике и вся организация не потеряет своего демократического стимула. Внутри фабрики лучшим способом будет вероятно непосредственное избрание всех почти руководителей заинтересованными рабочими,—но когда речь идет об организационных единицах более крупных чем фабрика, то я не считаю прямые выборы, произведенные всей корпорацией рабочих, л у ч ш и м и наиболее демократическим способом. Выборы через посредство делегатов, представляющих всю корпорацию, часто могут дать лучшие результаты и оказаться более демократическими. Это, однако, поднимает общий вопрос о сравнительных преимуществах прямых и косвенных выборов, который я должен буду рассмотреть ниже в связи с гораздо более широкой проблемой.

Обсуждение методов избрания руководителей при демократической экономической системе может показаться несколько скучным и слишком детальным; это, однако, одна из основных проблем гильдейского социализма. Ибо наиболее частым аргументом, выдвигаемым против промышленной демократии, является то утверждение, что она будто бы несовместима с фабричной дисциплиной и успешным ходом произ-

водство. Недавние заявления вождей русских большевиков как будто указывают, что они окольным путем пришли на время, по крайней мере, к такой же точке зрения. Я допускаю, что внезапное введение законченной системы демократических выборов руководителей, как я ее наложил выше, натолкнулось бы на огромные затруднения. У рабочих нет опыта по части индустриального демократизма,— они привыкли смотреть на тех, кто обладает властью в капиталистической промышленности, как на своих естественных врагов; они не могут в течение одного момента пересмотреть привычки всей своей жизни и всецело проникнуться в течение дня или года новым пониманием руководства, как свободного сотрудничества. Новая система должна будет постепенно прокладать себе путь, и она не станет прочно на ноги до тех пор, пока в свою очередь не проникнет глубоко в психику людей и также не превратится в традицию. Но в конце концов у нас нет никакого другого альтернативного решения; ибо старая идея руководства посредством навязывания своей воли терпит крушение вместе со старым экономическим строем.

Поэтому, оценивая возможность и преимущества демократического руководства, мы не должны слишком концентрировать наше внимание на затруднениях, на которые наткнулось бы немедленное его проведение в жизнь. Мы должны попытаться вообразить его таким, каким оно будет, пройдя период опыта, когда рабочие привыкнут к нему и первоначальные затруднения будут преодолены. Каковы будут при этих условиях новые отношения между руководителем и руководимым?

В известном смысле руководитель несомненно будет пользоваться меньшей властью. В демократической гильдейской ассоциации он не будет обладать бесконтрольным правом отказать человеку от места и подвергнуть его лишениям, а быть может и худшей участи. Ибо члены гильдии будут настаивать на том, чтобы лицо, которому будет угрожать увольнение, экзаменовалось раньше своими товарищами, и кроме того каждый гильдеец будет несомненно в значительной степени экономически обеспечен. Руководитель не сможет также не считаться с общественным мнением фабрики или гильдии в целом, как это обычно бывает у капиталистического руководителя. Но в возмещение этих минусов,—если их можно рассматривать как таковые,—он будет пользоваться гораздо более ценными преимуществами. Если он будет придерживаться простого здравого смысла, он сможет с уверенностью расчитывать на то, что общественное мнение фабрики будет решительно на его стороне в его стремлении установить добрые и дружественные отношения; в худшем же случае между ним и рабочими не может существовать того барьера, который существует между ними и управляющим фабрикой в настоящее время, поскольку управляющий является сталелитейником капиталистического предпринимателя.

Я почти уверен, что управляющие на такой гильдейской фабрике не будут иметь повода жаловаться на недостаток власти. Если им нужна будет власть, они найдут для нее широкий простор; я думаю, что большинство из них скоро перестанет оценивать свои посты, главным образом, с точки зрения власти и привыкнет вместо этого оценивать их с точки зрения выполняемой функции. Только в свободных условиях демократической промышленности руководитель найдет действительный простор для руководства, он обретет этот простор благодаря тому, что сосредоточит все свои способности на развитии своей фабрики, рассматриваемой как общественная служба, вместо того, чтобы натыкаться на препятствия и ограничиваться в своей деятельности вследствие соображений об акционерных прибылях, как это случается теперь. Среди занятых в промышленности лиц нет такого слоя, в котором гильдейская идея должна была бы встретить большее сочувствие, чем у управляющих и техников; ибо только она дает им полную возможность использовать свои способности в сотрудничестве со своими товарищами—рабочими на пользу своих товарищей—людей.

Гильдейская фабрика явится таким образом естественным самоуправляющимся центром, она не будет подобна фабрикам наших дней, не будет скучной и бесполезной тюрьмой, а будет являться центром свободной деятельности и коллективной инициативы. Правда, на свете еще останется много неприятной и отупляющей работы, которую придется выполнять; но даже эта работа ставет несравненно легче, если она будет производиться при свободных условиях и в целях общественной пользы. [1]

На этой фабрике, несомненно, будут иметься комитеты, будут происходить митинги, дебаты, голосования и все прочие проявления демократической организации; но несмотря на то, что они будут играть существенную роль, комит-эссенцией явятся не столько они, сколько гарантируемый ими дух сотрудничества. Если будут налицо свободные выборы руководителей и свободная критика их после выборов, то значительная часть обычного демократического механизма может в обычное время оставаться на заднем плане.

Но имеется еще один пункт, которого мы должны коснуться, дабы закончить данное нами описание положения

[1] Более того, какое количество действительно отупляющей и неприятной работы мы могли бы устранить, если бы мы действительно этого захотели, вместо того, чтобы заниматься барышничеством! При посредстве машин можно было бы сильно сократить количество этих работ, и кроме того мы могли бы просто обойтись без многих из них.

руководителя. Как будут обеспечены его права и при каких условиях он сможет быть уволен, если деятельность его окажется неудовлетворительной? Рабочие, выбирающие своего управляющего, не нуждаются в неограниченном праве увольнения в каждый данный момент. Он должен пользоваться правом не быть уволенным, пока не подаст аппеляции своим коллегам-товарищам; и если коллеги считают, что право на его стороне, а рабочие продолжают требовать его увольнения, дело должно быть передано в более высокий гильдейский трибунал. Но я думаю, что даже в этом случае рабочие после некоторого промежутка времени должны иметь право уволить его, ибо настойчивость их в этом отношении указывала бы, что характер его не подходит для них, а следовательно делает его непригодным и для демократического руководства данной фабрикой. Возможно, что в этом он не виноват; но в этом случае он, вероятно, легко найдет новое место.

Итак, наша фабрика в полной мере соответствует характеру поставленных ей целей: это самоуправляющаяся единица, ведущая самостоятельно свои собственные производственные операции, могущая совершенно свободно проверять на опыте новые методы работы, производить новые предметы, вырабатывать новые стили и приспособляться к особенностям местного рынка. Эта автономия фабрики является для гильдейского социализма гарантией против мертвого уровня посредственности; она более чем возмещает то разнообразие, которое раньше как будто стимулировалось конкуренцией, она обеспечивает энергию и индивидуальное творчество в работе.

Если фабрика, таким образом, в значительной степени будет самостоятельно вести свои собственные дела, то функции более широких гильдейских организаций будут состоять таковым образом в координировании, регулировании и представительстве гильдии во внешних сношениях. В тех случаях, когда это окажется необходимым, они будут координировать производство различных фабрик таким образом, чтобы предложение совпадало со спросом. Они будут, вероятно, в значительной мере выступать в качестве поставщиков сырья и таких готовых продуктов, которые не получаются непосредственно с фабрики. Они будут издавать общие постановления местного и национального характера, регулирующие организационные и производственные методы внутри гильдии, они будут организовывать изыскания и будут выступать от имени гильдии в ее сношениях как с другими гильдиями и прочими организациями, в роде потребительских кооперативов, внутри данного общества, так и с иностранными организациями.

Широкая гильдейская организация должна, как мы видели, базироваться непосредственно на различных отдельных фабриках, входящих в состав гильдии, хотя при этом она не должна во всех случаях иметь непременно какую-либо специальную структуру. Иными словами, окружной гильдейский комитет должен представлять различные фабрики, входящие в гильдию в данном округе, и в большинстве случаев должен, вероятно, включать в себя представителей различных слоев рабочих физического и умственного труда, входящих в состав гильдии. Национальный комитет должен точно так-же представлять округа и секции работников, для того, чтобы все различные точки зрения как отдельных округов, так и секций могли бы в случае нужды быть изложены и обсуждены представительным учреждением. Относительно способа выборов окружных и национальных администраторов гильдии пришлось бы повторить те соображения, которые были высказаны по поводу методов избрания других руководителей, кроме разве того, что в применении к более широкой арене косвенные выборы могут часто дать более верные результаты, чем прямые.

Весьма существенным представляется, чтобы функции этой широкой организации сводились к минимуму, возможному для каждой отдельной отрасли промышленности. Ибо именно в превращении такой организации в центр, обладающий слишком широкими и разнообразными полномочиями, и заключается способность образования нового вида бюрократии, которая приведет гильдию в неподвижное состояние. Небольшая центральная или окружная организация, придерживающаяся узкого толкования предоставленных ей функций, может оказать чрезвычайно ценное влияние наленивo работающую фабрику, побуждая к более энергичной деятельности; но широкий центральный аппарат будет неизбежно стремиться концентрировать власть в своих руках и вместе с тем сводить проявления этой власти к рутине. Если гильдии ставят себе целью возродить ремесленное искусство и чувство удовлетворения от сознания хорошо исполненной работы; если они ставят себе целью производить не только возможно большее количество предметов, но и возможно лучшего качества и быть всегда готовыми применять новые методы и использовать каждое новое научное открытие, не удаляясь вместе с тем от традиционных способов; если они стремятся породить новых людей, способных быть хорошими гражданами как в экономической области, так и во всех других областях общественной жизни; если они хотят выдвинуть на первый план мотив свободного служения интересам общества—то они должны во что бы то ни стало избегнуть централизации. К счастью, не приходится почти сомневаться, что они именно так и будут делать; ибо люди,

освобожденные от двойного централизованного самодержавия капиталистического треста и капиталистического государства, вряд ли будут сильно стремиться к созданию нового индустриального Левиафана. Они будут высоко ценить свою свободу, и больше всего они будут ценить то, что стоит наиболее близко к ним и ближе затрагивает их повседневную жизнь, свободу фабрики, место, где производится их общая работа на пользу обществу.

ГЛАВА IV

ГИЛЬДЕЙСКАЯ СИСТЕМА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В предыдущей главе я пытался дать картину деятельности гильдии, как демократической промышленной ассоциации. Теперь нам предстоит изучить деятельность гильдий в качестве промышленной системы, их взаимоотношения между собой и расширение их влияния в области промышленности и торговли. Первый вопрос, на который мы здесь наталкиваемся, это—применим ли гильдейский метод организации ко всем отраслям промышленности, или в некоторых случаях должны быть созданы другие организационные формы для работы бок-о-бок с гильдиями и притом в полной гармонии с ними.

Это далеко не легкий вопрос, ибо для того, чтобы стать вполне понятным, он нуждается в довольно подробных объяснениях. Ясно, что план национальных гильдий, как показывает большинство его деталей, был выработан, главным образом, для применения к таким крупным отраслям промышленности и таким общеполезным публичным предприятиям, которые господствуют в современной экономической жизни. С другой стороны, тот факт, что какая-либо отрасль промышленности невелика или что она следует методам мелкого производства, совершенно не доказывает, конечно, что для нее гильдейская организация является неподходящей. Наоборот, во многих отношениях эти мелкие отрасли производства, в которых в гораздо большей степени сохранился элемент художественного ремесла, легче поймут и усвоят гильдейскую форму организации и гильдейский дух. Промышленность, однако, включает в себя, помимо известных видов производства, способных к координированию в национальном масштабе, другие более оторванные и с трудом поддающиеся включению в какую-либо национальную комбинацию. Это касается прежде всего фабрик, производящих чрезвычайно индивидуализированные продукты или удовлетворяющих специальные потребительские запросы.

Форма национальной гильдии должна быть достаточно свободна и эластична, так чтобы допускать внутри отдель-

ной гильдии существование разнообразных фабрик. Тогда эти „индивидуальные" фабрики большей частью сами присоединятся к национальной гильдии. Но я не вижу возражений против того, чтобы фабрики, не проявляющие стремления к таковому присоединению, оставались независимыми; я считаю даже это плюсом во многих отношениях. Когда организационная форма национальной гильдии станет господствующей в хозяйственной жизни, такие фабрики, несомненно, должны будут приспособиться к основным условиям гильдейского строя и в большинстве случаев сами, естественно, примут гильдейскую форму организации, воспроизведут почти точно структуру гильдейской системы и, быть может, в еще более совершенной форме выявят ее дух. Подобно тому, как фабричная автономия существенно необходима для поддержания силы и энергии в гильдейской системе, точно так-же существование различных демократических типов фабрик, независимых от национальной гильдии, может способствовать ценным экспериментам и плодотворной индивидуальной инициативе. Настойчиво отказываясь доводить свою теорию до ее последнего „логического" конца, гильдейцы остаются верны своей любви к свободе и разнообразию общественных форм деятельности.

Более того, что касается меня лично, то я считаю возможным прочное водворение гильдейской системы в главных отраслях промышленности, несмотря на то что сохранившиеся организационные формы или формы, создавшиеся в остальной части промышленности, не будут находиться в гармонии с гильдейской идеей. Прежде всего, я оставил бы в покое и наделил бы широчайшей возможностью свободного развития мелкого независимого производителя и работника либеральных профессий, предоставив будущему определить, насколько его ремесло повлечет за собой усвоение гильдейских форм или хотя бы приспособление к основным гильдейским принципам. Борьба с независимым производителем в интересах круговой организации была бы роковой для гильдейской системы; при тех условиях, если деятельность независимого производителя может быть очищена от капиталистической окраски и может быть устранена эксплоатация труда, лучше всего предоставить его самому себе. Такая тактика применима не только в отношении небольших мастерских и отдельных ремесленников, но также и в отношении целого ряда свободных профессий; в специальных случаях, требующих тщательного выполнения, ее можно применить в области торговли к некоторым видам торговцев и в области земледелия—к фермерам.

Из этого следует, что вот необходимости требовать во всех случаях для каждой национальной гильдии монополии в области ее производства. Для нее представляется необходимым взять в свои руки и „гильдизировать" все капиталистические предприятия и все те концерны, которые не могут сами усвоить основные гильдейские принципы и дух демократии; но действительная монополия, хотя она и может быть необходима в некоторых случаях и естественно вытекает из самого положения вещей в таких отраслях промышленности, как рудники и железные дороги,—она всегда в лучшем случае является неизбежным злом даже для гильдии. „Монополия труда"—необходимое орудие для борьбы с капитализмом, но было бы неразумным при созидании нового строя пропитывать его духом монополии. Я этим не хочу сказать, что считаю желательным существование двух национальных гильдий, руководящих одним и тем же видом производства, но в некоторых случаях несомненно может существовать несколько областных или местных гильдий, а в других—несколько фабрик, не связанных с национальной гильдией, руководящей данной отраслью промышленности.

Помимо таких исключений, которые в конце концов будут простираться лишь на небольшую часть промышленности, гильдейская система выдвигается в качестве плана, применимого ко всей хозяйственной жизни. По этому плану возможно управление крупными отраслями промышленности—в области производства, транспорта и распределения, и притом не только с производственной, но и с коммерческой стороны. Финансовая система, и в особенности, финансирование промышленности банками, должна, конечно, стать составной частью гильдейской организации, при чем банковская система должна находиться под контролем финансируемых ею гильдий. Если гильдейские идеи применимы к одной капиталистической отрасли промышленности или одному роду общественной службы, то они применимы ко всем, и их демократический дух столь же необходим для группы рабочих, занимающихся распределением или торговлей, как и для группы рабочих производственников.

Предполагая, таким образом, существование широко децентрализованных национальных гильдий, охватывающих все наиболее важные отрасли промышленности, посмотрим, в каких взаимоотношениях друг к другу будут находиться эти гильдии. В то время как все формы производства в конце концов имеют своей задачей интересы потребителя, большая часть их фактически носит характер промежуточных производств. Продукты железной, стальной или угольной промышленности в большинстве случаев не поступают непосредственно в пользование конечного потребителя, но идут в другие отрасли промышленности для дальнейшей переработки. Точно так же транспортные отрасли промышленности, перевозя миллионы пассажиров и миллионы пудов пассажирского багажа, перевозят еще большее количество това-

ров, которые попадут к потребителю, если это вообще случится, лишь через посредство другой отрасли промышленности. Следовательно, из массы товаров, подлежащих обмену, при гильдейской системе, как и при всякой другой, большой процент будет обмениваться между одной отраслью промышленности или общественной службы и другой. Это означает, что между гильдиями будет вестись широкий товарообмен. Более того, отношения между гильдиями будут сильно варьировать в зависимости от степени их взаимной связи. Транспортная и фабричная отрасли промышленности, например, будут находиться в весьма тесной и постоянной связи с угольной промышленностью, и все почти отрасли промышленности, производящие готовые продукты, будут очень тесно связаны с распределительной промышленностью. С другой стороны, гончарное производство и хлопчато-бумажная промышленность будут иметь очень мало прямых точек соприкосновения друг с другом.

Ясно, что в тех случаях, когда две гильдии или более будут находиться в постоянных отношениях вышеуказанного характера, между ними должна будет установиться особо тесная связь. Для каждой из них будут необходимы постоянные эксперты, хорошо знающие положение дел в другой гильдии; будут созданы специальные соединенные комитеты, и, быть может, в руководящий орган каждой из этих гильдий будут входить представители других близких ей гильдий. И такой характер отношений между гильдиями установится не только в национальном масштабе, но в такой же степени и в местном и областном. Необходимо избежать централизации как в производстве, так и в процессе обмена и во внутренних отношениях между гильдиями. Гильдии установят между собой сношения и будут производить обменные операции в значительной мере на местах, и по всей вероятности отдельные фабрики, принадлежащие к различным гильдиям, часто будут вести прямые сношения друг с другом, непосредственно обмениваясь своими продуктами.

На ряду с тесной связью между индивидуальными гильдиями и частями гильдий, все они войдут, вероятно, в целый ряд разнообразных специальных комбинаций. Будет координирована также и общая деятельность всех промышленных гильдий в их целом. Это приводит нас впервые к вопросу о Конгрессе Промышленных Гильдий и о его месте во всем гильдейском строении. Мы не можем заняться более подробным обсуждением его роли в организации общества, как целого, пока мы не закончим нашего описания других форм ассоциации в гильдейском обществе.

Конгресс Промышленных Гильдий, преемник нынешнего Конгресса тред-юнионов, будет непосредственно представлять все гильди, связанные с промышленностью или экономиче-

ской службой.[1] Он также будет иметь своих местных и областных двойников в виде местных и областных гильдейских советов, преемников нынешних советов тред-юнионов и федераций советов тред-юнионов. И опять таки в целях избежания централистических тенденций эти местные советы или, по крайней мере, представляющие их областные советы должны быть непосредственно представлены в Конгрессе Промышленных Гильдий. В виду того, что обменные операции между гильдиями будут, по всей вероятности, совершаться на местах, Местные Гильдейские Советы неизбежно приобретут очень большое экономическое значение.

Конгресс Промышленных Гильдий явится высшим представительным органом гильдейского строя в хозяйственной области и будет вместе с тем выполнять весьма важную функцию установления и истолкования главных принципов в гильдейской организации и деятельности. Говорят, что до некоторой степени такова роль центрального органа профессиональных союзов в России в настоящее время. В вопросах, требующих координирования из центра, Конгресс Гильдий будет фактически гильдейским законодательным собранием и вместе с тем высшей кассационной инстанцией по чисто гильдейским вопросам. Многие из наиболее важных его функций не могут быть обсуждаемы до тех пор, пока мы не сможем рассмотреть их в связи с его отношением к другим учреждениям, существующим в обществе, но мы уже здесь можем сказать, что он будет действовать в качестве представителя гильдий, как единого целого, в их общих внешних сношениях как с прочими частями социального организма, так и с заграничными гильдейскими и другими организациями. Одна из его функций, которая никоим образом не будет принадлежать к числу важнейших, будет состоять в разбирательстве конфликтов между гильдиями, в то время как местные Гильдейские Советы будут выполнять по таким вопросам роль обычных судебных учреждений низшей инстанции. Но его наиболее важной функцией во внутренней жизни гильдий будет определение общих принципов гильдейской тактики, в виде общих правил, согласно с которыми каждая гильдия должна будет вести свою работу.

Это непосредственно приводит нас к вопросу, который вероятно, уже давно задают себе читатели. Как будет определяться вознаграждение отдельного члена гильдии и различных разрядов гильдейских рабочих и каким образом согласовать норму заработной платы в различных гильдиях?

---

[1] Он может также включать в себя представителей предприятий, организованных по гильдейскому принципу, но не входящих в какую-либо национальную гильдию.

Одной из наиболее важных задач, порученных русской центральной организации профессиональных союзов, является установление, по указаниям различных союзов, скал заработной платы для всех почти категорий промышленных рабочих. Мы надеемся, что в гильдейском обществе не представится нужды в таком детальном регулировании этого вопроса; ясно, однако, что на долю Конгресса выпадет весьма аналогичная задача. Если мы предположим, что неравенство оплаты будет продолжать существовать (к этому пункту мы вскоре перейдем), то ясно, что какое-то центральное учреждение должно урегулировать нормы вознаграждения, уплачиваемого различным категориям рабочих, хотя бы в общих чертах. Гильдейцы обычно придерживались того мнения, что для разрешения этого вопроса можно было бы предоставить каждой гильдии выделить в ее фонд заработной платы определенную сумму, строго пропорциональную числу ее членов, и разделить эту сумму между последними по ее усмотрению, но я теперь сомневаюсь в том, насколько этот метод оказался бы удобным, по крайней мере в первый период гильдейского строя. Я думаю, что скалы заработной платы, намеченные каждой гильдией, должны быть переданы на рассмотрение Конгресса, который будет пользоваться правом пересматривать и видоизменять их, согласовывая требования различных категорий рабочих. Предлагая этот способ, я не упускаю из виду того факта, что и другие ассоциации, кроме промышленных гильдий, могут потребовать права голоса при определении норм заработной платы. Я считаю это требование вполне основательным и рассматриваю этот вопрос ниже, при обсуждении функционирования гильдейского общества, как общественной системы. Здесь же я стремлюсь только установить, каким образом определить на практике справедливое соотношение между различными группами производителей.

Но, заняв эту позицию, не выступаю ли я этим самым против равенства доходов. Да,—и вместе с тем, решительно нет. Я, правда, считаю, что равенство доходов не может и не должно выдвигаться в качестве необходимого условия гильдейской системы, ибо я убежден, что моральные и психологические предпосылки, необходимые для осуществления такого равенства, могут развиваться лишь в атмосфере свободного общества и то путем медленной эволюции. Не подлежит сомнению, что равенство, поскольку это (по моему мнению) является единственным возможным решением проблемы дохода, может вырасти лишь в результате действительного опыта в условиях свободного общества, в котором не только социально политические, но и экономические отношения пронизаны духом демократизма, и я уверен, что когда равенство это наступит, оно осуществится не в виде абсурдного равенства вознаграждения, но в результате уничтожения самого понятия о вознаграждении за выполненную работу, ибо экономическая проблема будет пониматься, как проблема распределения национального дохода между членами общества независимо от выполнения ими какой либо социальной работы. В этом пункте, по крайней мере, Бернард Шоу совершенно прав.

Но, пока не разовьется сознание, которое сделает возможным этот переворот, некоторое неравенство вознаграждений, вероятно, будет продолжать существовать, хотя вполне возможно, и даже более, чем вероятно, что отдельные фабрики или гильдии поняв глубокую справедливость равенства оплаты и невозможность измерять высоту вознаграждения ценностью соответствующих работ, сами введут принцип равенства заработной платы для своих членов. Их решения будут проходить через Конгресс Гильдий вместе со всеми остальными и будут оказывать соответствующее влияние.

Помимо вопроса о заработной плате, Конгресс Гильдий должен будет наблюдать в интересах всех гильдий над всей совокупностью экономических условий. Лучше всего мы увидим в чем состоит их главная функция, т.-е. определение и улучшение условий жизни для всех гильдий,—если мы ознакомимся в общих чертах с экономическим положением рабочего, занятого в гильдейской промышленности. Помимо фабричной промышленной демократии, о которой мы уже говорили, чем будет отличаться его положение в промышленности от положения современного наемного рабочего? Одно ясное различие состоит в том, что безработица, или скорее, потеря места в том виде, в каком она теперь существует, исчезнет. Не будет таких случаев, чтобы член гильдии потерял свой доход потому, что он вследствие недостатка работы очутился без места или чтобы он утерял значительную часть своего дохода потому, что вследствие тех же обстоятельств он занят лишь неполное время. Каждый член гильдии будет уверен, что получит от гильдии полный свой доход, независимо от „состояния рынка" и это обстоятельство, помимо других факторов, которые в значительной степени устранят наблюдаемые в настоящее время колебания производства, окажет огромное влияние в смысле упрочения спроса на товары и общественные услуги. Каждый член гильдии будет опираться на свою гильдию, когда он болен и когда он здоров, и, таким образом, он добьется того, чего более всего недостает в настоящее время наемному рабочему-экономической обеспеченности. Он добьется этого не путем примирения с рабскими условиями труда (раб, ведь тоже в некотором роде обеспечен), но в качестве члена свободной экономической организации.

Во вторых, член гильдии в значительной степени станет своим собственным законодателем в экономической области. Он будет сознавать себя активным участником экономической системы, основанной на общественном признании принципа свободного служения. Ему не надо будет опасаться за свою старость или за будущность своих детей, ибо его работа обеспечит ему нормальные условия существования и после удаления его на покой, а его детям будет обеспечено место в общественном строе, открытом для всех. Ибо гильдии будут не закрытыми корпорациями, но открытыми ассоциациями, в состав которых каждый сможет войти, и если понадобится, то одной из главных обязанностей Конгресса Промышленных Гильдий, да, впрочем, и всего общества, будет сохранение принципов свободного доступа в гильдии и возможности достижения каждым членом самых высоких и наиболее ответственных постов. Это не значит, однако, что каждый будет иметь абсолютное право требовать допущения в ту или другую гильдию. Во многих профессиях будет требоваться предварительная подготовка, прохождение периода ученичества, будут производиться соответствующие испытания, причем контроль над правильностью их будет в случае надобности производиться Конгрессом. Кроме того, ясно что никто не сможет вступить в гильдию, если она не будет нуждаться в свежих силах. Отдельному человеку будет предоставлен свободный выбор лишь в тех случаях, когда будут иметься свободные вакансии. Конгресс, однако, в случае нужды должен будет проверять, не ограничивает ли гильдия числа своих членов и не отказывает ли новым кандидатам по каким либо посторонним соображениям. По существу, выбор профессии будет производиться свободно.

Но мы должны ответить на неизбежный вопрос: „кто будет выполнять грязную работу в обществе, устроенном на основе гильдейского социализма*. Всегда были социалисты, настаивавшие на введении для такого рода работ всеобщей экономической повинности в известные сроки. Я против этой меры и думаю, что почти все гильдейцы против нее. Я высказываюсь против нее прежде всего потому, что я не хочу, чтобы гильдейское общество базировалось в каком бы то ни было деле на прямом принуждении. Кроме того, я убежден, что эта система функционировала бы плохо и несправедливо. При этом, она вовсе необходима. Поставшись, прежде всего, посредством широчайшего применения машин и научных методов устранить по возможности или свести к минимуму все формы „грязной работы*. Этого никогда не пытались сделать, ибо при капиталистическом строе всякого рода изобретения реже всего применяются именно к "грязной работе". Гораздо дешевле для этих целей эксплоатировать и губить человеческие существа. Указанный

нами метод дал бы огромные результаты. Во вторых, посмотрим без каких видов „грязной работы* мы можем обойтись и решим раз навсегда, что если какая либо работа не только неприятна, но и унизительна, то мы должны без нее обойтись. Ни одному человеческому существу не должно быть разрешено, а тем более, оно не должно быть принуждаемо делать унизительную работу. В третьих, что касается необходимой для выполнения притупляющей и неприятной работы, то следует для нее установить особые условия, которые могли бы привлечь к ней рабочих. Эти особые условия сведутся не к лучшей оплате, а к более короткому рабочему дню и вакациям, продолжительность которых будет превышать шесть месяцев в году; таким путем удастся привлечь достаточное число добровольцев, желающих использовать свое свободное время и свои силы для особых целей. При таких условиях выполнение этого труда падет не на отбросов общества, но на людей, столь сильно увлеченных какой либо своей неоплачиваемой работой, что они предпочтут зарабатывать себе хлеб, хотя бы и неинтересным трудом, но отнимающим у них немного времени; нечто подобное происходит теперь многими писателями творцами, живущими статьями в бульварной прессе.[1]

[1] Отталкивающая работа вышеуказанного рода была бы лучше для писателя, так как она не портила бы его стиль.

ГЛАВА V

ПОТРЕБИТЕЛЬ

Кто такой „потребитель"? Некоторые говорят, что это каждый и всякий и, следовательно, он имеет право на власть и всяческое уважение. Другие говорят, что будучи каждым и всяким, потребитель в то же время и никто и, следовательно, может быть спокойно сброшен со счетов. Другими словами, некоторые социальные теоретики, как мы видели во второй главе, базируют свою экономическую схему на потребителе, ибо де все производство имеет целью удовлетворение потребностей, а потребности удел всех, в то время как другие основывают свою схему на производителе на том основании, что все производство есть результат работы и что власть и контроль должны принадлежать тем, кто выполняет активные функции и несет за них ответственность.

Я уже объяснил, почему я не могу безоговорочно принять ни той, ни другой точки зрения. Я полагаю, что в известном и весьма реальном смысле „более благословен дающий, чем получающий" и что центр тяжести социальной организации находится скорее в оказании услуг, чем в общности интересов, но это вовсе не значит, что следует игнорировать общие интересы потребителей или предоставить им совершенно подчиненное место в обществе.

Но имеют ли в действительности потребители общие интересы? Это иногда отрицается. Указывается, что если и существует общность интересов и общая точка зрения у отдельных категорий потребителей определенных продуктов или услуг, то нет общей точки зрения всех потребителей всех сортов продуктов и услуг. С этой точки зрения отдельные группы потребителей обладают реальным существованием и требуют к себе внимания; „потребитель" же, как таковой, является миражем.

Что касается производителей, то если оставить в стороне детали и линии деления,—объединяющая их связь выступает достаточно ясно. Производство естественно распадается на известное число различных групп или отраслей, и в то же самое время отчетливо проявляется его общий характер и общность точки зрения всех занятых в нем лиц. С другой стороны,

вообще говоря, мы все являемся или будем являться в эгалитарном обществе в большей или меньшей степени потребителями всех благ. Потребители, таким образом, не раскалываются на известное число индивидуумов или групп, потребляющих одна один продукт, а другая другой.

Имеется направление, утверждающее, что эта невозможность разделения потребителей на группы является лучшим доказательством их тесного единства и реального существования „потребителя". Но утверждать это значит игнорировать важнейший принцип, на основе которого должна развиваться социальная организация—функциональный принцип. Тот факт, что каждый человек в большей или меньшей степени сочетает все формы потребления, еще не доказывает, что эти формы могут рассматриваться как части его единой и целостной „потребительской функции", ибо он отправляет также и много других функций, например, производительных, которые ясно не составляют части „потребления". Вопрос поэтому не в том, потребляет ли каждый человек все, т.-е. является ли потребитель „всяким и каждым", но в том, образует ли потребление в целом общий социальный интерес или группу интересов, и если это так, то может ли быть оно внутренне дифференцировано, подобно тому, как дифференцируются формы производства.

Я полагаю, что „потребление" образует в настоящем смысле слова общую группу интересов, что оно обладает принципом дифференциации. Но я не думаю, чтобы можно было обеспечить реальное представительство потребителей, пока не будет соблюдаться принцип внутренней дифференциации, подобно тому, как нельзя правильно представить волю производителей, если производство рассматривается как недифференцированная масса. В чем же тогда состоит этот принцип?

Мы видим, что различие в потреблении не покрывается различиями между индивидуумами. Человек обыкновенно является или углекопом или железнодорожником, а не тем и другим вместе, но всякий человек потребляет уголь, пользуется железными дорогами и т. д. и ограничивает разнообразие своего потребления только потому, что не имеет возможностей на большее. В обоих случаях главное социальное различие сводится не к дифференциации индивидуумов, а к дифференциации интересов, т.-е. к дифференциации в типах производства и потребления.

Представляется совершенно ясным, поскольку мы приемлем этот принцип, что потребление, в которое я включаю пользование экономическими услугами, распадается на две главных группы, которые допускают дальнейшее подразделение. Первая группа включает потребление домашнего или индивидуального типа и охватывает обычные покупки по маги-

ным. Этот тип потребления удовлетворяется таким образом, что отдельный покупатель или домашняя хозяйка ходит покупать товары, при приобретении которых имеется обыкновенно значительное разнообразие и возможность индивидуального выбора. Но эти различия в потреблении в такой же степени зависят от вкуса, как и от цены. Для удобства мы назовем эту первую группу потребления „личным и домашним потреблением“.

Вторая группа включает все те формы пользования или потребления, при которых хотя потребитель и может решить, пользоваться ли ими или нет и в каком именно количестве, самый продукт не дифференцирован и доставляется в массовом виде. Я могу решить, поехать ли мне по железной дороге или нет и, если поехать, то куда, но я не могу, по крайней мере в условиях демократического общества, „заказать для себя специальный поезд. Я могу уменьшить или увеличить свое потребление воды или электричества, но я лишен возможности заказать для себя специальный сорт воды или электричества. Назовем эту вторую группу потребления „коллективным потреблением“. Эти коллективные общественные службы большей частью требуют монопольного контроля.

Имеется, однако, целый ряд продуктов, которые находятся как раз посредине между вышеуказанными двумя группами. Так, например, хлеб,—поддается ли он дифференцированию или нет? Как хлеб, так и молоко находятся на пограничной черте между обеими группами. Между тем хлеб тесно связан с другими пищевыми продуктами и, естественно, должен поэтому слиться с группой домашнего потребления. Молоко и масло должны, очевидно, подвергнуться той же участи. С другой стороны, газ и уголь потребляются в домашнем очаге, но они представляют собой столь недифференцированные продукты и в столь широких размерах потребляются для целей различных общественно-полезных предприятий, что они, естественно, сливаются с коллективной группой. В сомнительных случаях они могут быть отнесены к той или другой группе в зависимости от удобства.

Попытка установить этот принцип дифференциации форм потребления таким образом не является праздным упражнением в теоретической изобретательности, наоборот, она имеет непосредственное отношение к вопросу о месте, занимаемом потребителем в обществе. Ибо именно концентрирование внимания, главным образом, на потреблении первого типа породило направление, видящее в кооперативном движении главное выражение интересов потребителя, в то время как сосредоточение внимания на втором типе создало коллективизм, в особенности в форме муниципального социализма.

Как мы указали в одной из предыдущих глав, государственный и муниципальный социализм, а также и те идеалисты,

которые верят в то, что будущий экономический строй будет основан на распространении метода кооперативной торговли на все отрасли промышленности,[1] основывают свою программу на требовании предоставить управление „потребителю“.

Однако, хотя кооператоры исходят из своего практического опыта в организации одной из форм потребления, а коллективисты из своих теоретических рассуждений о национализированных и муниципализированных предприятиях, последовательные защитники как той, так и другой системы, в общем не склонны придавать большое значение различию между двумя главными видами потребления. Коллективисты выносят резолюцию о национализации всех средств производства, распределения и обмена и таким образом дают почву для обвинений, выставленных, между прочим, м-ром Асквитом, в том, что они стремятся к национализации кооперативного движения и в то же время кооперативисты подчеркивают опасности, связанные с передачей управления промышленностью в руки „политических учреждений“, которые, по их мнению, не могут представлять интересы потребителя. Таким образом, между этими двумя теориями возникает острый конфликт, и в то же время обе они вступают в конфликт с теорией гильдейского социализма.

В данный момент нас интересует не этот последний конфликт, но соперничество между кооперативным движением с одной стороны и государственной и местной властью,—с другой, при чем обе стороны претендуют на исключительное право представлять интересы потребителя. Ясно, что здесь дело идет о некоторых пунктах, непосредственно вытекающих из принципов, изложенных нами в начале этой книги. Каковы бы ни были недостатки современной кооперации, ее стремление стать, по меньшей мере, базисом для создания правильного представительства потребителей в области их личных и домашне-хозяйственных нужд, должно быть настолько же обоснованным, как стремление тред-юнионов стать базисом для основания национальных гильдий. Ибо кооперация, подобно тред-юнионизму, представляет собою великое стихийное движение рабочего класса и оно всегда ставило своей целью представлять нужды потребителя-рабочего, в особенности в отношении благ личного или домашнего потребления.

Во-вторых, ясно, что утверждение кооперативистов, будто представительство интересов потребителя не может быть доверено в демократическом обществе „политическому“ учреждению, вполне справедливо и вытекает непосредственно из функционального принципа, изложенного нами вначале,

[1] *Напр., Женская Кооперативная Гильдия и Д. С. Вулф в своей книге „Кооперация и будущность промышленности“. Следует отметить, что кооперативное движение в целом не согласно с этой точкой зрения.*

Представительство интересов потребителя как в отношении к отдельному виду потребления, так и в отношении к потреблению в целом, должно быть специальным, функциональным, а это нельзя обеспечить путем представительства ad hoc, путем передачи его, в качестве добавочной обязанности, учреждению, носящему главным образом политический характер. Но из этого не следует, что кооператоры, одобрявшие идею „политической" национализации, тем самым установили справедливость своих притязаний, ибо ясно, что функциональный принцип все еще нарушался бы, если бы все „потребление" в целом рассматривалось как недифференцированная масса и его представительство было бы вручено единому учреждению. Возникающие при этом недоумения и различные точки зрения, равно как и необходимая специфическая подготовка и способности охватывают разнообразные области личного и домашнего потребления, с одной стороны, и „коллективного" потребления,—с другой, а следовательно, для выражения этих интересов необходимы и разные формы представительства и организации.

Это заставляет нас установить еще одно различие. Ясно, что „государство", т.е. национальный правительственный аппарат, прежде всего и главным образом есть политический институт, и вследствие этого не может явиться действительным представителем какой бы то ни было формы потребления. Но применимо ли это утверждение в том же самом смысле и к местным органам власти? Я допускаю, что местные органы власти, в их нынешней форме, не пригодны для того, чтобы представлять интересы потребителей, но это не столько потому, что они органы „политические", сколько потому, что они искорчены классовым антагонизмом и кроме того стремятся совместить с экономической функцией представительства потребителей еще и некоторые другие функции, не экономические и не политические, а главным образом, гражданские. Под этим термином я подразумеваю функции, связанные с такими службами, как воспитание, народное здравие и т. д., которые невозможно подвести ни под экономическую, ни под политическую категорию. Более детальное рассмотрение этих гражданских служб, в отношении как тех, кто работает в них, так и тех, которые пользуются ими, должно быть отложено до следующей главы, в которой обсуждается вопрос о гражданских гильдиях. Но уже и здесь мы можем установить, что совмещение „гражданских" и коллективистских функций в одном учреждении явно ошибочно в самой своей основе и является прямым нарушением всего того функционального базиса, на котором мы считаем нужным работать.

Допустим поэтому, что нынешние функции местных органов власти разделены между двумя или более институтами и что одно из этих учреждений, которое мы назовем хотя бы

„Советом предприятий общего пользования", посвятило себя исключительно функциям, носящим определенно экономический характер. Как только это осуществлено, аргумент против представительства потребительских интересов органом местной власти отпадает, и он становится таким же естественным представителем „потребителя" в области коллективного потребления, каким кооперативное движение является в области домашнего потребления.

Таким образом, мы приходим, во-первых, к тому выводу, что представительство потребителей необходимо, во-вторых, что кооперация или какая-либо возникающая из нее форма организации является действительно подходящим представителем потребителя в области личного и домашнего потребления, и в-третьих, что „Совет предприятий общего пользования", унаследовав часть функций нынешних органов местной власти, явится действительным представителем потребителей в области коллективного потребления.

Это опять заставляет нас поднять вопрос, уже обсуждавшийся вкратце в гл. II, о тех отношениях, которые должны будут установиться при демократическом экономическом строе между производственными гильдиями, с одной стороны, и будущим кооперативным движением и „Советом предприятий общего пользования", как представителями потребителей — с другой. Мы уже выяснили, что с точки зрения гильдейского социализма интересы потребителей состоят вовсе не в получении в свои руки руководства промышленностью, ибо это поставило бы производителя в положение раба, а в охране некоторых специальных интересов производителя, главным образом, в смысле количества и качества продуктов, правильного распределения, соответствующего объему и разнообразию потребностей, продажных цен и других связанных с этим вопросов.

Когда мы обсуждали этот пункт, мы постарались набросать возможно более ясную картину внутренней работы как отдельной гильдии, так и всего гильдейского аппарата. Поэтому теперь, имея уже представление об организации производителей и потребителей, мы можем обсуждать более конкретно вопрос о желательной форме отношений между этими двумя организациями.

Из сказанного выше ясно, что руководство каждой отраслью промышленности и общественной службы находится в руках соответствующей гильдии и что лучший способ для потребителей обеспечить себе наилучшее выполнение, ибо охотно и добросовестно оказываемые услуги, состоит в том, чтобы предоставить производителю возможно более самостоятельно вести свои дела. Сущность всей этой программы состоит в том, что для производителей становится „вопросом чести" дать лучшее, что они могут дать; они будут чувство-

вать, что каждая удачно выполненная ими работа является непосредственным и полным вкладом, добровольно вносимым в пользу общества. С производством, организованным на таком принципе, потребитель и его представители не будут находиться в антагонизме, наоборот, организация потребителей будет дополнять производственную организацию. Главная функция потребительской организации будет состоять в том, чтобы выяснить и определить нужды и стремления потребителей, при чем они будут уверены, что производитель не только не будет ставить палки в колеса, а, наоборот, пойдет им охотно навстречу, ибо к этому его побудят сильнейшие общественные мотивы, побуждений же обратных у него не окажется. Второстепенная функция защиты интересов потребителя против злой воли производителя будет, следовательно, проявляться лишь в исключительных случаях, и было бы крупной ошибкой видеть в ней главный мотив для создания представительства интересов потребителей. Необходимо, конечно, создать сильный аппарат и для охраны интересов потребителей, но если вся система будет работать правильно, то к этому аппарату прибегать придется редко. Главным побудительным мотивом для создания представительства потребителей является необходимость в ясном выражении „потребительской" точки зрения, дабы эти точно выявленные требования могли помогать производству и направлять его ход.

Я представляю себе, поэтому, что в каждом городе и селе и вероятно даже в каждом квартале и в каждой деревушке будет существовать двойная форма потребительской организации—кооперативная и коллективная — и что представители потребителей будут находиться в неразрывном контакте с представителями гильдий для обсуждения возникающих вопросов. Не менее существенным представляется также, чтобы потребительская организация еще в большей степени, чем гильдия, была децентрализована и носила местный характер. Истинно демократический характер ее в неменьшей степени, чем характер гильдейской организации, будет зависеть от того, чтобы в ее основу была положена наиболее мелкая потребительская единица. Внутренняя структура потребительских организаций должна быть проникнута теми же изложенными выше принципами, как и структура гильдейской организации. Она должна базироваться на самоуправлении мелкой ячейки и создавать свои более крупные областные и национальные организации путем устройства съездов представителей этих ячеек. Кооперативное движение в значительной степени руководится этими принципами и создание „Советов предприятий общего пользования", которые должны будут выполнять экономические функции местных органов власти, не должно ограничиваться рамками отдельных городов; оно должно быть продолжено дальше и привести к образованию, на тех же принципиальных основах, областных „Советов предприятий общего пользования", избираемых из состава Местных Советов и Национального Совета (избираемого из состава областных). Этот Национальный Совет предприятий общего пользования будет действительно национальным представителем коллективного потребления в то время, как государство не является и не может являться таковым.

Система гильдейского социализма обеспечивает таким образом возможность совместного обсуждения и координированной деятельности между гильдиями и потребительскими организациями на всех их ступенях — местной, областной и национальной. Взаимная связь их будет осуществляться как путем непосредственных сношений между отдельной гильдией (или ее секцией) и соответствующей кооперативной или „коллективной" организацией, так и путем непосредственных сношений между всеми гильдиями, связанными с „кооперативной" группой предприятий и кооперативной организацией и между гильдиями, связанными с „коллективной" группой предприятий и коллективной организацией, и, наконец, между всем институтом гильдий и обоими потребительскими организациями. Эти непосредственные сношения, кроме того, будут иметь место на каждой организационной ступени—местной, областной и национальной. Мы имеем, таким образом, второй ряд внутренних соотношений, на этот раз между производителями и потребителями, следующий за внутренними, уже описанными нами соотношениями между гильдиями.

Но, спрашивают читатели,—какое значение будут иметь потребительские организации, если контроль над различными отраслями хозяйственной жизни будет находиться в руках гильдий? Не смогут ли тогда производители, опираясь на свое экономическое могущество, просто напросто игнорировать представительские организации потребителей и поступать, как им заблагорассудится? Ответ на этот существенный вопрос может быть дан лишь тогда, когда мы рассмотрим основы не только гильдейской и потребительской организации, но и коммунальную структуру гильдейского общества в целом, т.-е. отношения, которые установятся в обществе между различными формами функциональной организации. Я должен, следовательно, попросить читателя потерпеть еще немного времени и дать мне возможность закончить описание наиболее важных органов гильдейского общества в следующей главе. Тогда мы сможем перейти к щекотливому вопросу о власти, о системе взаимодействий и о коммунальных формах функциональной демократии. Этот пункт не упускается из виду, но о нем можно говорить лишь в соответствующем месте.

Но прежде, чем оставить вопрос о потребителе, необходимо поговорить еще об одном пункте. В течение всей этой главы я пользовался словом „потребление" исключительно лишь в тесном и ограниченном смысле, применительно к конечному потреблению или пользованию продуктами или услугами для непосредственного удовлетворения человеческих потребностей или желаний. Иными словами, я не касался всех разнообразных форм, так называемого „промежуточного потребления", которые обсуждались в предыдущей главе. Когда железная дорога или судно потребляет уголь, или когда фабрика заказывает новые машины или строения, „потребителем", поскольку о нем в данном случае может итти речь, является отрасль промышленности, требующая данный продукт. Непосредственным представителем этого „псевдопотребления" является, следовательно, гильдия этой отрасли промышленности, и представительство этой формы „потребления" обеспечено посредством уже описанных выше сношений между гильдиями. Ясно, однако, что конечный потребитель, хотя он и не употребляет угля, машин или строений, очень близко заинтересован вопросом об их доставке, количестве, цене и распределении, так как это непосредственно отзывается на доставке, качестве, цене и распределении товаров, которые он лично потребляет. Поэтому ясно, что должны быть установлены сношения между потребительскими представительствами, коллективным и кооперативным, и гильдиями, производящими для „промежуточного потребления", а также между потребителями и гильдиями, производящими конечные продукты. Таким образом, все гильдии будут представлены в Объединенных Советах производителей и потребителей, как единое целое, и любая организация потребителей сможет требовать, чтобы ей дали представительство и предоставили возможность совещаться и действовать совместно со всякой гильдией, работа которой ее касается, независимо от того, имеет ли она прямое касательство к продуктам гильдии или косвенное.

Весьма вероятно, что по отношению к некоторым службам, вроде железнодорожного сообщения, возникнут специальные ассоциации потребителей или пользователей, нуждающихся в особом типе продукта или услуги. И в настоящее время в некоторых местах имеются не только ассоциации владельцев железнодорожных сезонных билетов, но также и ассоциации телефонных абонентов и тому подобные общества. Существование и распространение этих организаций и обеспечение им представительства для установления связи с соответствующими гильдиями в высшей степени желательны и вполне совместимы с функциональным принципом демократии. Вполне вероятно также, что будут существовать потребительские ассоциации более мелкого и более специального типа, образованные с той целью, чтобы сотрудничать со специальными группами ремесленников и способствовать производству особого рода продуктов. Эти потребительские ассоциации составят, несомненно, желательное дополнение к независимым организациям производителей, существование которых, как мы высказались выше, в некоторых специальных случаях должно явиться ценным источником разнообразия в ремесле и разнообразия в производстве.

Практическое значение выводов, к которым мы пришли в этой главе, достаточно очевидно. Прежде всего оказывается, что между кооперативным движением и гильдейским социализмом нет никакого антагонизма, что быстрое расширение кооперации ради возможно более полного удовлетворения личных и домашних потребностей всего населения осуществляет собой развитие демократической организации, которому гильдейцы должны всячески способствовать. Во-вторых, реформа и реорганизация местного самоуправления в Англии должна быть проведена немедленно и энергично, их гражданские и экономические функции должны быть разделены и Рабочая партия для проведения этой реформы и для полного использования самоуправления, когда оно будет реорганизовано, должна, опираясь на свои недавние успехи, сделать решительное усилие, чтобы обеспечить организованным рабочим полный контроль над местным самоуправлением.

Примечание. Я надеюсь, что не приходится больше опровергать тот аргумент, что так как производители и потребители те же самые лица, то нет надобности в различных организациях для представительства точек зрения той и другой группы. Этим аргументом пользовались, как помнят читатели, утверждавшие, что гильдии не нужны, ибо государство представляет всех граждан и государственный социализм будет, следовательно, представлять собою всю промышленную демократию, так и индустриальное общество будет состоять, которые говорили, что поскольку в демократическом обществе все потребители будут производителями, контроль производителей будет вполне представлять и интересы потребителей. Эти точки зрения были в существе лишь удобным способом увильнуть от затруднения и спорящими их уже сошли со сцены побежденными. Мне кажется, что теперь всем, что личность нуждается в стольких формах представительства, сколько она имеет различных интересов или точек зрения, допускающих организационное выражение.

ГЛАВА VI

ОБЩЕСТВЕННАЯ СЛУЖБА

До сих пор мы говорили о гильдейском социализме, как о схеме промышленной и экономической организации, и лишь случайно касались иногда ее применения к услугам неэкономического характера. Но не подлежит сомнению, что аргументы, приведенные в пользу самоуправления в области промышленности, по крайней мере, в равной степени применимы также и к тем отраслям труда, целью которых является удовлетворение не хозяйственных потребностей, но духовных, умственных и других нужд и стремлений неэкономического порядка. Необходимость пробудить внутри этих преимущественно „гражданских" профессий дух свободной общественности так же велика, как в области экономической деятельности, а возможность к этому еще больше в силу самого характера этих профессий. Если где-либо есть действительные шансы на осуществление свободной организации, проникнутой духом общественного служения, то это прежде всего в таких областях, как просвещение и народное здравие, в которых даже при теперешних тяжелых обстоятельствах открывается значительный простор для идеалистических мотивов и бескорыстных стремлений.

Правда, условия, в которых приходится в настоящее время работать учителям или врачам, привели в значительной степени к превращению этих профессий в экономические профессии и к заражению их тем духом жадности, хищничества, и погони за грошом, которые господствуют теперь в экономической сфере. Но еще и теперь признается, что этот дух чужд действительной природе такого рода профессий, и время от времени раздаются безрезультатные протесты против их тенденций в сторону капиталистической психологии. Эти протесты направляются, главным образом, против скупо оплачиваемых учителей и перегруженных врачей терапевтов, вынужденных тягаться за гонорары, чтобы как-нибудь свести концы с концами. Тем не менее, в основе этих протестов лежит признание неэкономического характера указанных профессий. Они, однако, не приводят и не приведут ни к каким результатам, пока экономическая обстановка, с которой неизбежно связаны и неэкономические профессии, носит капиталистический характер. Освобождение этих категорий труда от унизительной обстановки нашего времени будет происходить параллельно с освобождением всей экономической системы от еще худших условий, в которых она очутилась.

Я предполагаю в этой главе обратить внимание, главным образом, на одну из этих профессий, которая по самому характеру ее социальных задач кажется наиболее важной из всех. Просвещение, как постоянно напоминают защитники революционного метода, в значительной степени обуславливает возможность всякого рода перемен к лучшему. Демократия, говорят нам, может существовать лишь в среде просвещенного народа. Но если это и верно, поскольку просвещение понимается в самом широком смысле слова, то все же не подлежит сомнению, что общий характер воспитания определяет умственный горизонт граждан и оказывает очень сильное влияние на их умение пользоваться свободой. Воспитание, сознательно ставящее себе целью развить в равной мере в ребенке, как и во взрослом, максимальную возможную способность к инициативе и самоопределению, облегчит народу искусство самоуправления и усвоение коммунального духа. Искусство это было бы совершенно недоступно народу, воспитанному в рутинной системе, подготовляющей к рабскому беспрекословному повиновению.

Никто, я думаю, не будет оспаривать, что наша система воспитания, через которую проходит большая часть народа, в значительной степени является рабской системой. Возможно, что она в настоящее время не проникнута до такой степени духом рабства, как это было раньше, и что недавно проведенные реформы вызовут еще некоторое улучшение. Но ни простое увеличение количества преподаваемых знаний, ни повышение школьного возраста не внесет коренного изменения в характер этой системы.

Критики объясняют рабский дух современной воспитательной системы различными причинами. Некоторые совершенно справедливо указывают на чересчур большое количество учеников в классе и вполне основательно указывают, что немыслимо воспитывать сразу целую толпу. Но многочисленность учеников в классах, хотя и приводит к серьезному ухудшению системы, отнюдь не является коренной причиной проникающего ее рабского духа. Другие критики довольствуются утверждением, что система носит рабский характер потому, что это — капиталистическая система и подготовление безропотных наемных рабов в интересах капиталистов. Это совершенно верно, но такое утверждение приводит нас опять к вопросу о способах, посредством которых капитализму удается привить рабский дух делу просвещения, ко-

торое должно было бы быть великим фактором духовного освобождения. Действительный ответ, по моему мнению, может быть найден в нынешнем положении и подготовке учителя, который при существующих условиях является в такой же степени наемным рабом, как всякий другой наемник капиталистического строя, и подвергается еще худшей эксплоатации, чем большинство рабочих. Учитель получает совершенно недостаточную, а часто и совсем плохую подготовку, иногда в университете, но чаще в учебном заведении, стоящем ниже университета. По получении столь убогой подготовки учителя или учительницу шпыряют в школу и дают приказ обучать детей под надзором целой орды инспекторов, согласно инструкциям учебного ведомства и под контролем учебной коллегии, члены которой обыкновенно не имеют никакого представления о воспитании. При этом учителям приходится работать в атмосфере соперничества, порождаемой тяжелой экономической нуждой педагогического персонала и крайней трудностью повышения по службе, от которого зависит получение сносного жалованья или хороших вакансий. Неудивительно, что при таких условиях многих учителей можно обвинить в умственной ограниченности и в том, что их деятельность не слишком продуктивна. Было бы чудом, если бы они не были такими, какими мы их видим, и при данных обстоятельствах работа, выполняемая многими из них, не далека от чуда. Но и для чудес есть границы. Большинство учителей и учительниц — обыкновенные человеческие существа и многие из них занялись педагогической деятельностью не потому, что они чувствуют призвание к ней, но потому, что в современной борьбе за существование даже наиболее скудно оплачиваемые профессии кажутся чем-то привлекательными в сравнении с голодовкой или браком по расчету.

Единственный путь для изменения характера воспитательной системы это — изменение положения учителя, ибо только сами учителя могут очистить современную воспитательную систему от проникшего ее насквозь рабского духа. И они могут достигнуть этого лишь в том случае, если новые условия дадут им возможность приступить к этой задаче. Мы станем на верный путь в области воспитания лишь тогда, когда мы превратим учительство в совершенно самоуправляющуюся профессию, и мы получим хорошую, освобождающую воспитательную систему лишь в том случае, если мы поможем учителям использовать свою свободу и очистить дело просвещения от его теперешней капиталистическо-экономической окраски.

Мы нуждаемся, следовательно, поскольку нашу воспитательную систему можно рассматривать как единое целое, — в Гильдии Народного Просвещения, в которой учителя будут пользоваться самоуправлением в такой же степени, какою

пользуется промышленный рабочий в любой из описанных нами гильдий. Равным образом мы нуждаемся и в Гильдии Народного Здравия, а также и в гильдии для каждой отрасли гражданской службы, удовлетворяющей какую-либо из существенных, хотя и не хозяйственных, нужд народа.

Когда я говорю, что мы нуждаемся в Гильдии Народного Просвещения или в Гильдии Народного Здравия, то я хотел бы, чтобы читатель вспомнил о том, что было мною уже сказано о децентралистическом характере гильдейской системы и необходимости базировать самоуправление на мельчайших естественных самоуправляющихся ячейках. Нет другой области, в которой рука широкой централизованной организации оказывала бы столь мертвящее влияние, как область общественных и в особенности просветительных профессий, о которых мы в настоящее время говорим, и следует заметить, что ни в одной из областей хозяйственной жизни влияние бюрократии не действует столь гибельным образом, как в области удовлетворения культурных потребностей народа. Ни в какой области нет такой потребности в разнообразии, в инициативе и многообразных опытах, в свободе развития индивидуальных идей, как именно в этой области, от которой так сильно зависит счастье человечества. Следовательно, если мы перестраиваем наши ведомства просвещения и народного здравия в великие национальные системы и сочетаем эти системы в совокупность Национальных Гильдий, мы должны внутри этих крупных организаций сохранить власть и право инициативы за мелкими ячейками, так чтобы каждая школа могла по возможности сама наметчать для себя новые линии развития и чтобы инициатива отдельного врача или группы работников-товарищей не тормозилась слишком усердным контролем центра.

В области просвещения, которой мы пользуемся в настоящей главе для иллюстрации общего принципа, выставленные нами положения влекут за собой широчайшее допущение уже признанного нами в экономической области права отдельных личностей или групп производить эксперименты как вне, так и внутри регулярной и признанной воспитательной системы. Мы можем, правда, надеяться, как мы уже высказывались в отношении промышленности, что дух свободы будет настолько сильно развит в Национальной Гильдии, что большинство новых экспериментов сможет быть произведено внутри ее, но идея о монополии в области просвещения, хотя бы даже и не строго проводимой, представляется недопустимой, ибо всегда окажутся эксперименты, которые нельзя провести даже в самой эластичной национальной системе. Большинство этих опытов может оказаться шарлатанством, но лучше допустить производство множества шарлатанских экспериментов, чем бойкотировать одно действительное открыти-

тие в области воспитания. Да и опасность шарлатанства могла бы быть значительно уменьшена, если бы воспитанникам было предоставлено право самоуправления так же, как учителям.

Поэтому наша Гильдия Народного Просвещения должна быть еще более децентрализована, чем большинство производственных гильдий, и должна представлять собою скорее совещательную федерацию взаимно связанных воспитательных учреждений, чем единую, слитую в одно целое организацию. При этих условиях она должна, несомненно, включить в себя учреждение, на которое возложено воспитание во всех его ступенях—начиная от школы первой ступени до университета,[1] ибо принцип свободы на котором мы настаиваем, не означает изоляцию ни отдельной школы, ни отдельной ступени воспитательной системы. Одной из худших сторон современной воспитательной системы является именно разделение воспитания на изолированные друг от друга классы и ступени.

Мы добиваемся того, чтобы проблема воспитания рассматривалась, как единое целое, но, рассматривая ее как единство, мы не хотим впасть в другую ошибку и вводить централизацию в воспитание.

Национальная Гильдия Просвещения, включающая множество различных типов учителей с разнообразными техническими приемами и методами, будет, конечно, в своей внутренней организации прибегать к самым разнообразным демократическим формам. В ней самоуправление будет производиться не только в школе, где оно нужнее всего и не только среди учебной администрации, но и среди профессиональных педагогических групп. Помимо обеспечения прав существования за отдельными группами, входящими в местную и национальную гильдию, будет предоставлена полнейшая свобода организации добровольным профессиональным ассоциациям и будет гарантировано их признание. Простой иллюстрацией сказанного является вопрос о проверочных испытаниях учителей. Было бы большой ошибкой со стороны Национальной Гильдии, если бы она пыталась сосредоточить в своих руках подобные испытания для лиц, вступающих в эту профессию или выставляющих свою кандидатуру на более высокие посты. Гильдии должны, по мере возможности, передавать проверку знания кандидатов профессиональным и аналогичным им организациям. Как мы уже видели, это наилучший метод для производственных гильдий в применении к промышленным профессиям и его, очевидно, можно, по крайней мере, с равным успехом применить также к педагогической и медицинской профессиям.

[1] Значительная часть просветительной работы будет, несомненно, производиться вне какой бы то ни было организованной воспитательной системы—дома и в добровольных ассоциациях детей, преследующих различные цели.

Раньше чем попытаться перейти к более детальному обсуждению внутренней организации Гильдии Народного Просвещения, следует рассмотреть две основных проблемы, связанных с вопросом о взаимоотношениях между гильдией и другими составными частями общинной структуры. Каковы будут отношения в общем вопросе о просвещении между этой гильдией и всеми гражданами в целом, и в частности между гильдией и теми гражданами—совершеннолетними и подрастающими,—которые посещают ее учреждения в качестве воспитанников и студентов? И каковы будут отношения между нею (в особенности, в области технического воспитания) и различными производственными гильдиями и профессиональными ассоциациями?

Эти две проблемы несколько аналогичны некоторым из проблем, обсуждавшихся уже нами в отношении производственных гильдий, хотя ни в коем случае не тождественны с ними. Наша первая проблема сходна, но, конечно, не тождественна, с вопросом об установлении связи между производственными гильдиями и потребителями. Существует также сходство, хотя, быть может, и меньшее, но все-таки реальное, между второй проблемой и вопросом о „промежуточном потреблении" и отношениях между гильдиями. Но в области просвещения, а также, в несколько меньшей степени, в области санитарно-медицинского дела имеется то основное различие, что эти отрасли труда являются непроизводственными службами и что самый характер их услуг вызывает моральные вопросы, представляющие с социальной точки зрения огромную важность. Когда мы предлагаем, чтобы гильдии просвещения и народного здравия пользовались внутренним самоуправлением, то мы, конечно, не хотим этим сказать, что все педагогические и санитарно-медицинские вопросы должны быть целиком предоставлены на усмотрение учителей и врачей. Как вопросы просвещения, так и санитарно-медицинские вопросы ближайшим образом затрагивают каждого гражданина, и он заинтересован в том, чтобы иметь самую широкую возможность высказывать свое мнение по этим вопросам и оказывать влияние на их разрешение. Другие гильдии и профессиональные ассоциации, со своей стороны, также заинтересованы сильнейшим образом в вопросах технического воспитания, и их голос по этому вопросу должен иметь такой же вес, как и голос учителя или вообще гражданина.

Когда мы обсуждали вопрос о роли местного самоуправления в экономических вопросах, мы уже выяснили, что для того, чтобы местные органы самоуправления могли надлежащим образом выполнять необходимую функцию представительства „коллективного" потребления, необходимы особые

специально избранные для этой цели органы, не стремящиеся совместить эту свою задачу с задачами экономического характера. Но если это необходимо с хозяйственной точки зрения, то еще более это необходимо с точки зрения тех общественных профессий, о которых мы сейчас говорим, ибо не подлежит сомнению, что об освобождении этих профессий от их подчинения экономике не может быть и речи до тех пор, пока они остаются под контролем учреждений, неизбежно выдвигающих на первое место хозяйственную точку зрения. Мы предлагаем, поэтому, на ряду с Советами предприятий общественного пользования, описанными в предыдущей главе, создать другие Советы, выражающие потребности и желания народа по отношению к общественным профессиям. Вопрос, однако, не может быть разрешен простым разделением органов местной власти на две части, ибо признавая нами необходимость двух различных организационных форм—„кооперативной" и „коллективной"—для представительства разных подразделений потребления, еще в большей мере сказывается в отношении общественных профессий, распадающихся на группы, более отличные друг от друга, чем любые другие производственные группы. Если мы возьмем лишь две обширные общественные профессии, о которых сейчас идет речь—народное просвещение и народное здравие—то ясно, что, хотя они во многих пунктах переплетаются друг с другом и с различными видами производственных предприятий, они в каждом случае образуют отдельный специальный комплекс проблем, требующих совершенно иного подхода и предполагающих совершенно иную подготовку со стороны тех лиц, которые должны представлять точку зрения общества в отношении этих проблем. Народное просвещение и медицина, если мы хотим придерживаться нашего функционального принципа, не могут быть вверены одним и тем же учреждениям, и мы должны признать необходимость специфического, для данных целей созданного метода управления, который коллективисты-реформаторы, не сумевшие разглядеть различия между производственными и общественными профессиями, так усердно опровергали в недавнее время.

Поэтому в каждой отдельной местности нам нужен на ряду с Советом предприятий общественного пользования также и Совет, рассматривающий с точки зрения интересов всех граждан вопросы воспитания, и другой Совет для обсуждения вопросов народного здравия. Это, однако, не должно способствовать бесконечному увеличению числа различных органов самоуправления с специальными задачами, ибо правильное понимание функций народного просвещения и народного здравия гораздо шире, чем то, которое господствует среди современных государственных деятелей. Это различие настолько важно, что в отношении просвещения следовало

бы обозначить его особым термином. Итак, скажем, что для просвещения, в самом широком смысле этого слова, включая сюда и многие родственные духовные потребности, мы нуждаемся в культурных Советах, избранных всеми гражданами для представительства одной гражданской точки зрения.

Эти культурные Советы войдут в тесные и постоянные сношения не только с Гильдией Просвещения, но и с другими гильдиями родственного характера. Так например, драматическая и музыкальная и все связанные с ними побочные профессии, пользуясь при демократическом социальном строе общим народным признанием, будут через свои гильдии непосредственно связаны с Культурным Советом, который будет посвящать им столько же внимания, сколько просвещению в более узком смысле. Картинные галлереи, музеи, библиотеки и тому подобные учреждения, непосредственно поставленные под руководство Гильдии Просвещения или профессиональных ассоциаций, войдут в компетенцию Культурного Совета. С другой стороны, Совет Народного Здравия будет находиться в непосредственных сношениях не только с Медицинской Гильдией, но и с гильдиями, организующими санитарное дело и в сферу ее деятельности будут входить не только госпитали, но и парки, спортивные площадки и другие места физического спорта. Совет Народного Здравия вступит также в тесные постоянные сношения и со Строительной Гильдией, и его голос будет пользоваться значительным весом при разработке планов городского и районного строительства.

Подобно Кооперативному и Коллективному Советам, Советы Народного Здравия и Культурный будут вступать в сношения не с отдельной гильдией, но с группой родственных гильдий, находящихся в тесном и постоянном взаимодействии друг с другом. Совету Народного Здравия и Культурному Совету и соответствующим гильдиям будет также необходимо вступить в тесные сношения друг с другом для совместного разрешения общих проблем, вроде, например, вопроса о здоровьи школьников или воспитании дефективных, поскольку эта категория останется после уничтожения нищеты. Они должны будут также вступить в отношения, менее тесные, но все же имеющие большое значение, с Коллективным и Кооперативным Советами по таким вопросам, как доставка молока, плановые постройки, техническое образование и многим другим. На этих взаимоотношениях между различными формами коммунальной организации мы подробнее остановимся в следующей главе.

Но если такова будет структура гражданского представительства в этих имеющих столь крупное жизненное значение профессиях, то каковы будут функции представительных советов, которые мы описали? Как в области хозяй-

ственных взаимоотношений, описанных в предыдущей главе, взаимоотношения эти будут носить не антагонистический характер, а будут, наоборот, проникнуты духом сотрудничества и взаимно дополнять друг друга. Советы будут проводить общественную, непроизводственную точку зрения, они будут выдвигать духовные и физические запросы народа и сотрудничать с различными гильдиями, которые вверили им практическое удовлетворение этих запросов. Запросы духовной и физической культуры имеют такое же право на удовлетворение, как и экономические нужды, и в этих областях ясно выраженные потребности точно так же должны быть полностью и систематически обслуживаемы.

Советы, следовательно, будут формулировать требования народа, а местные даже больше, чем обще-национальные, ибо это соответствует децентрализованному характеру всей системы в области культурных и физических потребностей. Гражданин заинтересован в том, какой воспитательной системой, театром, лечением, гигиеной, парками, музеями и библиотеками он снабжается и на лицах, работающих по призванию в этих областях, лежит обязанность доставлять народу, в меру своих знаний и инициативы, то, чего народ хочет. Часто утверждают, что большинство народа, в особенности в области просвещения, ничего не хочет, но функциональное представительство, осуществляя принцип специальных руководителей для специальных областей, дает полную возможность тем, кто стремится к чему-нибудь и интересуется чем-нибудь, оказать влияние на ход дела. Кроме того, трудно поверить, что при условиях демократического равенства Культурный Совет, имея полную возможность выдвинуть все духовные и эстетические запросы, не станет самым популярным из всех видов коммунальной службы.[1]

В области просвещения, мы, однако, немедленно наталкиваемся еще на одну проблему. Ибо, если право всех взрослых граждан на избрание функциональных органов обеспечивает в достаточной степени интересы граждан в вопросах народного здравия и некоторых областях культурной деятельности, то как обстоит дело со значительной областью педагогической деятельности, касающейся несовершеннолетних? Не имеет ли право ребенок или юноша высказать свое мнение по поводу педагогической системы, если не в ее целом, то, по крайне мере, по поводу тех вопросов, которые касаются его непосредственно и связаны с внутренней жизнью школы? Я, не колеблясь признаю за ними это право, при чем утверждаю, что оно должно быть проведено не путем создания широкого

[1] Мы снова должны отложить обсуждение специального вопроса об относительной роли этих Советов и гильдий до следующей главы, в которой рассматривается вопрос о коммунальной организации в целом при проведении системы гильдейского социализма.

представительного механизма для несовершеннолетних и не посредством смешения взрослых с несовершеннолетними в Культурных Советах, но путем предоставления в каждой школе ученикам возможности самоуправления в такой же степени, как и учителям. Уже было доказано, что самые важные и наиболее успешные опыты в этом направлении были проведены в тех школах, в которых учителя сами пользовались очень широкой индивидуальной свободой и правом самоуправления, и я не сомневаюсь, что общее распространение такого свободного режима на всех учителей скоро приведет к постановке таких опытов в широких размерах.[1] Это самоуправление воспитанников начнется, без сомнения, с того, что мальчикам и девочкам дадут гораздо большие права в смысле самостоятельного решения их собственных дел, включая сюда полностью свободу образования кружков в стенах школы и надзор за осуществлением дисциплины; но вскоре рамки самоуправления расширятся и включат в себя, если понадобится, настоящую критику школьной программы и учителей, а также коллективную инициативу совместно с преподавателями в области новых форм преподавания и методов работы. Вряд ли возможно изложить заранее линию этого развития, которое будет принимать различные формы в зависимости от индивидуальных качеств учителя и духа, господствующего в данном классе; одно можно, однако, сказать с уверенностью,—что до тех пор, пока самоуправление учащихся не будет развито в широкой степени, демократия в школе не будет осуществлена, и мощь просвещения, как освободительного фактора, не достигнет своего полного развития.

Здесь мы подошли вплотную ко второй крупной проблеме—к вопросу о техническом образовании. В настоящее время, по причинам экономического характера, ведутся постоянные споры между защитниками технического образования и сторонниками „гуманитарного" образования. Эти споры неизбежны при капиталистическом строе, но причина их исчезнет при осуществлении экономической демократии. В настоящее время многие, и не без основания, возражают против чрезмерного увлечения техническим образованием, которое само по себе весьма ценно, но, во-первых, часто сводится на практике к узкому рутинному преподаванию профессии, и во-вторых, выставляется, как замена других форм воспитания. В условиях демократии станет общепризнанным, что правильно понимаемое техническое образование может стать культурным фактором на ряду с книжной ученостью, и что оба эти

[1] см. „An Experiment in Educational Selfgovernment by T. B. Lloyd. Автор сам работает в новой школе, выполняющей многообещающую работу в этом направлении.

метода тесно переплетаются между собой и дополняют друг друга. Между ними будет существовать не антагонизм, а сотрудничество, однако, для контроля над техническим образованием и для его организации необходимы специальные методы и различные гильдии. Профессиональные ассоциации будут также настаивать на очень тесном контакте с техническими школами. Практическая работа в мастерских и школьное обучение будут считаться дополняющими друг друга, и гильдии, как и профессиональные союзы, будут принимать большое участие в техническом контроле над этими обоими видами обучения. В этом случае нет причины стремиться к проведению однообразной системы, и по всей вероятности будет существовать параллельно множество различных систем, при чем общим для всех принципом будет тесная связь Гильдии Просвещения с другими организациями.

Я поэтому не предлагаю, чтобы техническое образование было поставлено вне ведения Гильдии Просвещения, ибо это резко разделило бы два вида воспитания, которые с социальной точки зрения необходимо связать возможно теснее. Гильдия должна уделить особое внимание контролю над техническим образованием и должна позаботиться о представительстве заинтересованных отраслей промышленности и профессий. Таким образом, в университете с факультетской системой будут существовать факультеты, которые в значительной мере будут находиться под контролем других гильдий или профессиональных ассоциаций, будут подчиняться университетскому уставу, и работа их будет являться частью общеуниверситетской работы.

Итак, мы имеем гильдии: педагогическую, театральную, медицинскую, санитарную и гильдии для других общественных функций. Но, спросят меня, что станется со „свободными профессиями", с учеными, статистиками, художниками? Каковы будут организации лиц свободных профессий и какое они будут занимать общественное положение? Я собираюсь высказаться по этому вопросу вкратце, указав при этом, что гильдейский социализм не ставит своей задачей давать ответы на все вопросы и найти единый метод для организации всех людей по их функциональным способностям. Боже упаси, чтобы мы были организованы аккуратненько все до единого, до последнего человека и до последней функции! Множество функций и порядочное количество людей, к счастью, не поддаются вовсе организации, а еще большее количество может быть организовано лишь в небольших ячейках, постоянно формирующихся, распадающихся и проявляющих то страсть к сотрудничеству, то стремление к расколу. Но формы такого сотрудничества и степень легкости, с которой подобные люди и функции находят путь к гармоничной социальной организации, зависят, главным образом, от строения и духа окружающего их общества. В обществе, проникнутом духом ассоциации, а именно таким и будет гильдейское общество, пышным цветком расцветут все виды научной и профессиональной ассоциации и будут пользоваться полным признанием со стороны всех граждан, и тогда даже художники, эти наименее поддающиеся организации люди, будут охвачены стремлением к ассоциации и охотно начнут образовывать кооперативные группы, без сомнения, менее устойчивые, чем другие, но зато более творческие именно по причине их неустойчивости. Ассоциация лиц свободных профессий, как мы уже неоднократно указывали, будут выполнять в гильдейском обществе весьма важные функции, и я думаю, что можно с уверенностью сказать, что нигде искусство и наука не смогут достигнуть такого пышного расцвета, как в разнообразно организованном функциональном обществе, описанном мною. Ибо демократизм, проведенный в промышленности и во всех других сферах общественной жизни, ценен более всего именно благодаря тому, что он вызывает в человеческих массах творческие, научные и художественные импульсы, задавленные или извращенные капитализмом, и дает возможность ныне придушенному духу общественности совершать чудеса, возрождая художественное чутье человечества и научая его ценить прекрасное.

ГЛАВА VII.

СТРУКТУРА КОММУНЫ

В предыдущих главах мы по очереди обрисовали все главные формы функциональной организации общества, поскольку они выражают его экономическую и гражданскую стороны. Мы оставили без рассмотрения лишь два важных вопроса. Первый вопрос, который мы пока намеренно обходим молчанием в этой книге, это—вопрос об организации религии. Знаменательно, что новейшее развитие теоретических взглядов на отношения между церковью и государством и на положение церкви в современном обществе, идет в весьма значительной степени по тем же линиям, как и гильдейская концепция промышленности и общественной службы.[1] Сущность духовной свободы церквей, как впрочем и всех остальных ассоциаций, основанных на общности веры или убеждений, состоит в независимости от материальной и даже гражданской структуры общества и в том, что церковь разрабатывает свои собственные проблемы под углом зрения духовной, а не экономической или гражданской власти и для разрешения их не обращается к способам общественного понуждения. В другом месте [2] я более подробно останавливался на этой стороне, но он выходит из рамок настоящей книги.

Второй, не рассмотренный нами вопрос относится к экономической области. Хотя гильдейская организация в земледелии, если даже и возможно ее изобрести, во многих отношениях будет очевидно отличаться от гильдейской организации в промышленности, все-таки это вопрос, заслуживающий рассмотрения. Речь о ней будет итти в одной из следующих глав, в настоящей же главе я ограничусь тем, что лишь упо-

[1] См. в особенности сочинения покойного T. N. Figgis и прежде всего его книгу „Churchand State"—Церковь в современном государстве (См. также книгу „Hedard Roberts The Church in the Commonwealth"—Положение церкви в государстве." Имеется также много материала по этому вопросу в докладе Комиссии архиепископов о церкви и государстве и в недавно изданном законе о церкви.

[2] См. мою книгу „Social Theory" т. II.

мяну читателю Сельско-хозяйственную Гильдию, совершенно не объясняя, что это такое. При данных условиях удобнее всего поступить именно так, ибо обсуждение вопроса о земледельческой организации предполагает предварительное обсуждение некоторых вопросов, о которых речь будет итти в настоящей главе.

Мы до сих пор, по очереди, рассмотрели четыре различных формы организации, из которых каждая имеет собственные подразделения. Прежде всего, мы рассмотрели организацию производителей в форме производственных гильдий, затем организацию потребителей в форме Кооперативов и Советов предприятий общественного пользования, потом мы перешли к организации общественных профессий в форме гильдий общественной службы, и, наконец, мы познакомились с обще-гражданской организацией в виде Культурного и Санитарно-медицинского Советов. Вдобавок, мы уже успели обсудить, с различных точек зрения, вероятное взаимоотношение и взаимодействие между различными группами, как в национальном, так и в местном масштабе. Но мы до сих пор не дали представления о функционировании всех этих групп, как составных частей единой системы, иными словами—о коммунальной (в отличие от функциональной) организации и деятельности гильдейского общества. Мы должны выяснить не только взаимодействие и сотрудничество общественного производителя и потребителя-работника и гражданина, но также и то, каким образом найдет себе выражение коммунальный дух всего общества, поскольку он может вообще проявиться в какой либо форме социальной организации.

Это непосредственно приводит к дальнейшему обсуждению вопроса о роли „Государства", ибо ортодоксальные социальные теоретики обычно требуют для "Государства" исключительного права выражать дух общества, а также координировать и направлять деятельность различных составных частей социальной структуры. Мы до сих пор критиковали понятие универсального государственного суверенитета с двух различных точек зрения и, мне кажется, пробили широкие бреши в этой теории, хотя еще и не разбили ее совершенно. Во первых, мы критиковали структуру государства с точки зрения функциональной демократии, указывая, что старая теория недифференцированного представительства непригодна для выявления демократического духа, который должен найти себе выражение в каждом отдельном виде социальной деятельности. Этим доводом мы разрушили идею о „всекомпетентности" государства. Во вторых, говоря о коллективистских теориях в экономической области, мы опровергли тот взгляд, что государство является представительством потребителя и таким образом исключили его из функционального участия

в контроле над промышленностью и предприятиями общего пользования. Это соображение применимо также и к общественным профессиям, в которых представительство, как мы уже указывали, также должно покоиться на функциональном базисе. Таким образом, разрушив представление о всекомпетентности государства, мы в тоже время окончательно отстранили последнее от всякого участия в контроле, как над производственными предприятиями, так и над общественными профессиями. Однако, мы еще не покончили с идеей о суверенитете государства в той форме, в которой она была изложена для отпарирования этих возражений.[1]

Теория государства в ее пересмотренном виде отбрасывает всекомпетентность государства и допускает, по крайней мере, в общих выражениях, устранение государства от выполнения всех социальных функций, но она оставляет на заднем плане государство, функция которого состоит в „суверенитете" т.-е. государство, не имеющее никакой другой задачи, кроме координирования действий различных функциональных учреждений в обществе. Ясно, что функциональная демократия, основы которой мы излагали, нуждается в общепризнанной координирующей инстанции и можно было бы согласиться назвать эту инстанцию „Государством", если бы это название не вызвало сейчас же двух, в корне неправильных идей. Первая идея—этот, что новый общественный орган явится с исторической точки зрения как бы наследником нынешнего политического механизма, вторая идея—это, что государство в значительной мере воспроизведет свою старую структуру, в особенности, если оно будет базироваться на прямых не функциональных выборах. Координирующий орган, требующийся для общества, не может в каком либо реальном смысле быть историческим продолжателем современного государства, и он не должен воспроизводить структуру современного государства в какой бы то ни было важной отрасли. Что этот координирующий орган не унаследует большинства функций государства, мы уже видели выше.

Новый координирующий орган не явится продолжателем современного политического механизма в обществе по двум веским причинам. Первая, ясно выраженная в современном марксистском учении и яснее всего Лениным,[2] состоит в том, что современный политический механизм представляет собой ни что иное, как орган классового господства не только потому, что он был извращен капиталистической властью, но и потому, что он базируется на принуждении и прежде всего является орудием принуждения. Его главной идеей является извне навязанный „порядок" и его невозможно пре-

[1] Например, в серии статей в „New Age" несколько лет тому назад.
[2] См. его книгу „Государство и революция".

вратить в форму, выражающую идею самоуправления и свободы. Наше согласие с Лениным в этом пункте не значит, что мы также признаем и необходимость замены капиталистического государства временным „пролетарским государством", в одинаковой мере базирующимся на принуждении (пункт, о котором говорится ниже в связи с проблемой переходного периода), но из него вытекает и тот, согласный с Лениным взгляд, что в истинно-социалистическом обществе не будет места ни для какого учреждения, являющегося продолжением современной политической машины.

Во вторых, эта политическая машина, там где она приспособилась к так называемой „политической демократии", базируется, главным образом, на ложной идее представительного правления, согласно которой один человек может представлять другого не ab hoc, т.-е. в отношении специальной цели или группы целей, но абсолютно. Это ложное понятие о представительстве мы уже заменили идеей функционального представительства.

Но нам могут возразить, что новая форма защиты государства предвидит этот довод, ибо новая „функция государства" сводится лишь к координированию и больше ни к чему. Но это утверждение не выдерживает критики, так как координирование функций не является функцией, да и не может быть ею. Либо координирование включает в себе координируемые им функции—и тогда специальная организация в целом опять попадает в полное подчинение государству и весь принцип функциональной демократии аннулируется, либо координирование не включает этих функций и тогда оно очевидно не может их координировать; другими словами, государство „представитель" либо контролирует производство и общественную службу, либо не контролирует их. Если оно контролирует, то представители в этих областях лишаются своего самоуправления, если же оно не контролирует, то оно не может регулировать взаимоотношений между ними.

Этот второй аргумент против того, чтобы новый координирующий институт явился историческим продолжением нынешней политической машины, также служит доказательством того, что в первом не будет воспроизведена в главных чертах структура последнего. Это могло бы случиться лишь в том случае, если бы новое координирующее учреждение базировалось на ложной теории о недифференцированном представительстве.

Мы можем поэтому с уверенностью предположить не только, что нынешний политический аппарат утерает свои хозяйственные и общественные функции, передавши их новым институтам, но что задача координирования этих функций также ускользнет из его рук. Таким образом, он в конце концов в значительной мере „увянет"; я могу с уверенностью

утверждать, что он совершенно исчезнет в результате фронтальной атаки или погибнет от атрофии, вследствие утраты своих жизненных сил. Возможно, что некоторые части его в первое время еще будут прозябать в качестве формальных орудий нового общества, подобно тому, как Тайный Совет и другие устаревшие пережитки, включая королевскую власть, прозябают в настоящее время, но во всяком случае, эти пережитки не будут иметь реального значения.

Мы должны, следовательно, отыскать новую форму координирующего института, которая не была бы несовместима с функциональной демократией, служащей фундаментом всей системы. Такая форма может быть только сочетанием различных функциональных институтов, сепаратную работу которых мы уже описали. Координирование приобретает неизбежно принудительный характер, если оно не есть самокоординирование, а следовательно, оно должно осуществляться путем совместной деятельности различных институтов, требующих координации.

Проблема координации имеет две различных стороны. Это, во первых, проблема координирования функциональных институтов различных типов в единую коммунальную систему, и, во вторых,—проблема координирования институтов, оперирующих в более узких пределах, с учреждениями, оперирующими в пределах более широких. Обе эти проблемы должны быть разрешены в структуре координирующей, или, как я впредь ее буду называть—коммунальной организации гильдейско-социалистического общества.

Для того, чтобы при первом обсуждении свести проблему к наивозможно простым элементам, рассмотрим ее в той форме, в какой она проявляется в отдельном городе, скажем, в Норвиче. В Норвиче будут существовать, по крайней мере, следующие учреждения, выполняющие важные социальные функции: а) известное число Промышленных Гильдий, организующих и руководящих различными отраслями промышленности и общественной службы и объединенных в Совет Гильдий, составленный из делегатов или представителей этих гильдий, б) Кооперативный Совет, в) Совет Предприятий Общественного Пользования, г) известное число Гильдий, организующих и руководящих различными гражданскими службами,—Гражданские Гильдии, д) Культурный Совет и е) Санитарно-Медицинский Совет.

Все эти учреждения, конечно, имеют право, хотя и не обязательно в одинаковой пропорции, быть представленными в коммунальном институте, который я впредь буду называть просто Комуной. Я не имею намерения детально устанавливать в этом представительстве цифровые соотношения, но можно заранее сказать, что число представителей от промышленных гильдий, которые могут быть избраны или непосредственно каждой гильдией, или через посредство Совета Гильдий будет приблизительно равно числу представителей от Кооперативного Совета и Совета Предприятий Общественного Пользования взятых вместе, а число представителей от гражданских гильдий будет равно числу представителей от Культурного и Санитарно-Медицинского Советов, взятых вместе. Что же касается пропорции между производственными и непроизводственными группами, то она несомненно будет изменяться от случая к случаю.

Состав Комиуны, однако, не исчерпывается названными учреждениями. При некоторых обстоятельствах могут оказаться на лицо специальные организации, которым нужно будет ввиду их значения для города дать представительство. Да и кроме того, город в целом не может рассматриваться, как недифференцированная единица. При выборах своих представителей в четыре вышеупомянутых совета граждане, если город более или менее крупный, почти наверное будут голосовать по кварталам, и каждый член какого нибудь Совета будет заседать в нем в качестве представителя квартала по данной выполняемой им специальной функции. Чтобы представительство носило реальный характер, важно, чтобы квартал был не просто лишь избирательным округом, в котором производятся различного рода выборы, но также и активным центром, выражающим местное общественное мнение, которое для успешного своего проявления должно выявиться уже в мельчайших естественных общественных ячейках. И, действительно, в сфере потребительской и гражданской организации, квартал в городе и деревни вне города являются естественными эквивалентами фабрики в области промышленности или школы в сфере воспитания. Таким образом, кварталы взятого нами города Норвича должны обладать реальным существованием, и квартальные представители должны регулярно делать доклады и получать инструкции от квартальных собраний, в которых должны участвовать все жители квартала, заинтересованные в ходе данного дела. Квартальное собрание должно, следовательно, пользоваться в указываемых ниже пределах правом отозвания из всех советов квартального представителя. Оно же, особенно в более крупных городах, будет отправлять некоторые административные функции, которые осуществляются лучше всего в границах небольшой площади, и выполнять их или на пленарном квартальном собрании, или путем назначения специально для каждого случая (чаще всего временных) комиссий или чиновников. В крупном центре, где функции кварталов расширяются, могут быть образованы постоянные квартальные комитеты, и было бы желательным, чтобы эти квартальные комитеты имели непосредственное представительство в отно-

шения своих функций в городской коммуне.[1] В таких случаях эти представители образуют третью группу, которая будет отличаться от представителей как гильдий, так и Совета.

Изложивши в главных чертах структуру норвической коммуны, попытаемся ближе рассмотреть, какую работу она должна будет выполнять. То, что мы здесь скажем, должно быть применимо с небольшими изменениями и к другим типам коммуны, описанным ниже. Главным образом, она будет конечно, не административным, а координирующим учреждением. Различные профессии будут руководиться своими гильдиями, и их направление будет определяться сотрудничеством гильдий и соответствующих Гражданских Советов. На долю самой Коммуны останется выполнение пяти задач. Во первых, она должна будет распределить с общего согласия местные финансовые ресурсы между различными службами, требующими ассигнований, т. е. она будет иметь важные финансовые функции и будет являться финансовым стержнем всей гильдейской системы в данной области. Во вторых, она будет выполнять функции апелляционного суда во всех случаях разногласия между функциональными учреждениями различных типов. Так, напр. в случае, если кооперативное общество не сможет поладить в каком нибудь пункте с гильдиями, работающими в области „домашнего" производства и распределения, то Коммуна должна будет заслушать дело и вынести свое решение. В третьих, она должна будет проводить разграничительные линии между различными функциональными учреждениями, если подымется спорный вопрос этой области.[2] В четвертых, она сама будет брать на себя инициативу в вопросах, касающихся города, как напр. в вопросе о расширении городских границ или о постройке нового городского зала. Первоначальный толчек будет, вероятно, исходить от функциональных учреждений или от квартала, но решение по этим вопросам будет принимать сама городская Коммуна. В пятых, до тех пор, пока будет продолжать существовать принудительный аппарат, вроде полиции, им должно управлять не одно какое либо функциональное учреждение, а все вместе, т. е. Коммуна. Это относится также, как мы увидим ниже, и к законодательной области. Коммуна может решить, что было бы целесообразно

[1] Я предполагаю, что выборы различных представителей Совета должны производиться голосованием кварталов, но что эти представители кварталов должны избираться или квартальным комитетом, или квартальным собранием из числа членов квартального комитета. Однообразная система выборов, однако, не необходима.

[2] Я не думаю, впрочем, что в случае если две гильдии не поладят между собой, то конфликт должна будет разрешать Коммуна. Конфликт будет передан Совету Гильдий. Но если Совету Гильдий не удастся разрешить его, то даже такого рода спор сможет быть передан на решение Коммуны.

передать по мере возможности административные функции, входящие в ее сферу, кварталам, дабы сохранить наиболее прямую форму народного контроля. Так напр., я предпочел бы, чтобы полицейских назначали и ими руководили бы кварталы, т. е. чтобы в этом отношении возвратились к временам городских и деревенских констеблей.

Раньше, чем попытаться рассмотрет более детально эти функции, дополним наше обозрение коммунальной структуры, применив к другим территориальным единицам те принципы, которые мы сейчас иллюстрировали на примере города. Во первых, посмотрим, в общих чертах, каковы будут соответствующие формы организации в селе. Кварталу соответствует деревня, но так как она нуждается в более широких административных полномочиях, вследствие ее более самодовлеющего характера, то она будет иметь свое деревенское собрание и, в большинстве случаев, свой деревенский комитет. Детально разработанных форм представительства не потребуется, так как все граждане смогут в значительной степени вести свои дела непосредственно.

Помимо выполнения роли самой мелкой административной единицы в сельских местностях, деревня будет вместе с тем служить избирательной единицей для организации следующей ступени сельского управления. Эту ступень мы назовем „городской" ступени в организации города. Это—группа деревень или местечек разной величины в разных местах, но всегда превышающая по своим размерам нынешний приход и уступающая большинству ныне существующих административных графств. Она не будет включать в себя более крупные города, попадающие в занятую ею территорию[1] и таким образом будет носить преимущественно сельский и административный характер. Здесь также будет существовать коммуна—на этот раз Коммуна Городского Округа и основы представительства в ней будут те же, что и в городе. Кроме того, что деревня заменит собой квартал, различные группы, промышленные гильдии, гражданские гильдии, кооперативные общества, Совет Предприятий Общественного Пользования, Культурный Совет, Санитарно-Медицинский Совет—будут повторяться, хотя их относительное значение может быть различным, и они будут представлены в Коммуне Городского Округа. Но бок о бок с ними будет существовать другая организация, имеющая огромное значение в селе—Сельскохозяйственная Гильдия. Об этом учреждении, которое будет описано ниже, я сейчас только скажу, что оно,

[1] Я предполагаю, что большинство нынешних „городских участков" будут признаны городами. Более мелкие полугородские центры будут очевидно затем деревнями и войдут в состав „городского округа".

вероятно, совместит для земледельческого населения функции производственной организации с функциями кооперативного общества. Оно будет непосредственно и сильно представлено в Комитете Городского Округа.

При рассмотрении более широких административных территорий сразу же возникают новые проблемы. Один из главных дефектов нашей нынешней системы управления состоит в том, что, не признавая промежуточной администрации между графством и государством, она не в состоянии осуществить успешное управление такими службами, как электрические станции и железнодорожный транспорт, которые требуют коллективной работы в пределах большой территории и координирования города и села в единую административную систему. Эти потребности могут быть осуществлены лишь созданием областных организаций и, не вдаваясь здесь всех доводов в защиту областной системы, я лишь выставляю положение, что гильдейский строй, приспособляясь к очевидным потребностям общества, признает необходимым строить свою организацию на областной основе.[1] Для того, чтобы сделать понятным дальнейшее изложение, необходимо кратко определить что я понимаю под словом „область".

Я полагаю, что Англия, например, естественно распадается на известное число территорий, являющихся центрами экономической жизни и в то же время имеющих общие социальные перспективы и общие административные проблемы. Эти области неодинаковы по своим размерам, по количеству населения и по своим богатствам, но ни одна из них, за исключением, быть может, территории Лондона, не слишком велика и не слишком мала для успешного управления производством — задачи, оказывающейся непосильной для нынешнего местного самоуправления. В качестве примеров, можно привести следующие области:

1) Северо-восток (Нортумберланд, Дургам и Кливлендский округ Йоркшира), 2) западный округ Йоркшира (за исключением Шеффильдского района, входящего в состав отдельной группы) вместе с Северным округом (за исключением Кливлэнда) и Восточным округом, 3) Девоншир и Корнуэль, 4) Восточные графства, 5) Юго-Восток (Глостер, Сомерсет, Герфорд, Уальтшир).

Это лишь приблизительные примеры, приведенные для иллюстрации. Я не утверждаю, что областная граница будет всегда совпадать с границами графств, несмотря на то, что это будет представлять большое удобство.[2]

---

[1] Доводы в защиту областничества приведены вкратце в моей книге „Социальная Теория" гл. X, и я излагаю ее детально в связи с гильдейской идеей в имеющей выйти в свет книге „Реорганизация местного управления".

[2] См. детальное изложение вопроса, с которым я в значительной мере, хотя и не вполне, согласен, в прекрасной книге г. Фаусета „Английские провинции".

Каждая область будет представлять собой комплекс города и села и для областной коммуны надо будет особенно учесть это обстоятельство. Прежде всего, областная Коммуна должна будет обеспечить непосредственное представительство всем функциональным институтам, находящимся в данной области. Форма этого представительства со стороны гильдий достаточно ясна, ибо гильдии, промышленные, земледельческие или гражданские, будут иметь свое собственное областное представительство, и представители гильдий в областной коммуне будут избираться из их среды. Но мы до сих пор ничего не сказали об областной организации потребителей и граждан, которая явно должна находиться в соответствии с областными гильдиями и выражать точку зрения потребителей или граждан в отношении областных производств.

Ясно, следовательно, что должны существовать областные кооперативные общества или союзы. Областные Советы Предприятий Общественного Пользования, а также Областные Культурные Советы и Санитарно-Медицинские Советы. Эти учреждения, по моему мнению, лучше всего образовать из представителей различных местных функциональных Советов, городов и „городских округов", существующих в пределах области. Это, правда, предполагает применение косвенных выборов, против которых возражают многие профессиональные демократы, но я совершенно не верю в блага непосредственных выборов, за исключением тех случаев, когда между избирателями и их представителем поддерживается постоянный контакт. Так, прямые выборы хороши в деревне или квартале, потому что там все избиратели могут встречаться со своим представителем, задавать ему вопросы и знакомить его со своими пожеланиями, но прямые выборы превращаются в фарс в применении к парламентскому представительству, при котором избирательные округа слишком велики для того, чтобы избранное лицо могло сохранить реальную связь с теми, кто избрал его. Единственным спасением для избирателя является сохранение демократизма в его наиболее совершенной форме, т. е. включая и право отозвания, в небольших ячейках, в пределах которых возможен реальный контакт. Избиратель будет опираться на этот контакт и на право отозвания для проведения народной воли и в более широких учреждениях. Эти более широкие учреждения лучше всего образовывать из делегатов от учреждений, работающих в пределах менее обширных территорий, при условии, чтобы эти делегаты сами находились в постоянном контакте с учреждениями, избравшими их, более узкими единицами и чтобы они подчинялись праву этих последних на отозвании их во всякое время.

Любопытно, что те лица, которые считают себя лучшими защитниками „демократии" и вследствие этого наиболее

яростно выступают против косвенных выборов, часто с такой же настойчивостью выступают и против права отозвания. Мне кажется, что при праве отозвания, являющемся существеннейшей гарантией демократизма, вопрос о прямых или косвенных выборах в значительной мере сводится к вопросу об удобстве, без права же отозвания косвенные выборы и по моему мнению, представляют собой отрицательное явление. Важно, поэтому, ясно определить, что подразумевается в связи с этим под правом отозвания, ибо если А избран определенным кварталом, как представитель в Норвичский Санитарно-Медицинский Совет и послан этим вторым учреждением в качестве представителя в Восточно-Английский Областной Санитарно-Медицинский Совет, то возникает вопрос, какое учреждение имеет право отозвать А, если оно не одобряет его действий. Ясно, что Норвичский Совет имеет право отозвать его из Областного Совета, но имеет ли право квартал, отзывая его из Норвичского Совета, косвенно отозвать его также и из Областного Совета? Я должен ответить отрицательно, ибо в Областном Совете А представлял не квартал, а Норвич. Лучше всего был бы, мне кажется, следующий исход. Как только А избран Норвичским Санитарно-Медицинским Советом в члены Областного Совета, квартал, представителем которого он является, должен получить право избрать депутата-заместителя, который будет исполнять депутатские функции, пока А будет занят на более высоком посту. Этого депутата-заместителя квартал будет иметь право отозвать, если найдет это нужным, но А может быть отозван только лишь Норвичским Санитарно-Медицинским Советом. Когда, однако, окончится срок, на который он был избран кварталом, то он должен будет возвратиться обратно в квартал для того, чтобы быть переизбранным раньше, чем он получит право вновь быть назначенным в Областной Совет. По-моему, это правильный и достаточно легкий выход из затруднения.

Мы уже имеем, следовательно, представление о составе Областной Коммуны. В существенных чертах здесь повторяется структура более мелких, описанных выше коммун, но она отличается от них тем, что объединяет вместе город и село. Поэтому, вместо представителей от кварталов или деревень, представители более мелких местных институтов, находящихся в ее пределах, избираются из состава Городских Коммун и Коммун Городских Округов.

Таким образом, на ряду с представителями более мелких городских и сельских территориальных управлений, находящихся в пределах Областной Коммуны у нас будут иметься представители Гильдий,—Промышленной, Сельско-хозяйственной и Гражданской—потребительских организаций, Кооперативной гильдии и гильдии Предприятий Общественного Пользования, Советов Культурного и Санитарно-Медицинского и, быть может, одного или двух других учреждений, имеющих особо важное значение в жизни области.

Придерживаясь принятой нами терминологии, можно сказать, что все вышеупомянутые Коммуны будут считаться органами местного самоуправления. В данном случае, однако, мы должны провести резкую грань между Местным и Центральным правительством. В децентрализованном Гильдейском обществе, о котором мы говорим, не будет существовать такого резкого различия, ибо крупнейшая часть общественной работы будет выполняться и руководиться в местном и областном масштабе, и центральная работа будет разделена сообразно разным функциям между значительным числом различных организаций. Не будет, следовательно, ни потребностей, ни возможности образования такого центра, вокруг которого вырос бы обширный бюрократический принудительный аппарат. Национальный координирующий аппарат гильдейского общества в главных чертах будет не похож на современное государство и будет выполнять немногие, чисто административные функции. Он будет, главным образом, источником, дающим немногие основные решения по вопросам о разграничении компетенции функциональных учреждений и по другим подобным делам, равно как и выносящим окончательные решения по кассационным жалобам в случае конфликтов, но он не будет обладать собственным большим механизмом, хотя пока будет существовать необходимость в военных и морских силах, он будет непосредственно управлять этими силами, являющимися последним средством заставить повиноваться закону. Внешние сношения, поскольку они не касаются исключительно вопросов, входящих в сферу компетенции экономических или гражданских учреждений, также будут делом обще-национального аппарата, но победа демократии в других странах сведет постепенно эти нефункциональные внешние сношения к минимуму.[1] Существование национальных функциональных организаций, базирующихся на местных и областных учреждениях во всех разнообразных сферах социальной работы, „функционализирует" национальные формы деятельности на ряду с местными и областными.

Таким образом, в состав Национальной Коммуны войдут представители Национальной Гильдии, Сельско-хозяйственной Промышленной и Гражданской, Национальных Советов, Экономических и Гражданских Советов, а также представители самих Областных Коммун. Общая ее структура будет, следовательно, в главных чертах та же, что и более мелких

[1] См. более детальное обсуждение этого вопроса в заключительной главе.

Коммун, координирование которых между собой на ряду с национальными функциональными учреждениями и будет составлять главную ее задачу. Она будет гораздо менее импонирующим учреждением, в качестве центрального органа общества, чем великий современный Левиафан с его колоссальным принудительным аппаратом и бюрократическим управлением. Но от этого она не ухудшится, ибо там, где свободнее всего проявляется дух общественности, там менее всего дает себя чувствовать механизм центрального правительства.

Я вполне признаю, что предыдущее описание может показаться весьма формальным и догматическим и кроме того слишком точным для того, чтобы вполне соответствовать будущей действительности. Я вполне это допускаю, так как я описываю типичную, а не действительную структуру и если даже на практике гильдейская система будет принята целиком, несомненно будут иметь место всякого рода отступления от теоретического типа. Однако, для того, чтобы ясно представить себе направление, в котором гильдейская система действительно будет работать, необходимо изложить в главных чертах ее структуру с несколько неприятной точностью. Это не вредно и очень помогает аргументации, если только те, которые пользуются этим методом, ясно сознают, что такая структура только выставляется в качестве желательного типа и никогда не может осуществиться точно в той форме, в какой они ее себе представляют. Человеческие учреждения не развиваются в точном соответствии с правилами логики, и если их развитие в значительной степени может направляться человеческой волей, то точные формы социальных изменений определяются в большей мере случайными историческими обстоятельствами. Так будет, если даже гильдейцы получат возможность полностью провести свою программу, но гораздо более вероятно, что будущее общество явится результатом различных влияний и в своей структуре не воплотит ни одной теоретической системы целиком, а осуществит части многих и притом борющихся между собой систем. Да и нет причины, заставляющей нас желать другого.

ГЛАВА VIII

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОММУНЫ

В предыдущей главе мы, считаясь с недостатком места, вкратце описали коммунальную структуру гильдейского социалистического общества, как местную, так и областную и национальную. Теперь мы должны попытаться показать это общество в работе и ответить на вопрос о том, каким образом будут разрешаться некоторые из основных проблем социальной связи. В нашем описании главные функции различных коммун распадались на пять групп, и, пожалуй, лучше всего будет применять и дальше этот прием.

Итак, мы должны рассмотреть функционирование коммунального общества при гильдейской системе в отношении следующих пяти групп проблем:

а) финансовые проблемы, в особенности распределение национальных ресурсов, снабжение капиталом и до известной степени, регулирование доходов и цен;

б) разногласия, возникающие между функциональными учреждениями по вопросам об общем направлении их деятельности;

в) конституционные вопросы, касающиеся разграничения деятельности между функциональными учреждениями;

г) вопросы, не входящие в компетенцию какого-либо функционального органа власти, включая общие вопросы внешних сношений;

д) функции принуждения.

Эти пять групп распадаются в главных чертах на две более широкие группировки. Первые три включают вопросы координирования в более узком смысле слова, две же последние представляют собой вопросы, которые сами по себе не носят координирующего характера и естественно выпадают на долю того учреждения, которое выполняет функцию координирования.

Обсуждая содержание первых трех групп, мы должны все время помнить, что все те различные функции, деятельность которых они координируют, выполняются в полной мере различными функциональными учреждениями, работающими

в тесном и постоянном сотрудничестве при уже изложенных нами условиях. Поэтому функции эти вызывают важные административные акты со стороны самой коммуны, так как она передаст свои решения для исполнения упомянутым функциональным институтам. Для пояснения своей мысли, я скажу, что нынешняя аморфная и распухшая гражданская служба, поскольку она вообще останется, в большинстве случаев не будет действовать как прямой аппарат Коммуны и функции ее будут распределены между различными гильдиями и Советами. То же самое случится и с органами местного самоуправления, да впрочем и весь почти современный механизм будет разрушен и реорганизован в связи с возникновением различных функциональных ассоциаций. Каждый из последних, как и сами Коммуны, будет нуждаться в собственной небольшой „Гражданской Службе", точно так же, как и в настоящее время каждый тред-юнион или предпринимательская ассоциация имеет свой штаб администраторов и конторщиков. Но число лиц, занятых на этих должностях, в сравнении с производительной частью населения будет очень сильно уменьшено, благодаря уничтожению капитализма, ибо в чрезмерном увеличении числа лиц, занятых непроизводительным трудом, виноват главным образом институт частной собственности.

Лучше всего мы ознакомимся с первой группой проблем, если мы сначала рассмотрим, в виде примера, один какой-либо товар и отсюда перейдем к более сложным вопросам. Распределительная Гильдия распределяет молоко, полученное ею допустим, от Сельско-хозяйственной Гильдии. Кооперативное Общество разрешает молочный вопрос с потребительской точки зрения. Сосредоточим сейчас наше внимание на цене, по которой продается молоко, оставляя в стороне другие вопросы, которые могут возникнуть в связи с этим. Как определяется цена? Надо думать, что Распределительная Гильдия, основывающая свои расчеты на цене, которую она платит Сельско-хозяйственной Гильдии, и на собственных издержках распределения, предложит цену на рассмотрение Кооперативного Общества. Если обе эти организации приходят к соглашению, то установленная ими цена становится действительной продажной ценою, при чем в дальнейшем вопросы о ней уже не возбуждаются. Но если эти организации не пришли к соглашению, то вопрос должен перейти на рассмотрение и окончательное решение Коммуны (местной, областной или национальной, в зависимости от случая). Однако, по всей вероятности, раньше чем будет достигнуто полное соглашение, будет выдвинуто много соображений за и против. Если Кооперативное Общество согласно с оценкою издержек распределения Производственной и Распределительной Гильдией, но вместе с тем считает, что цена, уплачиваемая Сельско-хозяйственной Гильдии, слишком высока, то оно может одно

или вместе с Распределительной Гильдией вступить в непосредственные переговоры по этому вопросу с Сельско-хозяйственной Гильдией, и в случае недостижения соглашения, передать дело Коммуне. Распределительная Гильдия может так же, как указано, сама начать переговоры с Сельско-хозяйственной Гильдией, но в этом случае вопрос, сводящийся к конфликту между двумя гильдиями, должен будет, если Сельско-хозяйственная Гильдия принадлежит к Конгрессу Промышленных гильдий,—перейти на рассмотрение этого последнего учреждения, а не Коммуны. При том или другом способе будет установлена такая цена на молоко, которая удовлетворяет чувству общественной справедливости („справедливая цена").

Таков, по нашему мнению, будет нормальный метод определения цен в гильдейском обществе.

При этом могут, однако, возникнуть дальнейшие вопросы общественного характера. Так, по мотивам общественного характера может быть признано желательным продавать тот или другой товар по цене, более высокой или менее высокой, чем издержки производства. Всякое такое решение должно будет перейти на рассмотрение коммуны, которая установит, как распределить полученную таким путем прибавочную стоимость или как покрыть убытки. Это фактически—гильдейский „акциз" или его противоположность. Вопрос о ценах приводит нас, однако, к гораздо более важной проблеме—к проблеме „капитала". Чаще всего гильдейских социалистов спрашивают, как вообще будут финансироваться в гильдейском обществе промышленность и общественные службы, ибо ясно, что это не будет совершаться посредством нынешних методов, сводящихся или к действительному „сбережению" за счет доходов, или к кредитованию капиталистического предприятия финансистами. Для того, чтобы правильно понять этот пункт, необходимо иметь в виду, что всякое добавление к капиталу обозначает, что часть производительного труда и известное количество сырья употребляются не для производства конечных продуктов и не для непосредственного обслуживания, но для производства таких продуктов и оказания таких услуг, которые необходимы для целей дальнейшего производства. Если я трачу тысячу фунтов стерлингов на ужины в первоклассном отеле, я потребляю продукт, на который употреблено такое-то количество труда; если же я трачу такую же сумму на оборудование фабрики, то я этим самым добавляю ее к „капиталу", необходимому для будущего производства.

Это, однако, далеко не значит, что чем большую пропорцию рабочей силы общество вкладывает в производство „капитала", тем большим благосостоянием пользуются его члены; во все времена, в зависимости от различных сообра-

жений, для общества важно сохранять равновесие между производством для непосредственного потребления и производством для дальнейшего производства. И это равновесие должно быть установлено всем обществом в интересах социального целого, рассматриваемого во всех его видах и функциях. Вопрос этот касается не одних только экономических организаций т.-е. производственных и потребительских гильдий, ибо он столь же сильно затрагивает интересы и общественных профессий. Если на производственные службы истратится больше средств, то их останется меньше для расходов на дело просвещения, которое нуждается в суммах для оплаты учителей, в рабочей силе для постройки зданий, в книгах и в других видах снабжения.

Поэтому распределение коммунальных производственных рессурсов является делом Коммуны, как целого. Коммуна, местная, областная или обще-национальная, в зависимости от случая, должна будет решать вопрос, сколько нужно отчислять отраслям промышленности, производящим продукты непосредственного потребления, сколько ассигновать на образование „капитала" и сколько уделить профессиям непосредственного характера, а также, в частности, и о том, сколько уделить каждой отрасли производства и каждой профессии. Не важно, будут ли ассигнуемые рессурсы выражаться в деньгах или в других формах, ибо они будут, главным образом, выражаться в сырье и рабочей силе, т.-е. будут ассигновками человеческой производственной силы.

Каков же будет метод, по которому Коммуна будет производить это распределение. Каждая гильдия, хозяйственная или гражданская, приготовит свой бюджет и представит смету своих требований на товары непосредственного потребления, на общественное обслуживание разного рода и на расширение и улучшение своего производства. При составлении этих бюджетов гильдии будут, очевидно, советоваться между собою. Эти бюджеты будут представлены различным Советам производителей или граждан, и Советы будут иметь возможность подвергать их критике, вносить поправки или вставлять свои собственные требования. Во всяком случае, все эти бюджеты со всеми предложенными поправками и требованиями перейдут на рассмотрение Коммуны или, по всей вероятности, в первой инстанции на рассмотрение ее Финансовой Комиссии, с ее штабом статистиков-специалистов. Различные бюджеты будут в этой Комиссии приведены в соответствие с вычисленным национальным производством и, после того как все необходимые дальнейшие переговоры будут закончены, бюджет, в законченном виде, предстанет перед Коммуной для ратификации. В него будут включены также и расходы самой Коммуны на администрацию и пр., которые будут покрываться самими гильдиями в форме обложения у первоисточника.

Таким образом распределение коммунальной рабочей силы и снабжение капиталом, вот вопросы, непосредственно регулируемые Коммуною. Их разрешение не будет, как теперь, предоставлено слепой игре экономических сил и махинациям финансистов. Впервые появится урегулированный баланс между „сбережениями и тратами" и мотивированная помощь различным общественным профессиям, в соответствии со степенью их общественной полезности. И все это будет проведено благодаря методу действительного самоуправления, при чем каждая общественная профессия будет иметь полную возможность выдвинуть свою точку зрения и принять участие в коммунальном решении. Это распределение будет происходить в местном и областном масштабе, в отношении местных и областных служб, равно как и в обще-национальном масштабе.

Бюджеты гильдий будут несомненно заключать в себе, как мы видели в одной из предыдущих глав, также и сметы заработной платы для их членов, и, таким образом, все вопросы о доходах войдут в компетенцию Коммуны, которая сможет подвергнуть их полезной критике. Более того, в задачи Коммуны будет входить определение дохода, который надо будет представить тем слоям населения, которые не получают никаких доходов непосредственно от каких-либо функциональных учреждений. Все формы снабжения из коммунального фонда будут определяться Коммуной.

Гильдейская система располагает, таким образом, очень удобным и подвижным орудием для налогового обложения. Она не облагает отдельной личности, за исключением быть может, чрезвычайных случаев, когда речь идет о предприятиях, существующих вне гильдейской системы. Она облагает у первоисточника и извлекает утвержденные Коммуною суммы из гильдейских фондов рабочей силы. Кроме того, после того, как Коммуной будут урегулированы оплата труда членов гильдий и установлены взносы в фонд „капитала", вся-кая прибавочная стоимость, реализованная гильдией в продолжение года работы, перейдет в руки Коммуны для специальных ассигновок или для удовлетворения требований, предъявляемых коммунальными службами к производственным гильдиям, как к целому.

Я позволю себе еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что на практике большая часть всей этой детальной финансовой работы будет производиться не всей Коммуной, а непосредственно различными функциональными учреждениями и по совещании с ними. На рассмотрение Коммуны, обычно, будут передаваться лишь требующие решения спорные вопросы, и общие принципиальные вопросы.

Раньше чем покончить с финансовым вопросом, необходимо добавить, что независимо от того, будет ли Конгресс

гильдий иметь собственные банки, или нет, из вышесказанного следует, что вопрос о кредите будет подлежать контролю Коммуны и что гильдии смогут работать лишь в разрешенных ею рамках. В ином случае равновесие между „сбережениями" и „тратами", а также между различными общественными службами немедленно будет нарушено и опять откроется дверь для инфляции и дефляции в новых формах. Коммуна будет, конечно, контролировать денежное обращение, и общая банковая система будет также коммунальной.

Здесь мы подходим ко второй группе проблем—к проблемам, касающимся разрешения разногласий между функциональными группами по вопросам об общем направлении дела.

На этом пункте нет нужды долго останавливаться, ибо процедура в данном случае будет в главных чертах такая же, как и в отношении разногласий, касающихся вопроса о ценах или об издержках производства. В таких случаях сначала будут стараться прийти к соглашению путем прямых переговоров между заинтересованными учреждениями, и вопрос перейдет на рассмотрение Коммуны (местной, областной или национальной), лишь после того, как все попытки непосредственного его разрешения потерпели неудачу. Кроме того спорный вопрос, возникающий между двумя учреждениями одного и того же типа—между двумя гильдиями, напр.,—будет рассматриваться,—в случае, если не удастся достигнуть непосредственного соглашения между ними,—не Коммуной, а более широким учреждением, включающим обе заинтересованные организации. В данном случае таким учреждением явится Совет Гильдий или Гильдейский Конгресс. Коммуны, таким образом, будут вмешиваться в эту сферу лишь в исключительных случаях. И тогда они, вероятно, будут осуществлять эти функции, как правило, через посредство специальных комиссий с участием экспертов. Представляется вероятным, что и вообще большая часть детализированных функций Коммуны будет выполняться комиссиями, в роде тех, которые существуют в настоящее время в органах местного самоуправления. Напомним, что Ф. У. Джоуэт, в течение долгого времени, безуспешно добивался того, чтобы и парламент усвоил такой же метод.

Третья группа проблем—конституционные вопросы о разграничении сфер компетенции между различными функциональными Институтами, хотя и напоминает до известной степени предыдущую группу, вызывает гораздо более существенные вопросы, ибо она включает в себя всю проблему конституционного права в обществе, организованном на функциональных основах. Ясно, что учреждением, которое будет издавать конституционные законы, определяющие сферы компетенции различных функциональных Институтов,—явится Коммуна. Некоторые из этих законов будут, несомненно, при-

меняться в областном или местном масштабе; но мы можем взять Национальную Коммуну в качестве типичного Института, выполняющего эту задачу. Законы будут, следовательно, издаваться Национальной Коммуной и, возможно, будут изложены в виде писаной конституции; Национальная Коммуна будет в то же время и тем учреждением, которому принадлежит право изменять законы. Она представляет собою Учредительное Собрание и законодательное собрание гильдейской демократии.

Неизбежно, однако, будут возникать споры относительно смысла и толкования этих законов в отдельных случаях, как по имеющим крупное значение общим вопросам относительно полномочий и функций, так и по вопросам, совершенно второстепенным. Для разрешения всех этих вопросов придется пользоваться судебной системой, причем представляется очевидным, что эта судебная система должна быть подчинена непосредственно Коммуне. Юридическая профессия будет иметь свою гильдию и будет пользоваться сильно развитым внутренним самоуправлением; но судьи будут назначаться из числа наиболее квалифицированных членов цеха Коммуной. Эти судьи будут разбирать обычные конституционные дела; Национальная Коммуна будет уполномочена не только на издание законов, но также, во всех тех случаях, когда толкование их возбуждает разногласия, на истолкование закона, которое должно иметь обязательную силу для судей. Эта задача естественно выпадет на долю специальной Конституционной Комиссии Национальной Коммуны, решения которой будут подлежать утверждению Национальной Коммуны.

Я говорю сейчас не о всем кодексе законов, но о законах, имеющих отношение к вопросам конституции. Ясно, однако, что правовая и судебная система в целом будет организована соответственно принципам внутреннего самоуправления. Для юридического цеха назначаться судьи будут Коммуной (национальной или областной), и для судей коммунальные законы будут обязательны. В известном смысле гильдии и другие функциональные институты также будут законодательствовать, в том виде, в каком законодательствуют местные органы управления,—т. е. путем издания обязательных постановлений; но они смогут издавать эти постановления в пределах указанных Коммунальной Конституцией, и я полагаю, что закон, изданный функциональным учреждением и включающий элемент принуждения, получит обязательную силу в коммунальных судах лишь после того, как он будет ратифицирован Коммуной, за исключением тех случаев, когда право принуждения было предоставлено функциональному Институту специальным конституционным законом Коммуны. Параллельное функционирование ряда различных юридических систем приведет к невозможному положению, и поэтому судебная

система должна быть единой и составляет часть структуры самой Коммуны.

То, что я говорил о судьях и юридической гильдии применимо лишь к высшим судебным учреждениям. Что же касается общих судебных учреждений, то в виду того, что в демократическом обществе не будет места классовым различиям, я высказался бы за сохранение института мировых судей, назначаемых местной Коммуной. За каждым юристом должно быть также сохранено право выступать в качестве защитника в таких судах и всякие юридические формальности в этих последних должны будут сводиться к минимуму. В обществе, в котором не будет существовать частной собственности и вызываемых ею конфликтов, такой порядок не может привести к беспорядку, который при упрощенном судопроизводстве возможен в настоящее время.

Четвертая группа вопросов касается совершенно иной сферы; здесь дело идет не о координирующей деятельности коммун, но о положительных задачах, выпадающих на их долю и не входящих в сферу ни одного из функциональных учреждений. Эти задачи трояко рода. Во-первых, имеются такого рода задачи, которые по самой своей природе должны разрешаться учреждением, выполняющим функции координирования. До тех пор, пока остается опасность войны, право объявления войны и заключения мира должно принадлежать коммуне, а это в свою очередь предполагает сохранение в ее руках непосредственного контроля над вооруженными силами, пока они будут продолжать существовать. Армия и флот будут без сомнения организованы по образцу гильдий и можно надеяться, что по крайней мере, армия будет не постоянной организацией, в которой солдаты отдают все свое время военному делу, а армией граждан-добровольцев, продолжающих заниматься своими профессиями и уделяющих изучению военного дела лишь часть своего времени. Такая армия сможет, в значительной мере, управляться местными и областными коммунами, и она, несомненно, не будет проявлять особенно острого желания воевать. Всестороннее обсуждение этого вопроса завело бы нас, однако, слишком далеко.

Предоставление коммунам права объявления войны и заключения мира не значит, конечно, что все руководство внешними сношениями войдет в сферу их компетенции. Так, например, внешняя торговля и коммерческие сношения с другими странами будут руководиться гильдиями, работающими в тесном единении с экономическими советами потребителей. Международные сношения в области общественных профессий войдут опять-таки в сферу компетенции гражданских гильдий и советов. Ясно, однако, что в случае различия во взглядах между заинтересованными функциональными учреждениями, всякий вопрос международной экономической или

гражданской политики может быть передан на рассмотрение коммуны и вопросы смешанных экономических, культурных и политических отношений обычно будут передаваться ей. Национальная коммуна будет, таким образом, высшим представителем нации для заграницы, но благодаря ее организационному строению экономическим и гражданским учреждениям будет обеспечено представительство в посольствах и дипломатических миссиях. Консульская служба, вероятно, превратится или в гильдейскую организацию или в учреждение, очень тесно связанное с гильдиями. Некоторые гильдии специального характера будут, несомненно, также часто иметь своих собственных представителей и торговые агентства за границей.

Второй вид задач, относящихся к нашей четвертой группе, имеет дело с вопросами, касающимися или территории коммуны, как целого, или распределения территорий внутри ее пределов. Лучшими примерами для этого типа проблем являются территориальные вопросы о границах и колониальных владениях, если последние будут продолжать существовать, а также вопросы о границах и изменениях их в применении к областям, городам и городским округам. Вопросы эти, несомненно, сильно затрагивают интересы коммуны в ее целом и все ее функциональные учреждения в отдельности. Коммуна, следовательно, является тем учреждением, которое должно регулировать эти вопросы.

Третья задача, входящая в четвертую группу, возбуждает более сложные вопросы. Как всесторонне ни развилась бы функциональная организация общества, все же останутся вопросы, не входящие в компетенцию какого бы то ни было функционального института, но и не вызывающие необходимости создавать для них особую функциональную организацию. Эти вопросы коммуны либо передают на усмотрение соответствующего функционального учреждения, либо, если это окажется невозможным, сами возьмутся за их регулирование. Впрочем, если создание отдельного функционального учреждения для специальной цели станет желательным, коммуны смогут создать такой институт или в национальном или в меньшем масштабе. По всей вероятности метод, посредством которого коммуны будут управлять подобными службами, выразится в образовании специальных комиссий, представляющих различные точки зрения всех заинтересованных сторон. Эти комиссии могут сыграть роль основного ядра, если в позднейшей стадии окажется необходимым создать полную функциональную организацию.

Трудно дать конкретные примеры вопросов, о которых здесь идет речь; намеченные нами мероприятия имеют в виду как раз непредвиденные обстоятельства.

Существует, однако, одна сфера социальной жизни, к которой этот пункт имеет специальное отношение. В нашем проекте коммунальной структуры гильдейского общества не предусмотрена необходимость создания специального учреждения для руководства всей сферой личных и частных отношений, т.-е. вопросов личного поведения и отношений, вытекающих из личной собственности. Это объясняется в значительной мере тем, что по моему мнению эти вопросы подлежат возможно меньшему регулированию, если не считать воздействия общественного мнения, и что необходимость в соответствующих законах будет гораздо менее чувствоваться в демократическом обществе. Но указанные проблемы все же будут существовать и до известной степени их придется регулировать. С этой целью можно создать специальные учреждения в городах, „городских округах" и областях, а также и в стране, как едином целом, на тех же основаниях, на каких создания были различные функциональные советы потребителей - граждан, или функция регулирования может быть возложена, что по моему мнению будет даже лучше, на комитеты, которые в данном случае будут действовать через посредство специальных комиссий, назначенных для этой цели и включающих представителей как от различных функциональных ассоциаций, так и от различного рода добровольческих ассоциаций, существующих в данном обществе. Возможно даже, что парламентская машина, избавленная от своих экономических и общественных функций, сможет быть приспособлена для разрешения подобных вопросов, которые в качестве исторического пережитка останутся в ее руках. Коммунальное управление будет, однако, стремиться свести к минимуму вмешательство общества в частные дела,—пункт, тоже говорящий в его пользу. Во всяком случае законы, касающиеся личных отношений и поведения и носящие принудительный характер, должны будут подобно другим принудительным законам подлежать ратификации коммуны.

Пятая и последняя группа вопросов, которыми мы занялись в этой главе, в действительности представляет собой не столько отдельную группу, сколько общую проблему, возникающую в связи со всеми другими вопросами. Естественно, поэтому, что мы уже в значительной мере коснулись ее. Право коммуны на принуждение можно рассматривать, как право заставлять отдельных личностей повиноваться коммунальному закону и как право принуждения функциональных учреждений. Принуждение само по себе дурно и лучшим обществом является то, которое основано на справедливом социальном укладе и может обходиться почти совершенно без применения принуждения. Тем не менее, каждое общество должно в настоящее время позаботиться о том, чтобы иметь средства принуждения, которые оно могло бы пустить в ход

в случае крайней нужды. В отношении отдельных личностей затруднение состоит не в том, чтобы снабдить общество средствами принуждения, а в том, чтобы предупредить возможность злоупотребления ими и слишком частого их применения. В гильдейско - социалистическом обществе гарантией против этого будет служить прежде всего то обстоятельство, что центральное правительство будет обладать сравнительно узкими полномочиями и вследствие этого не будет проявлять слишком сильной тенденции к узурпированию власти, а затем чрезвычайно большое распространение многообразных ассоциаций, которые будут в значительной степени охранять права личности, ныне отданной во власть „великого Левиафана".

Остается, однако, открытым второй вопрос — о применении принуждения к группе, вроде гильдии, которая может отказаться повиноваться коммунальному решению. Ясно, что непосредственное воздействие на такую группу путем применения к ней экономического бойкота было бы вполне возможно в случае особого сильного общественного возмущения, но оно в высшей степени нежелательно. Необходимо, однако, подчеркнуть, что такое затруднение может возникнуть и при всяком ином социальном строе, ибо и в настоящее время для государства оказывается трудным применять принуждение в отношении больших и сильных групп, несмотря на то, что теоретически оно обладает всей необходимой для этого властью.

К этому вопросу следует подойти вовсе не с точки зрения принуждения. Применение принуждения к могущественной группе неизбежно угрожает гражданской войной, если только в группе имеется налицо воля к сопротивлению; и общество должно быть таким образом организовано, чтобы принуждение являлось лишь крайним средством, к которому прибегали бы очень редко или вовсе не прибегали бы. Лучшим путем для этого является обеспечение возможно более широкого социального признания за всеми разумными требованиями; ибо такое признание приведет в большинстве случаев не только к тому, что у группы пропадет охота противиться коммунальному постановлению, но и к тому, что общественное мнение Коммуны, являющееся гораздо более действительным орудием, чем принуждение, окажет активное воздействие на данную группу. Гильдейское общество построено на основе доверия к народу и на передаче власти, а вместе с ней и ответственности, в руки функциональных учреждений. А это значит, что эти учреждения, имеющие полную возможность защищать свое дело перед Коммуной, вряд ли станут оказывать сопротивление коммунальному решению, даже если оно будет принято не в их пользу. Наш современный опыт должен был бы убедить нас, насколько тщетны попытки силой заставить людей добросовестно работать и насколько

более выгодно доверять им. Доверие не предполагает, однако, полного отказа от пользования принуждением в качестве крайней меры; оно лишь предполагает, что следует рассчитывать главным образом на силу логических доказательств и влияние общественного мнения. Мы хотим построить новое общество, пронизанное не духом принуждения, а духом свободного служения, и верить не в то, что людей следует принуждать силой, а в то, что они способны сами руководить собой, если будут проведены в жизнь принципы демократического товарищества. В этом направлении мы и должны работать, рассматривая принуждение группы или индивидуума, как последнее и отчаянное средство и введя в функциональную организацию общества сильнейший побудительный мотив к добровольному служению и необходимую гарантию личной свободы.

Я вполне сознаю, что настоящее описание коммунальной деятельности в гильдейском обществе во многих отношениях недостаточно и с другой стороны слишком догматично. Трудно, однако, — как в этом убеждались многие авторы утопий, — оживить описание деятельности теоретической системы, не жертвуя при этом точностью изображения. Наиболее ценной частью материальной и духовной жизни общества почти всегда оказывается та, которая почти не поддается формальной организации. Поэтому всякая картина деятельности социальной организации далека от того, чтобы быть изображением действительной жизни общества; и в применении к действительно демократическому обществу, это сказывается даже сильнее, чем при современном строе. Ибо проведение в жизнь действительной демократии приведет к освобождению огромного скрытого запаса общественной и индивидуальной энергии, который вольется не только и даже не главным образом в коммунальную организацию общества, но и во все добровольные и неоффициальные ассоциации и больше всего в сферу личных отношений и индивидуальной деятельности ее членов. Эта часть народной духовной энергии, не поддающаяся организации, не ускользает от опытного историка, хотя ее и трудно уловить; но теоретик, предлагающий план социальной системы будущего, не может живо воспроизвести эту сторону жизни, хотя он и знает, что его работа вследствие такого упущения рискует показаться нереальной и оторванной от глубочайших человеческих потребностей. Гильдейцы не восхваляют организации ради самой организации; они строят свои планы новой социальной структуры, руководясь верой, что эта структура освободит открытую энергию и породит такое счастье и прогресс в разнообразнейших сторонах жизни, какие сейчас невозможно предвидеть.

Я сознаю также, что эта книга и в особенности настоящая и последняя главы, может создать впечатление, будто описываемая мной социальная организация отличается строгой и ошеломляющей сложностью, в которой отдельная личность может потеряться. Я попрошу читателя, кто придерживается такого взгляда, посвятить некоторое время изучению современной социальной организации, не только в ее парламентских и политических формах, но и во всей сложности современных форм ассоциаций капиталистических, рабочих, интеллигентских, общекультурных и других. И пусть он после этого спросит себя, какая из этих организаций более сложная и не верно ли, что современные условия приводят постоянно к хаосу борющихся между собой ассоциаций, образованных большей частью не с целью выполнения социальной функции, но с целью борьбы друг с другом. Он найдет, что описанная мною структура не только отличается гораздо меньшей сложностью, но и гораздо лучше приспособлена к выполнению своей задачи, чем структура существующего ныне капиталистического общества.

ГЛАВА IX

ГИЛЬДЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ

Социалистические теории всегда почти были основаны главным образом на городском опыте и находили себе сторонников по большей части между городскими промышленными рабочими. Правда, сельскохозяйственные рабочие от времени до времени организовывали, обыкновенно не надолго, профессиональные союзы; кроме того, в среде земледельческого населения во многих странах проложили себе путь различные формы кооперации, более или менее демократические по своему характеру. Тем не менее, как только социалисты принимались за аграрные проблемы, они чувствовали себя обыкновенно как рыбы, вынутые из воды. Правда, во все времена среди социалистов имелась сильная тенденция к радикальным взглядам по земельному вопросу и к подчеркиванию несправедливости присвоения ренты частными лицами. Верно также, что неоднократно в городском рабочем движении раздавался энтузиастический клич „назад к земле", нашедший себе выражение напр. в „Земельном Плане" О'Коннора, в овенистском идеале кооперативных поселений в начале 19-го века, в книге Блетфорда „Веселая Англия" и в более близкие к нам времена в сочинениях Кропоткина. Но, вероятно, ни одна социалистическая партия, за исключением социалистов революционеров в России, не имела до последних лет более или менее значительного количества последователей в деревне; и даже в настоящее время все почти социалистические и рабочие партии, не говоря уже о сельских тред-юнионах, не имеют ясной, практической творческой программы, которая могла бы быть применена к сельскохозяйственному производству.

Что это факт, и притом факт серьезный, признано всеми, как в странах, в которых сильно преобладает крестьянское землевладение, так и в тех странах, которые, как Англия, напр., имеют обширный класс фермеров и соответствующий по количеству сельский пролетариат. В отношении этих двух типов стран проблема в значительной степени приобретает различный характер, по крайней мере, когда речь идет

о практической программе сегодняшнего дня. Таким образом легко может случиться, что большие различия, существующие в методах сельскохозяйственного производства при капиталистическом строе, будут продолжать существовать и в социалистическом обществе, хотя они в значительной степени изменят свой характер.

Знают ли гильдейцы способ для разрешения аграрной проблемы, или, другими словами, возвещает ли гильдейский социализм новое слово о лучшей форме аграрной организации в свободном обществе? Ясно, что аграрную программу должны выработать сами земледельцы, и я попытаюсь в этой главе дать лишь в самых общих чертах указания на ту точку зрения, с которой профан смотрит на аграрный вопрос в свете общих уже изложенных нами гильдейских принципов. Я также не буду пытаться разрешить более общий вопрос об относительной цельности городского и сельскохозяйственного производства в нормально организованном обществе, не потому, что этот вопрос не имеет значения, но потому, что он завел бы меня слишком далеко в сторону. [1]

Ясно прежде всего, что наши общие принципы предписывают—во-первых, чтобы сельскохозяйственные рабочие, при какой бы системе они ни работали, пользовались самоуправлением в тех же формах, в каких им пользуются рабочие промышленности, общественной службы и лица свободных профессий, и во-вторых, чтобы присвоение ренты частными лицами уступило место коммунальному присвоению ренты. Но наши принципы не предписывают ни крупных земледельческих хозяйств, ни мелких, а также не требуют ни уничтожения индивидуального крестьянского хозяйствования, ни продолжения его существования. Многие социалисты, особенно типа „государственных социалистов", впали в ошибку, думая, что социализм заставляет их признать необходимость крупных государственных земледельческих хозяйств и что сельское хозяйство не может созреть до социализма, пока к нему не будут применены капиталистические методы и не будут совершенно уничтожены или сведены до минимума мелкие хозяйства.

Так, напр., Каутский опирается на эти предпосылки в своих выпадах против большевизма, между тем как большевики, хотя и в достаточной мере реалисты, чтобы не попытаться навязать крестьянству аграрный коммунистический строй, тоже, повидимому, видят свою цель в замене мелкого земледельческого хозяйства крупным. Такую точку зрения можно,

[1] В то время, как я пишу эту книгу, Лига Национальных Гвардий стремится с помощью тех из своих членов, которые имеют практический опыт в земледелии, выработать свою программу по аграрному вопросу. То, что я говорю в этой главе, это мое личное мнение, которое я готов всегда изменить, если будут приведены доказательства его ошибочности.

пожалуй, легко понять в такой стране, как Россия, где во многих районах земледелие носит примитивный характер; в общем оно представляется мне совершенно неправильной, а притом и ненужной. Социализм так же легко совместим с мелким сельским хозяйством, как и с „индустриализированными" формами крупного земледельческого хозяйства.

Мы должны, следовательно, оставить открытым вопрос о форме обработки земли при социалистическом строе и так приспособить наш план, чтобы как мелкое, так и крупное земледелие было поставлено в условия, соответствующие нашим демократическим принципам. Таким образом, мы должны разрешить двойную проблему—о форме крупных хозяйств при гильдейском социализме и о формах сохранившегося мелкого крестьянского хозяйства, равно как и об отношениях между ними и крупным сельскохозяйственным производством.

В связи с первым типом хозяйства не возникает никаких серьезных затруднений. Национальная гильдия, в значительной мере децентрализованная и расчлененная по областям, может руководить крупным с.-х. производством совершенно также легко и естественно, как крупной промышленностью. Впрочем, и здесь окажутся, вероятно, некоторые различия между функциями и структурой Сельско-хозяйственной Гильдии и обыкновенной промышленной гильдией. Так, например, члены гильдии, работающие в крупных фермах и пользующиеся при обработке земли последними научными методами, всегда почти будут в то же время владеть собственными участками и будут брать у гильдии инструменты, удобрения и прочие необходимые предметы, а также пользоваться ее помощью при обработке своих участков. Кроме того, в деревне, целиком почти занятой в сельско-хозяйственном производстве, Сельско-хозяйственная Гильдия легко может во многих случаях выполнять функции не только организации производителей и органа снабжения необходимыми для сельского хозяйства предметами, но также и кооперативного потребительского общества; она может даже допускать в число своих членов отдельных селян, занятых не непосредственно в земледелии, но в каком-нибудь мелком производстве или профессии, обслуживающей сельские потребности. Деревня во многих случаях представляет собой настолько мелкую единицу, что она не нуждается в той разработанной дифференциации функциональных учреждений, какой требуют более крупные группировки, и Сельско-хозяйственная Гильдия, управляющая методами наиболее прямого демократизма, будет, как и Сельский Совет, обнаруживать тенденцию включить в себя менее важные функции, выполняемые в пределах ее территории. В деревне, заселенной исключительно шахтерами, подобные же тенденции может проявить также и Гильдия Углекопов.

Помимо этих важных отличительных черт, Сельско-хозяйственная Гильдия, поскольку речь идет о крупном земледельческом хозяйстве, будет организована так же, как и другие гильдии, она будет обладать таким же местным, областным и национальным аппаратом и такими же формами внутреннего демократического контроля и самоуправления. Крупная ферма является естественной ячейкой самоуправления так же, как и фабрика, и демократизм, применяемый к местным областным и национальным организациям, легко может быть применен и к ней.

Мелкое земледельческое производство представляет более трудную проблему в значительной степени вследствие того, что мы им меньше занимались. Оно ведется в настоящее время мелкими арендаторами и собственниками, употребляющими только рабочие силы своей собственной семьи, или мелкими фермерами, обычно обрабатывающими более обширную площадь и пользующимися, хотя и в ограниченной степени, наемным трудом. Можем ли мы, вообще, предполагать, что та или другая форма земледелия, или обе они вместе, будут продолжать существовать в гильдейско-социалистическом обществе, и если да, то при каких условиях? Я, во всяком случае, при соблюдении должных предосторожностей, вполне готов допустить параллельное существование обеих этих форм, конечно, не в нынешней обстановке изолированности и индивидуализированного производства, но при полном развитии кооперативных методов и органической связи этих форм с Сельско-хозяйственной Гильдией.

Нет никакого основания думать, что в демократическом обществе человек не должен иметь права обрабатывать участок земли по своему, с минимальными ограничениями свободы земельного пользования. Наоборот, есть все основания для того, чтобы ограничить его права по части эксплоатации труда жены и детей. Но поскольку это касается детей, это вопросы, которые должны быть урегулированы всем обществом, а поскольку касается женщин—женщинами, пользующимися экономической и социальной независимостью, которую гильдейский социализм должен обеспечить за ними. Демократическое общество стремится дать каждому человеку широчайшую свободу вести себя и работать так, как он считает нужным, поскольку это не противоречит общественному благу, и все говорит за то, что там, где каждый акр на счету и где важное значение имеет интенсивное производство, индивидуальному сельскохозяйственному производителю будет предоставлена широкая возможность для того, чтобы приносить пользу обществу, если не в основных видах сельскохозяйственного производства, то во всяком случае во многих из менее важных его отраслей,—в огородничестве, птицеводстве и т. п.

Однако, тот взгляд, что можно достигнуть существования индивидуального землевладельца, хотя бы он употреблял „наемный труд" или труд лиц, не являющихся членами одной семьи, наверно вызовет значительную оппозицию со стороны социалистов. Несомненно желательно, чтобы по мере возможности эта форма производства там, где она сумеет продолжать свое существование, выполнялась не одним человеком, пользующимся трудом других, но ассоциированной группой производителей, работающих совместно на демократических основаниях и различающихся друг от друга по своим функциям и по объему власти, но не по социальному положению. Маленькая или средней величины ферма, руководимая согласно этому принципу, может во многих случаях стать частью гильдии, и ассоциированные в ней производители могут составить ячейку в гильдейской организации, но точно так же, как мы указывали относительно мастерских, остающихся вне гильдий или очень слабо связанных с ней, многие фермы, ведущиеся по принципу ассоциаций, могут занимать подобное же положение. Они будут обязаны считаться в некоторых отношениях с постановлениями гильдии и, по всей вероятности, пользоваться гильдией—по крайней мере, отчасти,—в качестве агентства для закупки и продажи. Гильдия будет, таким образом, стремиться выполнять от отношению к таким фермам функции Сельско-Хозяйственного Кооперативного Общества, или в некоторых случаях эти группы ассоциированных производителей смогут организоваться в собственные сельскохозяйственные кооперативные общества, которые будут объединены с гильдией на федеративных началах или будут существовать отдельно от нее.

До сих пор, однако, мы не касались вопроса о „наемном труде". Я не считаю разумным отрицать за мелкими производителями (являются ли они индивидуальными производителями или ассоциативными группами) всякого права нанимать других людей. Я думаю, однако, что это право должно быть очень строго ограничено и что лучшей мерой предосторожности, которая будет естественно вытекать из развития сельско-хозяйственного тред-юнионизма, является принцип, что снабжение такой рабочей силой может производиться только через посредство гильдий и при таких условиях труда и правового положения, которые будут установлены самой гильдией. По всей вероятности, будут требоваться исключительно почти временные рабочие, необходимые лишь в течение специальных сезонов, и может оказаться, что постоянные земледельческие рабочие будут не нужны, и окажется возможным обойтись промышленными рабочими для уборки хлеба и для случайных сельскохозяйственных работ или мелкими арендаторами, время от времени помогающими на более крупных фермах. Такие рабочие, за исключением личных друзей фермера, должны будут получать работу через посредство Сельско-хозяйственной Гильдии.

Я предвижу, следовательно, существование сельско-хозяйственной системы, включающей как крупные, так и мелкие земледельческие хозяйства, руководимые частью непосредственной Сельско-хозяйственной Гильдией на широко децентрализованных началах и управляемые в областном масштабе, а частью индивидуальными производителями или ассоциированными группами, действующими в более или менее тесном контакте с гильдией и подчиняющимися общим постановлениям гильдии.

Чем теснее будет этот контакт и чем лучше гильдия сможет совместить со своей непосредственной функцией организации производства функции кооперативного общества сельскохозяйственных производителей в отношении мелких фермеров, тем, очевидно, лучше и ровнее пойдет работа этой дуалистической системы, и я полагаю, что при демократических условиях восторжествует система двух методов, которые вначале быть может далеко разойдутся, чтобы быстро затем срастись. Сельско-хозяйственная Гильдия будет, очевидно, базироваться, главным образом, на современных тред-юнионах сельско-хозяйственных рабочих, также как промышленные и служебные гильдии будут базироваться на тред-юнионах и организациях для свободных профессий. Развитие организации, способной объединить независимых производителей в единое целое, могущее работать в демократической связи с Сельско-хозяйственной Гильдией, зависит отчасти от развития демократического сельско-хозяйственного кооперативного движения, не руководимого, как нынешнее британское движение, землевладельцами и политиканами, но непосредственно выражающего точку зрения самих производителей. Ирландское Общество Сельскохозяйственных Организаций является уже в настоящее время выражением аналогичного движения. Существование подобных учреждений вовсе не исключает вхождения большинства мелких арендаторов в Сельско-хозяйственную Гильдию в качестве ее членов.

Достаточно ясно, что главным практически важным вопросом, вытекающим из этой схемы возможной демократической сельско-хозяйственной организации, является вопрос о положении фермера. В настоящее время, когда уже существует организованный сельско-хозяйственный пролетариат, между ним и фермерами-нанимателями начинается серьезная борьба, при чем имеются все признаки, что борьба эта воспроизведет в деревне большинство тех явлений, которыми отмечены конфликты между капиталистами и рабочими в промышленной области. Что такое столкновение до известной степени неизбежно, достаточно доказывается решительным противодействием большинства фермеров всем попыткам сельскохозяй-

стьянских рабочих установить разумные условия существования, то тем не менее было бы ошибкой приравнивать фермеров, как класс, к капиталистам, подчинившим себе почти все важные отрасли промышленности. По своей психологии средний фермер не лучше среднего промышленника-работодателя, но в общем он в значительной мере лучше последнего, благодаря тому обстоятельству, что он выполняет полезную социальную функцию более или менее теми методами, которыми она должна и будет выполняться в демократическом обществе. Он эксплоатирует труд, это верно, но то же самое делает и тред-юнион в кооперативное общество. Различие состоит в том, что при изменившихся условиях и в особенности в течение переходного периода фермер будет продолжать существовать и выполнять полезную социальную функцию, в то время как капиталист-промышленник исчезнет.[1]

Было бы действительно ошибкой смотреть на фермеров в целом, как на единый и однородный социально-экономический класс. Этот факт, при совершенно различных условиях, т.-е. при широком распространении крестьянского земледелия, был категорически признан русскими коммунистами, которые употребили много энергии на то, чтобы вырвать крестьянскую бедноту из состояния социального подчинения более богатым крестьянам, в котором она находилась.[2] Наша проблема не одинакова, но положение в других странах вынуждает задуматься над различием, существующим как в социальном, так и в хозяйственном отношении между фермерами-капиталистами, которых следовало бы экспроприировать, и полезным для общества индивидуальным земледельцем, живущим своим трудом и не имеющим шансов на то, чтобы скопить богатство и стать вольным „помещиком". Я думаю, что факт этот будет признан, и установившиеся взгляды изменятся, когда за мелким и средним земледельческим хозяйством будет признано право на определенную роль в будущем обществе и когда среди мелких фермеров, равно как и среди сельско-хозяйственных рабочих будет поощряться демократическая организация типа потребительских обществ. Раскол может произойти только в рядах самих фермеров, но возможность его наступления зависит от развертывания социалистами демократической сельско-хозяйственной программы, в которой мелкий фермер найдет себе обеспеченное место. Я полагаю, что гильдейский социализм отличается достаточной широтой взгля-

[1] Часть мелких промышленников-работодателей сможет также, несомненно, продолжать свое существование во время переходного периода. Многие из наших рассуждений относительно фермеров применимы также и к ним, но их удельный вес в промышленности ниже, чем фермера в сельском хозяйстве.

[2] См. последнюю часть книги Ленина „Пролетарская революция", в которой дано наиболее ясное изложение большевистской аграрной политики.

дов и приспособляемостью, чтобы дать эту гарантию, но я вполне признаю, что данная проблема требует более детальной и специальной обработки, чем та, которую я пытался дать в этой главе. Тенденция к заключению союза между значительной частью организованных фермеров и тред-юнионским движением, проявлявшаяся уже ныне в некоторых странах, как напр., в Канаде и в меньшей мере в Соединенных Штатах, возбуждает во мне надежду, что и в других странах возможно подобное движение, как бы на первый взгляд, при беглом обзоре положения, не казались малы его шансы.

ГЛАВА X

ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Мы закончили теперь наш очерк структуры и методов деятельности гильдейско-социалистического общества и таким образом очутились лицом к лицу с практической проблемой, именно с вопросом о том, как совершится переход от современного капиталистического общества к этому будущему обществу. И здесь первый вопрос, на который мы наталкиваемся и на который наталкиваются все социалисты в современных условиях, это — вопрос об эволюции и революции. Надеемся ли мы и намерены ли мы произвести великое социальное преобразование, к которому мы стремимся, путем чисто эволюционного метода, или предвидим, что в известной стадии наступит фаза катастрофического и революционного перехода? Вопрос этот, изложенный в той форме, в какой его обыкновенно излагают, может до некоторой степени ввести в заблуждение, ибо слово „революционный" и, в меньшей степени, также слово „эволюционный", можно трактовать различно. Революция или катастрофический переход, хотя, по всей вероятности, всегда предполагает известное применение силы, не должна вовсе непременно подразумевать применение силы в размерах, заслуживающих названия гражданской войны. Первая русская революция 1917 г. и германская революция 1918 г. — обе были несомненными революциями и сопровождались до известной степени аппелированием к силе, но ни в одной из них сила, в смысле вооруженного конфликта, не была пущена в ход в сколько нибудь значительных размерах. Старый политический строй рухнул и его место занял новый строй при минимуме вооруженной борьбы. Правда, многие утверждают, что это и было одной из главных причин, почему обе эти революции достигли столь малых результатов, и что действительная революция, предполагающая изменение всей социальной и политической системы так же, как и политических институтов, никогда не будет осуществлена, если вооруженная сила не будет применена гораздо более широко; но, независимо от того, верно ли это или нет, — ясно, что необходимо различить между катастрофическим

переворотом, при котором вооруженная сила, поскольку она имеется налицо, является лишь второстепенным фактором, и катастрофическим переворотом, при котором вооруженная сила является фактическим проводником преобразования.

Точно также и слово „эволюционный" имеет больше, чем одно значение. Его часто истолковывают так, что оно практически значит „политический", при чем эволюционные методы отожествляются с конституционным использованием парламентского действия. Но у этого слова есть также и более широкое значение, при котором „эволюционная" тактика может означать метод, применяемый не только в политике, но и во всех областях социальной деятельности, в экономической и гражданской, так же как и в политической.

Поэтому нам лучше изложить наш вопрос в другой форме или, вернее, в нескольких формах. Во-первых, мы должны спросить, может ли лишь конституционное политическое действие стать проводником социального преобразования и возможно ли, чтобы политические принципы, связанные с социальным преобразованием, получили прочный конституционный характер? Во-вторых, мы должны спросить, могут ли оказаться достаточными эволюционные методы, понимаемые более широко и включающие признание прямого действия в области промышленности и гражданских профессий, хотя и отрицающие революцию, для того, чтобы произвести социальное преобразование? И если мы все еще не будем удовлетворены, то мы должны спросить затем, насколько успешно может быть применимо катастрофическое действие без гражданской войны, и, наконец, если окажется нужным, мы должны разобраться в шансах на успех и в пользе гражданской войны.

При обсуждении этих вопросов необходимо помнить, что в значительной мере право выбора оружия будет принадлежать не тем, кто вызывает на бой капиталистический строй, но его защитникам. Какие бы методы социалисты, включая гильдейских социалистов, ни считали наиболее надежными для достижения социальной реорганизации, к которой они стремятся, защитники капитализма всегда смогут, если они увидят, что их положение становится угрожающим, апеллировать — успешно или безуспешно — к капиталистическому принципу действию или к вооруженной силе. И обычно, хотя и не всегда, те, против которых употребляются крайние методы, бывают вынуждены либо подчиниться, либо отплатить той же монетой, путем применения тех же самых методов. Не подлежит сомнению, что капиталисты не будут оставаться спокойными и бездействовать, пока мы будем мобилизовать наши силы против них; тем или другим способом они будут вести жестокую борьбу за свое существование, и тактика противников капитала будет неизбежно направляться, если и не определится всецело, тактикой его защитников.

Невозможно также расчитывать на то, что вопрос о методах будет разрешаться каждой стороной, исключительно исходя из соображений рассудка. В обоих лагерях необходимо считаться с психологией толпы и мы уже достаточно видели для того, чтобы понять, что подобно тому, как мы не сможем сдержать стихийный иррациональный взрыв народного возмущения, так же точно мы не сможем быть уверены, что господствующие классы не потеряют головы и в паническом состоянии не будут аппелировать к вооруженной силе. Ибо „война до конца", как внутри страны, так и за границей, подобно всякой войне, есть „результат страха".

Мы не можем, следовательно, сидя в своем кресле, излагать с научной точностью стратегию и тактику гильдейского социалистического или всякого иного великого социального преобразования. Все, что мы в состоянии сделать, это понять, чего при данных условиях можно достигнуть посредством какого либо из имеющихся методов действия, и решить не прибегать к крайнему методу, если можно думать, что менее крайний метод поможет выполнить ту же задачу. Мы можем избежать революции ради революции, но если даже считать, что переворот практически возможен без революции, мы не можем утверждать, что социальная революция осуществится мирным путем. Ибо в этой борьбе выступают не только две партии, имеющие каждая собственные стремления, здесь налицо и очень могущественная третья партия, которую мы можем по своему вкусу называть случаем или роком.

Однако, принимая во внимание все вышесказанное и имея перед глазами совершившийся факт русской революции, следует рассмотреть, каковы максимальные надежды, которые мы можем возложить на предполагаемые нам различные методы преобразования общества. Посмотрим, прежде всего, чего мы в лучшем случае можем ожидать от применения конституционного политического действия. В связи с этим бесполезно сосчитывать общее число избирателей из среды рабочего класса и подчеркивать, что, теоретически рассуждая, эти избиратели могут создать решительное пролетарское правительство, которое при нашей эластичной конституции сможет преобразовать весь общественный строй. Это не имеет смысла, во-первых, потому, что при капиталистическом строе нельзя рассчитывать на то, что весь рабочий класс будет вотировать единодушно и что сознающее свои классовые интересы большинство призовет к власти действительно классовое правительство; во-вторых, потому, что это правительство, если бы оно очутилось у власти, найдет, что переворот невозможно осуществить парламентскими методами раньше, чем в течение целого столетия; в третьих — потому, что современная государственная организация совершенно не приспособлена для выполнения какой либо задачи, предполагающей коренные

изменения в общественной структуре; и, в четвертых, потому, что попытка изменить общественный строй при помощи одних лишь политических средств почти неизбежно вызовет, задолго до ее осуществления, контр-революционное движение со стороны господствующих классов, опирающихся на свое экономическое могущество. Возможность социального преобразования по этому способу опровергается тем долгим временем, которое нужно, чтобы большинство взрола привыкло к здоровому политическому мышлению вопреки огромной силе воспитания, пропаганды и других способов давления, практикуемых капиталом, ибо задолго до того, как этот процесс дошел бы до своего кульминационного пункта, нынешняя экономическая система совершенно распалась бы под влиянием других причин, на которые мы уже указали в этой книге. Я вовсе не думаю, что в близком будущем невозможно добиться рабочего правительства, это, быть может, даже легко осуществить. Я думаю, однако, что подобное правительство очутилось бы у власти только в том случае, если бы заранее было известно, что оно даже не сделает попытки осуществить какое либо радикальное социальное преобразование и что оно во всяком случае будет считать выполнение такого преобразования невероятно трудной, почти невозможной задачей. Рабочее правительство в действительности явилось бы скорее тормазом, чем фактором переворота.

Главная причина, почему одних политических методов недостаточно для проведения радикального социального преобразования, состоит в том, что требуемое преобразование по существу является не политическим, а экономическим. Неопровержимо верно, что при капиталистическом строе „экономическое могущество предшествует политическому". Целью гильдейских социалистов является уничтожение господства экономических условий, но это только еще более подчеркивает для них факт этого господства в настоящее время. Именно экономическое, скорее чем политическое могущество пролетариата сделает возможным свержение капитализма, и если это экономическое могущество будет иногда проявляться в политических формах, то все же оно, главным образом, будет проявляться в своей собственной области. Самое большее, следовательно, чего мы можем ожидать от политического действия рабочего класса, это — что оно может подкрепить применение пролетариатом своего экономического могущества и облегчить первые шаги преобразования, которое в настоящее время оно бессильно осуществить. Проще говоря, оно может быть важной, но второстепенной функцией — не больше.

Мы должны, поэтому, детально рассмотреть другие методы эволюционного действия, которыми располагает рабочее дви-

жение. На некоторых из них мы более подробно остановимся в следующей главе, ограничиваясь здесь их общим обсуждением. Наиболее значительным из них является непосредственное проявление экономического могущества рабочего класса, основанного на контроле пролетарских организаций над рабочей силой своих членов. Этот метод может при случае принять форму „прямого действия" для достижения политических целей, но обычно он применяется для разрешения определенно экономических задач. Это — орудие, посредством которого тред-юнионское движение не только добилось повышения заработной платы и улучшения условий труда, но также сильно повысило социальное положение рабочих и уже установило в значительной степени контроль над промышленностью, хотя и носящий теперь лишь „отрицательный" и внешний характер. Конечно, можно достигнуть значительно больших успехов, каких уже и сейчас ежедневно достигают некоторые тред-юнионы. Тред-юнионы могут расширить и действительно расширяют свой контроль над промышленностью и в некоторых случаях, как напр. в плане углекопов о национализации и демократическом контроле и в непосредственных конструктивных опытах строительных гильдий, они уже выдвигают требования, осуществление которых привело бы к значительному преобразованию производственного контроля над промышленностью.

Орудием этим, однако, можно пользоваться до известных границ. Оно может быть использовано для того, чтобы в значительной мере вырвать контроль над производственными операциями из рук капиталистов и в некоторых случаях даже для того, чтобы добиться замены частной собственности общественной собственностью. Оно может в форме „прямого действия" быть использовано для поддержки требований даже гораздо более революционного характера, доходящих до значительных вторжений в собственнические права. Но я не вижу каким образом этот метод, как один, так и другой в комбинации с политическими или другими эволюционными средствами, вроде завоевания власти в местном управлении и максимального развития просвещения в среде пролетариата, может стать орудием полного социального преобразования, сводящегося к действительному отнятию у богачей их богатства и экономического могущества.

Другими словами, революционный элемент необходим для полного осуществления социального преобразования, но тем не менее, ясно, что максимальное развитие эволюционной политики, и в особенности ее экономической и промышленной стороны, не только бесконечно увеличит шансы на успех всякого „революционного" действия, но оно будет стремиться свести к минимуму требуемый размах „революционного" действия. Прежде чем развить эту мысль, посмотрим вкратце,

каковы возможности „революционного" действия, как такового или, скорее, действия, основанного на современной силе организованности рабочего движения.

Если мы предположим, что „сознающие свои классовые интересы" элементы пролетариата верят, как некоторые из них действительно верят, — в необходимость немедленного „революционного" действия, то такой политической линии было бы естественно для них поддерживаться. Они, вероятно, не пытались бы вызвать бури, опираясь исключительно на сознательных революционеров, имеющихся в рабочей среде, но продолжали бы свое дело воспитания, организации и расширения революционного меньшинства, выжидая момента, когда для революционного движения имелась бы реальная база в виде сильного промышленного кризиса или какого-либо другого кризиса, способствующего „прямому действию". В то же время они бы, конечно, старались использовать все силы и средства для улучшения рабочей организации, и для того, чтобы убедить последнюю, перейти к более активной тактике. Во всем этом они были бы единодушны, но относительно значения слова „революция" между ними могло бы возникнуть разногласие. Некоторые понимали бы его, как расширенное „прямое действие", т.е. как приостановка экономической жизни общества посредством всеобщей стачки, вызывающей распадение и крах политического механизма. Другие понимали бы слово „революция" в смысле гражданской войны. Остановимся сначала на последней возможности.

Действительная гражданская война может вестись лишь в том случае, если обе стороны вооружены. Однако вооружение рабочих никоим образом не может быть осуществлено ни в Великобритании, ни в Америке (мы оставляем в стороне Германию или Италию), до тех пор, пока процесс разложения и упадка капиталистического строя и его политического механизма не зайдет гораздо дальше, чем это имеет место в настоящее время. Восстание армии, являющееся единственной другой альтернативой, вряд ли может быть вызвано революционной пропагандой и могло бы произойти лишь в том случае, если бы причины, по внешности нереволюционные, создали революционную ситуацию, так например, если бы солдатам приказали стрелять в людей, на которых они смотрят, как на безобидных сограждан. При подобных обстоятельствах солдатское восстание могло бы иметь место, но это случилось бы не благодаря усилиям революционеров, но по причинам, на которые они почти бессильны оказать влияние. Правильность этого положения признается в самых широких кругах, и немногие из тех, кто называют себя революционерами, действительно верят в возможность сознательного провоцирования гражданской войны, для подготовления которой в их распоряжении нет никаких средств.

Вторая альтернатива, которую предлагают те, которые смотрят на революцию, как на расширенное „прямое действие", более правдоподобна, но в настоящий момент она слишком много предоставляет промыслу божьему. Успех ее зависит от того, насколько рабочие при помощи своей промышленной организации окажутся в состоянии, не умерев раньше сами от голода, остановить экономический механизм общества на достаточно долгий срок для того, чтобы политическая и экономическая структура современного строя совершенно распалась. Это, по моему мнению, оказалось бы возможным для рабочего движения, как оно есть сейчас, лишь в том случае, если бы капиталистическое общество было гораздо менее сильно, чем наше капиталистическое общество, и притом только лишь в исключительно благоприятный момент, какой был, напр., в России в 1917 г. Для того, чтобы низвергнуть при помощи этих средств гораздо более сильный капитализм Великобритании или Америки потребовалась бы наличность гораздо более сильного и более сознательного рабочего движения чем то, которое существует ныне в каждой из этих стран.

Рабочий класс, берущийся за такую задачу, должен быть не только сильнее сам по себе, т.-е. сильнее в смысле своей численности, организации, решимости и политической дальнозоркости, но он должен гораздо больше укрепить свои позиции. Другими словами, ему придется достичь гораздо больших успехов, чем он достиг до сих пор, ибо хотя применение эволюционных методов само по себе совершенно недостаточно для осуществления радикального социального преобразования, оно все же является необходимой предпосылкой всякого успешного революционного действия. При самом успешном бунте, какой можно себе представить в настоящее время, рабочие оказались бы лицом к лицу с повелительной необходимостью немедленно и одновременно занять тысячи и тысячи стратегических пунктов—не только захватить власть в центре и сразу организовать временное правительство, но и захватить тысячи местных гражданских учреждений, организовать административные аппараты в тысячах фабрик и пройти в течение дня тысячу уроков самоуправления и коммунальной службы. Я не говорю, что этого нельзя сделать, но я утверждаю, что осуществление этого было бы чудом.

Однако, чем дальше рабочие продвигают эволюционный процесс завоевания власти во всех областях жизни, не отказываясь при этом от своего идеала—радикального преобразования общественного строя,—тем менее непреодолимыми окажутся препятствия на пути к осуществлению их конечной цели. Рост числа членов тред-юнионов, развитие организации и просвещения расширяет и улучшает продовольственное

положение,[1] захват власти в органах местного управления упрощает преобразование всего административного аппарата и отдает в руки рабочих важные общественно-полезные предприятия. Расширение контроля тред-юнионов колеблет положение капиталистов на фабриках и ускоряет обучение рабочих делу самостоятельного управления промышленностью. Тот, кто стремится к торжеству революции, должен спешить к ней медленным темпом и подготовлять ее достижение путем определенных мелких завоеваний.

Но, как я выяснил в самом начале, оружие выбирает вызываемый на бой, и мы не можем быть уверены, что наше систематическое наступление будет развиваться согласно нашему плану. Меньше всего в этом может быть уверена какая-либо группа рабочих в Европе в виду постоянной дезорганизации европейской экономической и политической системы—дезорганизации, не приостановленной, а, наоборот, ускоренной версальским миром. В каждый данный момент может создаться революционная ситуация или вследствие того, что имущие классы сочтут, что наступил удобный момент для оказания сопротивления, или потому, что обе стороны сами поставили себя в такое положение, из которого нет другого выхода. Если такое движение наступит скоро, то если обстоятельства не сложатся невероятно благоприятным образом, я не питаю больших надежд на успех рабочего класса в первой же его попытке, но в то же время я нисколько не опасаюсь, что рабочий класс потерпит длительное поражение. Я думаю, однако, что огромное большинство сознательных рабочих не будет склонно к этим опасным поправкам до тех пор, пока оно не убедится, что другого исхода нет.

Гильдейские социалисты, имеющие не только положительный идеал, но и определенную эволюционную программу, отдают себе особенно ясный отчет в положении вещей. Они сознают, что необходимо стремиться, независимо от того, можно ли этого достигнуть или нет,—не к слишком ранней революции, а к консолидации всех сил по линии эволюционного развития с целью совершить революцию, при чем последняя должна по возможности осуществиться не в результате гражданской войны, а как признание уже совершившихся фактов и как кульминационное завершение проявлявшихся ранее тенденций. Всесторонний переворот, к которому мы стремимся, не может быть доведен до конца конституционными способами, экономическими и политическими, даже в том случае, если бы правящие классы не дали никакого отпора и допустили бы развитие тенденций, до конца подрывающих

[1] Кооперативные общества, путем снабжения продовольствием, уже оказывали значительную помощь в экономических конфликтах, как это было, напр., при дублинской стачке в 1913—14 г. и железнодорожной стачке 1919 г. Эта помощь проявится в гораздо более широких формах.

их власть. В лучшем случае неконституционная „революция" могла бы быть сведена к простому устранению бесполезных остатков развалившейся системы и к быстрому созданию определенной социальной системы из тех отдельных учреждений, которые уже при капиталистическом строе достигли захватническим путем значительной роли и могущества. Если мы не можем добиться этого и если революция вследствие сопротивления имущих классов наступит раньше, чем мы успели подготовиться к ней, и поэтому примет более насильственный характер, мы все же окажемся лучше подготовленными благодаря захвату позиций в дореволюционный период. Защищаемая мной програма для того, чтобы иметь успех, должна проводиться не немедленно и быстро, а должна быть проведена постепенно в буквальном смысле этого слова, т.-е. должна осуществляться в виде целого ряда отдельных практических шагов. Это не понравится тем, кто хочет в своей практике слепо копировать русскую революцию, но я не думаю, если только обстоятельства не сложатся совершенно непредвиденным образом, чтобы русские методы могли быть применены к английской или американской ситуации.

ГЛАВА XI

ПРОГРАММА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Оба великих движения рабочего класса—тред-юнионизм и кооперация, на которых я так долго останавливался в предыдущих главах, сделали большие успехи в течение двух последних лет. Вряд ли можно сомневаться в продолжении их прогресса, ибо оба эти движения выполняют задачи, насущность которых признается все возрастающей частью рабочих. В обоих случаях имеются, однако, налицо и очевидные препятствия. Тред-юнионизм сильнее развивается при хорошем экономическом положении страны, чем при дурном, кроме того, именно успехи ставят его лицом к лицу с наиболее грозными препятствиями, ибо как раз в настоящее время мы видим, что состоятельные классы все в большей и большей мере проявляют решимость или заставить пролетариат принять капитализм или раздавить пролетариат, если им это не удастся. В кооперативном движении, которое до сих пор, несмотря на все утверждения его теоретиков, на практике остается движением с довольно скромными целями, главное препятствие состоит в том, что кооперация, работающая при капиталистическом строе, нуждается для своего развития в обеспечении себя необходимым капиталом при помощи добровольных взносов. В виду медленности роста членского паевого капитала, внезапное увеличение числа членов может легко привести к тому, что капитала этого не хватит на финансирование необходимых новых предприятий, а равно и на пионерскую работу, требуемую для дальнейшего расширения движения. Кооперативное Универсальное Общество, столкнувшись с этой проблемой, прибегло недавно к сомнительному средству; оно открыло подписку на открытом рынке на выпущенные им долговые обязательства. Несмотря на то, что процент при этом был фиксирован, этот прием несомненно намечает тенденцию к дальнейшему срастанию с капиталистическими концернами. Если даже и прибегнуть к подобному средству, то все-таки, несомненно, что проблема капитала сама по себе еще долгое время будет заставлять кооперативное движение воздерживаться от открытой борьбы за господство над

средствами производства. Успехи кооперации в области производства достаточно поразительны, если их сравнивать даже с наиболее крупными успехами отдельных капиталистических фирм, но они, несомненно, очень малы в сравнении с размерами конкурирующих с ними капиталистических предприятий, взятых в целом.

Имеются, конечно, средства, чтобы смягчить, но не устранить это препятствие, мешающее расширению кооперативного движения при капиталистическом строе. Более полное использование ресурсов рабочего класса в целях развития кооперативного движения сделало бы кое-что в этом направлении, но недостаточно много, ибо кооператоры наталкиваются на тот факт, что просто невозможно, по крайней мере в течение долгого еще времени, изгнать имущие классы из промышленной области путем обычной конкуренции с ними в условиях, предписанных самими господствующими классами. Более того, если кооперация действительно окажется опасной для имущих классов, то она вскоре, вероятно, увидит, что имущие классы обладают достаточной силой, чтобы в случае необходимости заставить конкурента итти по их пути. Попытки обложения кооперативных обществ налогом могут рассматриваться как некоторый предвестник такой политики.

Во всяком случае ясно, что пока кооперация будет придерживаться своего нынешнего направления, главная атака на крепости капитализма будет делом не ее рук. Она может помочь и, конечно, помогает путем более широкого предоставления своих ресурсов в распоряжение тех ее членов, которые принимают участие в борьбе и вообще в тредюнионистском движении, но главным образом борьбу должны будут вывести на своих плечах тред-юнионы. Торжество гильдейского социализма фактически зависит от нашего успеха в деле основания гильдий еще в рамках капиталистического строя, следовательно, и проблема перехода к гильдийскому социализму прежде всего есть проблема развития тред-юнионизма.

В настоящей книге невозможно детально описать степень развития и положительные достижения тред-юнионизма. Тред-юнионы настолько расширили количество своих членов, что непринадлежность к ним практически рассматривается как штрейбрехерство во многих из руководящих отраслей промышленности, особенно в тех из них, которые имеют наиболее важное стратегическое значение. В настоящее время число тред-юнионистов равно 6½ или пожалуй даже 7 миллионам, охватывая все почти наиболее значительные элементы из среды работников не физического труда; число лиц этой последней категории, входящих в тред-юнионы, также постоянно растет, хотя оно все еще относительно незначительно. Новые слои рабочих быстро организуются, в особенности, работники умственного труда, постепенно начинающие

понимать, что им выгодно соединить свою судьбу с судьбой борющихся рабочих. Более того, тред-юнионы добились довольно широкого „негативного" контроля над промышленностью посредством метода коллективных договоров и, что важнее всего в стратегическом отношении, они быстро приближаются к тому моменту, когда они окажутся в состоянии сделать капиталистический строй такой системой, при которой, если и можно будет кое-как работать, то во всяком случае, жить в ней и трудиться будет крайне неприятно.

В тред-юнионизме, однако, несмотря на всю его силу все еще проявляются заметные слабые стороны. Все еще не существует единого плана тред-юнионистской организации и выработанной программы, которая была бы принята всем движением в целом или хотя бы важнейшими его секциями. Тред-юнионы ведут друг с другом резкую полемику по самым разнообразным вопросам прежде всего по вопросу о членстве и о разграничении компетенции и, когда они борются с предпринимателями, то часто наиболее характерной чертой их программы является отсутствие с их стороны предложений и требований творческого характера. Они буквально не знают чего требовать или, по крайней мере, еще не умеют переводить неопределенные стремления на язык реальных и конкретных предложений, исполнение которых возможно было бы немедленно навязать предпринимателям.

Имеется поэтому, по крайней мере, четыре пункта, в отношении которых тред-юнионистское движение нуждается в коренной реорганизации, раз оно хочет достичь сколько-нибудь значительного дальнейшего прогресса, особенно, если этот прогресс будет направлен к тому, чтобы сделать современные тред-юнионы базисом будущей гильдии. Прежде всего следует расширить круг лиц, которые могут вступать в тред-юнионы, не только путем включения рабочих нефизического труда, но и путем окончательного и формального признания того особого положения, которое они должны занять в управлении промышленностью. Во-вторых, должен быть разрешен организационный вопрос и тред-юнионистское движение должно из конгломерата взаимно подозревающих друг друга и часто ссорящихся между собой единиц превратиться в рационально организованное целое, придерживающееся главным образом индустриальной (производственной) формы организации и объединяющее всех тред-юнионистских рабочих в единую энергично направляемую силу, действительно способную к объединенным выступлениям по вопросам общего характера. В-третьих, внутреннее управление тред-юнионов нуждается в демократизации путем признания фабрики или равнозначного ей предприятия главной основой организации, на которой должны быть построены более крупные административные единицы. В-четвертых, тред-юнионистское движе-

ние нуждается в ясной и определенной программе, которая в своих основных принципах была бы одной и той же для всех рабочих, но в то же время допускала бы широкие варьяции соответственно природе и условиям каждой отрасли промышленности и каждой отдельной группы. Кроме того, такая программа должна носить двойной характер—она должна наметить целесообразные требования, которые следует предъявить предпринимателям при переговорах во время промышленных конфликтов, а также и дать ясные указания насчет той позиции, которую рабочим следует занять в отношении государства, не только поскольку оно является предпринимателем, но и поскольку оно в разнообразных формах сталкивается с пролетариатом.

Эти четыре аспекта тред-юнионистской реорганизации весьма тесно переплетаются друг с другом и могут быть осуществлены лишь в тесной связи друг с другом. Но осуществление их зависит, главным образом, от последнего программного вопроса, ибо единственной силой, способной преодолеть препятствия на пути к внутренней организации тред-юнионов и к образованию прочного союза работников физического и умственного труда, является наличность ясно очерченной цели, которая предполагает политику, основанную на указанных изменениях в структуре, управлении и принципиальной позиций этих организаций. Так, напр., сравнительно легко создать аппарат „генерального штаба" тред-юнионов, но гораздо труднее заставить его хорошо работать, пока отсутствует ясное сознание о цели, для какой он работает. Легко вырабатывать идеальные схемы создания „Одного Великого Союза" или „союзов по производству", но импульс, необходимый для проведения в жизнь подобных схем, явится лишь тогда, когда явится сознание, что профессиональный юнионизм неспособен осуществить действительный контроль над промышленностью и что не только могут возникать конфликты между „производственными союзами" и секциями „Одного Великого Союза", но, что голая организационная форма, не имеющая ни души, ни цели, ничего не стоит.

Потребовалась бы целая книга, а не сравнительно краткая глава для того, чтобы дать полные указания относительно сущности изменений, которые необходимо произвести в тред-юнионистской организации, и я не буду пытаться выполнить здесь такую невозможную задачу. Вопрос этот в значительной мере должен разрешаться каждой отраслью промышленности в отдельности, но даже изложение общих принципов, касавшихся этого вопроса, завело бы нас слишком далеко.[1]

[1] Я довольно много писал об этой проблеме в других книгах. См. в особенности мою книгу „Самоуправление в промышленности", гл. III. Памфлет Р. Пейдж Арнота „Тред-юнионизм". Новый Образец содержит весьма полезное краткое рассмотрение этой проблемы.

Я должен, следовательно, ограничиться указанием на то, что если тред-юнионы должны послужить базисом для образования гильдий, они, во-первых, должны, конечно, быть организованы по производственному принципу и включать в себя всех рабочих, необходимых в каждой данной отрасли промышленности, т.-е. работников как физического, так и умственного труда, признавая при этом в пределах каждого союза различие в функциях, выполняемых разными категориями и секциями рабочих.

Во-вторых, если в гильдиях необходимо проведение демократического принципа, базирующегося на естественной производственной единице—фабрике или мастерской,—то такого рода демократизм не менее необходим и для современных тред-юнионов.

Я хочу, однако, посвятить остаток этой главы не рассмотрению внутренних проблем тред-юнионизма, но обсуждению той программы, которую тред-юнионы должны принять, если они желают сделать первые шаги для создания описанного здесь гильдейско-социалистического общества. В предыдущей главе эта программа, поскольку она касается тактики рабочего класса „при капиталистическом строе" или „до революции" была кратко охарактеризована, как тактика захвата.[1]

Под „захватническим контролем" подразумевается тактика, направленная к частичному вырыванию из рук имущих классов экономической власти, которою они ныне обладают, путем постепенной передачи представителям рабочего класса тех функций и прав, которые принадлежат ныне назначаемым капиталистами лицам. Это не то же самое, что „смешанный контроль", с которым его иногда смешивают, ибо „смешанный контроль" стремится к совместному выполнению некоторых функций предпринимателями и рабочими, в то время, как „захватнический контроль" стремится вырвать известные права из рук предпринимателей и передать их полностью организованным рабочим. Приведем очень простой пример, который ярко может иллюстрировать это основное различие. „Смешанный контроль" подразумевает наличность смешанных комитетов по вопросам труда, в которых предприниматель и рабочий работают вместе, „захватнический контроль", подразумевают тред-юнионистские комитеты фабричных делегатов, которые предприниматель должен признать, но в которые ни он, ни какой-либо представитель его интересов не допускаются. Не требуется, конечно, чтобы эти комитеты все время ссорились с предпринимателем, но они должны быть абсолютно независимы от него. Следовательно, между

[1] Я сделал попытку изложить детально основные черты этой тактики в применении к большинству главных отраслей промышленности в своей книге „Хаос и порядок в промышленности". Здесь я излагаю лишь в самых общих выражениях наиболее важные мои выводы.

„витлеизмом“ или „смешанным контролем“, с одной стороны и гильдейско-социалистической тактикой или захватническим контролем, с другой, существует такое же различие, как между зависимостью и независимостью. Кроме того, важно, чтобы комитеты фабричных делегатов являлись неразрывной частью тред-юнионов и смотрели на себя как на представителей широкого пролетарского движения внутри своих отдельных фабрик.

Поэтому, правильный курс, который должны взять тред-юнионы, по крайней мере, когда речь идет о частном предпринимателе, будет состоять в том, чтобы попытаться по возможности вырвать из его рук все те функции, которые по их мнению, они будут в силах выполнять без всякой помощи со стороны. Эти функции могут быть большими или незначительными, но в каждом таком случае переход власти исключительно в руки рабочих является реальным выигрышем и означает действительный шаг, приближающий их к промышленному самоуправлению, которое предполагает полный переход власти капиталистов в руки представителей, производителей и потребителей. Этого выигрыша, несомненно, не было бы, если бы какая-либо функция была принята на таких условиях,—вроде участия в прибылях,—которые втянули бы рабочих в капиталистическую систему. Следовательно, нужно также установить, что захваченный контроль не только должен носить исключительно рабочий характер, но он должен вместе с тем помогать рабочим в захвате дальнейших привилегий, никоим образом не втягивая их в капиталистическую систему.

Этот руководящий принцип экономической политики должен быть разработан в стольких различных направлениях, сколько имеется отраслей промышленности. Здесь я могу упомянуть только о некоторых, наиболее очевидных случаях его применения. Во-первых, если тред-юнионизм нуждается в реорганизации на базисе мастерской, то мастерская, очевидно, является наиболее естественным исходным пунктом тред-юнионистской атаки, ибо именно на фабрике рабочие могут наиболее легко сконцентрировать свои силы и взять на себя дополнительные функции и именно здесь находятся наиболее важные передовые посты, хотя и не цитадели капиталистической системы. Следовательно, на фабрике организованные рабочие, действующие согласно планам, выработанным их союзами, должны стремиться к захвату всей власти, которую они могут захватить, главным образом, путем отнятия у предпринимателей и передачи себе самим права назначать фабричных надсмотрщиков, мастеров и т. п., что превратит навязанную извне дисциплину мастерской в самодисциплину, которую группа налагает на себя, как единое целое, и во-вторых, путем замены, поскольку это является возможным, вы-

нешних индивидуальных сношений между предпринимателем и отдельным нанимаемым им рабочим, коллективными сношениями между предпринимателем и всеми рабочими мастерской. Таким образом, необходимая рабочая сила в будущем будет доставляться тред-юниону, и рабочие заменят своими коллективными правилами предпринимательские приемы в деле „найма и расчета“ и, если возможно, заключат с ним коллективный договор, охватывающий все производство мастерской, распределяя работу сами в соответствии со своими собственными юнионистскими правилами и дифференцируя заработную плату по категориям.

Эта тактика в целом стала известна под названием коллективного договора. Гильдейцы не утверждают, что она одинаково применима ко всем отраслям промышленности и к различным условиям производства, и допускают, что она исходит, главным образом, из условий, существующих в машиностроительной и других родственных ему областях. Они считают, однако, что эта программа в значительной мере может быть применена ко всем „фабричным“ отраслям промышленности, и, что почти всякая категория рабочих может применить к себе какой-либо из ее пунктов. Во всяком случае, нет такой категории рабочих, которая не смогла бы потребовать права избирать своих надсмотрщиков, взять в свои руки в том или ином виде контроль над „наймом и расчетом“ и заменить в ряде вопросов индивидуальные сношения, существующие между отдельным рабочим и фирмой, коллективными сношениями рабочих, выступающих как группа общей тред-юнионистской организации.

Лучшим путем для достижения тред-юнионами успеха во всех отраслях промышленности является твердое проведение принципа, что поскольку безработные образуют резерв рабочей силы, постольку должен поддерживаться нормальный уровень жизни, как в случае безработицы, так и в случае сокращения работы. Другими словами, поддержание нормального уровня жизни безработного должно быть признано нормальным налогом, который несут на себе различные отрасли промышленности; таким образом, необеспеченность от безработицы, которая является одним из позорных явлений системы наемного рабства, должна исчезнуть. Агитация в пользу этого нововведения уже одержала значительные успехи в тред-юнионистском мире, и установление вышеизложенного принципа явится несомненно шагом вперед на пути к уничтожению системы заработной платы и к осуществлению гильдейско-социалистического строя.[1]

---

[1] См. об этом вопросе о безработице книгу С. Г. Гобсона „Гильдейские принципы в военное и мирное время“, мою книгу „Самоуправление в промышленности“ (гл. IV) и книгу Ноймана и Вестфера „Значение национальных гильдий“ (гл. IX).

Рабочие строительной промышленности, благодаря особенному положению и природе этой отрасли труда, в последнее время смогли добиться значительно большего успеха, чем рабочие большинства других отраслей промышленности. Строительная промышленность благодаря острому жилищному кризису находится в положении особенно благоприятном для производства новых экспериментов и вдобавок она по природе своей такова, что элемент „основного капитала" в ней играет гораздо меньшую роль, чем в других крупных отраслях промышленности. При наличности оборотного капитала, необходимого для выплачивания заработной платы, закупки сырья и сравнительно скромного оборудования, могут быть предприняты широкие операции в области постройки жилищ для рабочих при полном почти отсутствии основного капитала. Пользуясь этим благоприятным обстоятельством, строительные ремесла Манчестера, руководимые мастером С. Г. Гобсоном, а вслед за ними и строительные ремесла других центров, оказались в состоянии приступить к основанию строительной гильдии и гильдейских комитетов, которые, имея в своем распоряжении необходимую рабочую силу, взяли подряды на постройку домов непосредственно у органов местного самоуправления, избежав предпринимателя с его погоней за прибылью и вместе с тем обеспечив членам гильдии полное содержание на все время, пока они состоят ее членами. Еще слишком рано судить, достигнет ли этот опыт тех крупных практических результатов, каких он заслуживает, ибо тут приходится иметь дело с остро-враждебным отношением не только мастеров строительного дела, но также и большинства местных органов самоуправления, и бюрократии, до сих пор, конечно, проникнутых капиталистической точкой зрения. Впрочем, имеются достаточно серьезные основания для того, чтобы надеяться, что строительная гильдия сумеет преодолеть даже эти препятствия и даст живой образец большой отрасли промышленности, ведущейся, при существовании капиталистической системы, без прибыли и на основе экономического самоуправления. Как бы в дальнейшем не закончился этот эксперимент, пример не пропадет даром, и другие рабочие извлекут ценные уроки из этого самого опыта в области промышленной демократии.

Никто, конечно, не утверждает, что если даже строительные гильдии будут иметь успех, они смогут хотя бы и находясь в враждебном капиталистическом окружении, как экономически, так и политически, действительно стать „гильдиями" того типа, который гильдейские социалисты стремятся создать. В лучшем случае они будут лишь бледными прототипами гильдий, и неизбежно будут вынуждены пойти на некоторые компромиссы в своей трудовой борьбе с капитализмом. Но главные принципы, за которые они

высказываются, ясны. Они отказываются трактовать рабочую силу человеческого существа как товар, который может быть куплен и продан на обыкновенных коммерческих основаниях, и поэтому настаивают на полном обеспечении заработной платой всех своих членов как больных, так и здоровых, как работающих, так и безработных. Они отказываются получать прибыль, и потому они берут строительные подряды за суммы, покрывающие издержки производства, вполне правильно включая в последние содержание всех своих членов. Они отказываются допустить принцип контроля извне и сверху и сами базируются на принципе самоуправления и свободной ассоциации всех категорий рабочих ручного и умственного труда, необходимых для данной работы. Это характерные черты гильдии, и строительные гильдии являются первой попыткой придать этой организации конкретную форму, несмотря на весьма существенные затруднения.

Но, нам могут задать вопрос, если имеется налицо такой простой и мирный способ образования гильдии, без всякой непосредственной экспроприации кого бы то ни было, и без восстания, то почему не могут рабочие других отраслей промышленности последовать примеру строительных рабочих, и, таким образом, избежать всякой необходимости в социальной революции и классовой войне? Имеется две простых, но весьма определенных причины, почему они не могут этого сделать. Прежде всего, едва ли найдется другая отрасль промышленности, которая подобно строительной фактически не требует основного капитала для большей части работы. В большинстве отраслей промышленности работа ведется на дорого стоящих фабриках, в шахтах, на разработку которых затрачены большие суммы, в принадлежащих частным лицам местах работы, которые должны перейти во владение рабочих раньше, чем в них можно будет работать, не преследуя целей капиталистической наживы. Строительные подрядчики имеют, конечно, мастерские, а большие строительные работы требуют основного капитала, но обычное жилищное строительство может вестись фактически без основного капитала, если имеется в состоянии оплатить счета за оборудование и сырье. Так строит обыкновенный строительный подрядчик, но не так работает средний шахтовладелец или машиностроительная фирма.[1] Во вторых, строительные цехи могут делать свои предложения с некоторой надеждой на успех главным образом потому, что как частные, так и государственные предприятия столь явно обанкротились в деле постройки необходимых для населения жилищ, несмотря на

[1] Машиностроение, впрочем, [illegible] от строительного. См. рассмотрение машиностроительной проблемы в книге „Хаос и порядок в промышленности" (гл. VIII).

крупные финансовые субсидии и целый ряд законов в жилищном строительстве. Поэтому местным органам самоуправления, на территориях которых велика жилищная нужда, трудно отклонить при данных условиях предложения строительных гильдий, по крайней мере, когда в стране имеется налицо организованное общественное мнение, держащее их в узде.

В других отраслях промышленности перед рабочими рисуются иные перспективы. Горнорабочие, например, стремясь сделать действительный шаг в направлении к созданию Гильдии Горного дела, не могут оставить своих хозяев и начать работать на свой собственный риск и страх, потому что все шахты находятся в частном владении. Они вынуждены требовать национализации не потому, что они хотят государственного управления копями и рудниками, а потому что это единственный путь к избавлению от шахтовладельцев, который, по крайней мере, очистит им дорогу для создания собственной гильдии.

Они знают, что государственное хозяйствование будет непродуктивно и плохо, как с точки зрения потребителя, так и с точки зрения горнорабочего, и поэтому они одновременно с требованием национализации выставляют требование демократического контроля. Однако, даже при национализации, ввиду оппозиции со стороны бюрократии и капиталистов, они не могут надеяться приступить к созданию Горнорабочей Гильдии, поэтому им приходится выставить требование смешанного контроля с участием государства, который явится, по крайней мере, шагом по направлению к созданию гильдии. Это возможно в то время, как смешанный контроль с участием шахтовладельцев невозможен, ибо в условиях национализации, как бы ни было пронизано государство капиталистическим духом, устраняется, по крайней мере, прямое хищничество частных лиц.

Положение горнорабочих почти идентично с положением других рабочих, требующих национализации в своих отраслях промышленности. Они требуют национализации не потому, что они хотят государственного управления или верят в благоприятные его результаты но потому, что они надеются путем устранения частного владения открыть дорогу гильдейскому или рабочему контролю.

Несомненно, что национализация, проведенная в рамках капиталистического строя на самом деле не уничтожает частной собственности, а только изменяет форму получения частным собственником его прибыли: вместо получения колеблющейся прибыли от частной отрасли промышленности, он получает твердо установленную прибыль из национальных ресурсов. Национализация имеет, однако, свои преимущества, как потому, что она делает возможным проведение разумной формы контроля в национализированной отрасли промышленности, так и потому, что, превращая капиталиста в явно бесполезного акционера или рантье, она облегчает постепенное уничтожение его претензий, ибо он перестает иметь даже кажущуюся внешнюю связь с выполнением общественно необходимой службы. Если бы рабочие наиболее важных отраслей промышленности могли провести то, что требуют горнорабочие, т.-е. национализацию с половинным участием рабочих в контроле, то они этим самым в значительной степени усилили бы свою позицию в целях дальнейшего наступления на капиталистический строй и пошатнули бы его, лишая капиталистов не их богатств, но их экономических функций и власти, от которой в конце концов зависит удержание этих богатств.

Короче говоря, реальной целью организованных рабочих и гвоздем трех-компонентской программы должна быть не только экспроприация капиталиста, но и лишение его экономических функций и замена его рабочими во всех областях его хозяйственного и социального могущества, ибо лишь путем захвата к свои руки социальных и экономических функций рабочие смогут провести в жизнь равномерное распределение национального дохода и разумную реорганизацию общества в целом. Главным методом гильдейского социализма является замещение капиталиста рабочим во всех стратегических пунктах как промышленности, так и торговли и во всех тех правительственных функциях, которые необходимо захватить в свои руки для их рационального преобразования или для их уничтожения.

ГЛАВА XII.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Подойдя к концу изложения теории и практики гильдейского социализма мы наталкиваемся на один, само собой напрашивающийся вопрос. Как теория, так и практика, изложенные нами, возникли в Великобритании и применялись к английским условиям. Могут ли они получить более общее применение? Другими словами, представляется ли гильдейский социализм в качестве столь же общезначимой схемы, как, например, социализм вообще или гильдейская система в средние века? Трудно ответить да или нет на этот вопрос. Имеются данные думать о том, что по всей вероятности гильдейский социализм будет пользоваться таким же широким распространением, при чем среди говорящих по английски народов—в Соединенных Штатах Америки, в Австралии и Южной Африке он выльется приблизительно в те же формы, как в Соединенном Королевстве. Имеется также сильное сходство между ним и движениями, существующими в различных стадиях развития во многих странах европейского континента, но в этом последнем случае отличительные черты выступают отчетливо резче и более вероятно, что рабочие этих стран придут к подобным же выводам в результате совершенно иных умственных процессов. Вряд ли они непосредственно заимствуют гильдейско-социалистические идеи. В говорящих по английски странах, если гильдейский социализм будет усвоен в них, это произойдет почти наверное со значительными отступлениями от изложенной нами теории, отчасти вследствие различия материальных условий, отчасти вследствие различия национальных темпераментов и традиций.

Так оно и должно быть. Гильдейские социалисты не [illegible], чтобы две какие-либо гильдии или две секции одной гильдии походили между собой во всем, не хотят, конечно, [illegible], чтобы все страны были организованы по строго единообразной системе. Они внесли в свой план [illegible] больше элементов британских традиций и темперамента и вполне признают, что каждая страна должна выработать план своего социального спасения для самой себя и в собственном вдохно-

вения. Тем не менее они полагают, что главные принципы гильдейского социализма, поскольку они разрешают затруднения, имеющие почти мировой характер, должны встретить отзвук всюду, где существуют такие затруднения, на этих принципах можно основать многообразные формы социального строительства, и гильдейские социалисты не настолько глупы, чтобы, даже в отношении к своей собственной стране, льстить себя надеждой, что они изобрели во всех отношениях наилучшую структуру. Принципы эти должны проводиться в жизнь сообразно традициям и материальным условиям различных стран и даже по существу должны подвергаться существенным изменениям.

Для того, чтобы человечество жило в мире,—и не только в мире, но в условиях настоящего международного товарищества и сотрудничества—различные социальные системы, сохраняя национальные различия, должны быть достаточно однородны по основным своим принципам, чтобы сделать возможной общую дружескую деятельность. Между странами настоящей демократии и странами настоящего деспотизма не может быть [illegible] сотрудничества, какой бы обмен материальными и духовными благами между ними ни происходил. Для безопасности и лучшего функционирования гильдейского социалистического общества важно, чтобы оно существовало в мире, если и не построенном по принципам гильдейского социализма, то состоящем, главным образом, из обществ, социальная структура которых в той или другой форме осуществляет свободу. Это более чем когда-либо верно для настоящего времени, когда отношения между нациями настолько тесны, что все, имеющееся в одной из них, передается в некоторой степени и другим. Гильдейский социализм стремится поэтому к миру свободных обществ, в надежде на полное осуществление своих принципов лишь в таком мире [illegible].

Поэтому вопросом первой важности для гильдейских социалистов является вопрос о том, какие тенденции развиваются среди пролетариата других стран. И [illegible] они не [illegible], они [illegible] с чувством удовлетворения, что не только везде существуют подобные же, требующие разрешения проблемы, но что наряду с этим в рабочей среде пробуждаются стремления, если не точно такие же, то аналогичные настроения, а во многих случаях и [illegible] гильдейской теории. Они, конечно, с огромным интересом следили за внутренним положением в России, поскольку это было возможно при „советском режиме" и постепенном возникновении [illegible] в последнее время. Они понимают, конечно, что современные формы русской промышленности [illegible] требованиями военного времени и что было бы [illegible] ожидать при нынешней ситуации развития какой-либо

нию разработанной демократической экономической системы. Они понимают также, что русские коммунисты вполне естественно придают большее значение обеспечению завоеваний своей революции, чем попыткам немедленного проведения демократического самоуправления среди плохо подготовленных и недавно эмансипировавшихся рабочих России. Они понимают, что при современных условиях легче прибегнуть к „железной пролетарской дисциплине", чем избрать путь демократии, но они, вместе с тем, понимают, что этот метод, взятый сам по себе, может применяться лишь в течение переходной фазы революции, которая была неизбежным следствием военных авантюр союзнических держав и установления их санитарного кордона. Но они находят, что даже и теперь, несмотря на номинальный „государственный суверенитет советов", экономическая власть и функции фактически перешли в руки совершенно иных хозяйственных учреждений, деятельность которых координируется Высшим Советом Народного хозяйства, который подобно менее важным экономическим организациям состоит, главным образом, из представителей профессиональных союзов. По их мнению Ленин, говоря, что профсоюзы стали „государственными организациями", подразумевает под этим не то, что профсоюзы подчинены государству и превращены в простые орудия для выполнения советских декретов, но что они вошли в качестве составного элемента в признанную конституцию общества и в значительной мере заняли принадлежащее им по праву функциональное место в управлении индустриальными производственными процессами. Равным образом, они признают, что, так называемая национализация кооперативных обществ была направлена не к уничтожению их значения или к растворению их в советах, но к их реорганизации в качестве признанных конституцией представителей всех потребителей, при чем они выполняют функции, близко схожие с теми, которые гильдейские социалисты хотели бы предназначить кооперативному движению в будущем.

Не подлежит сомнению, что советизм или скорее большевизм, в результате войны втянувший значительную часть более молодого поколения, обнаруживает в настоящее время заметные бюрократические тенденции, никоим образом не гармонирующие с идеями гильдейского социализма, но наиболее компетентные наблюдатели сходятся в том, что по мнению Ленина, когда будет устранено давление практических нужд, бюрократия и „государственнообразные" советы атрофируются со стороны их экономических функций и предоставят поле хозяйственной деятельности профессиональным союзам и потребительским организациям. Такая система не будет настолько далека от гильдейского социализма, чтобы затруднить возможность теснейшей интернациональной связи.

В настоящее время по Европе раздается клич, исходящий от „левого крыла" каждой страны, в пользу „советского строя и диктатуры пролетариата". Этот клич в действительности означает не более не менее как стремление к возможно более скорому осуществлению пролетарской революции. Но в этом клич пожалуй слышится быть может менее ясно проступающий, но не вызывающий сомнения лозунг производителей, требующей экономической свободы и самоуправления. Этот лозунг, раздающийся в Германии, в значительной степени переплетен с коммунистическими требованиями и в замаскированном виде проникает в германские плюралистические схемы „социализации", тождественные „витализму", как он выражен в планах британского правительства относительно горного и железно-дорожного дела. Повсюду рабочие не только организуются для того, чтобы обеспечить себе власть над государством, но они выдвигают также требования, хотя неоформленные теоретически, о проведении самоуправления в промышленной области.

Два других движения, которых мы должны коснуться—это рабочее движение Франции и Соединенных Штатов. Франция—родина „синдикализма", представляющего собой смешение анархистского коммунизма и трэд-юнионизма. У синдикалистов гильдейские социалисты научились многому в первые дни своего собственного движения. Синдикалистская идея получила широкое распространение перед войной и хотя она и не вылилась в организованное движение за пределами латинских стран, она все же стала значительным фактором в пробуждении рабочего движения, имевшим место около десяти лет тому назад. В самой Франции синдикализм как будто стал выдыхаться как раз в то время, когда он начал достигать своих крупнейших успехов за границей, но недавно обнаружилось, что влияние синдикализма все еще плодотворно и что он принимает новую форму в изменившейся обстановке нынешних дней. Формула, с которой выступают ныне французские рабочие ручного и умственного труда, объединенные в Экономическом Совете Труда, это—„индустриализированная национализация", под которой подразумевается общественное владение промышленностью в соединении с системой смешанного контроля, осуществляемого представителями производителей. Это не есть требование гильдейского социализма, но оно настолько тесно связано с гильдейским социализмом, что оно не только облегчает сотрудничество между двумя обществами, основанными одно на гильдейско-социалистических идеях, и другое на новой французской рабочей программе, но и делает это сотрудничество неизбежным и нерушимым.

Еще менее тождествен с гильдейским социализмом план, разработанный впервые американскими железнодорожными

братствами и постепенно принятый углекопами и другими группами американских рабочих, но план этот также основан на некоторых основных гильдейских принципах. Это—план национализации и демократического контроля над промышленностью, отличающийся в некоторых важных пунктах от английских планов и прежде всего в том отношении, что он сохраняет в измененной форме материальные стимулы для продуктивной работы. Я лично считаю этот специальный пункт неудачным и ненужным, но вместе с тем, я признаю, что американский план находится в близком, если и не в кровном родстве с некоторыми предположениями, защищаемыми в этой книге.

Это только примеры, выхваченные из гораздо более значительного количества фактов, к которым постоянно прибавляются новые аналогичные факты то в одной, то в другой стране.[1] Я полагаю, что стимулы и логические рассуждения, толкающие в настоящее время рабочих к действию во всех почти промышленных странах, повсюду достаточно схожи друг с другом. Можно поэтому быть уверенным, что, если рабочим удастся свергнуть капиталистическое иго, они установят социальные системы, легко допускающие, благодаря своему сходству, совместную деятельность. Я также уверен, что почти все эти системы в значительной мере будут воплощать большинство важнейших принципов, отстаиваемых гильдейскими социалистами, хотя при этом многие из практических методов осуществления этих принципов могут отличаться друг от друга. Поэтому меня не беспокоит мысль, что гильдейско-социалистическое общество окажется окруженным враждебными нациями или попадает в критическое положение вследствие тех затруднений, которые якобы могут создаться в интернациональных торговых сношениях между гильдейско-социалистическим обществом и остальными. Я не предвижу таких затруднений, которые не могли бы быть быстро устранены даже в коммерческих сношениях между гильдейско-социалистической и капиталистической сторонами, еще в меньшей степени я предвижу возможность затруднений в торговле, основанной на товарообмене между свободными обществами, которые, как я верю, везде расцветут на развалинах капитализма. Я признаю, конечно, что изолированное гильдейско-социалистическое общество, существующее во враждебном ему мире, должно было бы выдержать вероятно, ту же борьбу за существование, какую выдерживает теперь Советская Россия; именно поэтому мы не должны забывать, что независимо от того, станет или не станет гильдейский социализм в тесном смысле слова всемирным движением, гильдейцы жизненно заинтересованы не только в успехе своего движения, но и в успехе близких ему других движений, существующих в других странах и основывающихся на аналогичных стимулах и идеях. Гильдейские социалисты, подобно всем истинным социалистам, должны быть интернационалистами и должны признавать свою заинтересованность не только в социальном строе своей собственной страны, но и в создании всемирного общества, в виде федерации свободных и внутренне самоуправляющихся коммун, связанных теснейшими узами общих гражданских и экономических интересов, общих идей и, быть может, больше всего теми отличительными оригинальными чертами, которые существуют в каждом истинном обществе и без которых общество потеряет всякий смысл своего существования.

[1] Попытка отметить наиболее значительные из этих фактов сделана в статье „Гильдии у нас и за границей", печатающейся в журнале „Гильдия" („The Guildsman").